Герм. Сандомирский

ФАШИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Герм. Сандомирский

ФАШИЗМ

«Фашизм чувствует в себе самом достаточно сил, чтобы преподать марксизму или ленинизму уроки права, политической экономии, морали и философии истории. И где, в другой стране, как не в стране Данте, Вико, Маццини, Беккариа и Гарибальди, мог бы найтись более благородный народ, способный осуществить заветы справедливости и свободы, обожествленные одним из лучших его сынов?»

П. Горголини («Фашизм в жизни Италии»).

«Фашизм — синоним анти-коллективизма и анти-диктатуры пролетариата».

(Ibid.).

Фашизм — милиция класса.

Де-Фалько.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3590. Главлит. № 2612. Москва. Напеч. 20.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

Вступление.

Счастливая случайность дала мне возможность в этом году ближе—не только по книгам—познакомиться с движением, давно привлекавшим мое внимание. К сожалению, до самого последнего времени в России с ним можно было ознакомиться лишь по случайным, отрывочным газетным сообщениям. Слова «фашизм», «фашисты» замелькали на столбцах европейской прессы к самому концу мировой войны. Разумеется, даже из этих отрывочных сообщений, описывавших подвиги итальянских фашистов, можно было составить себе о них некоторое общее представление. Антисоциалистический и антипролетарский характер этих выступлений был ясен всем. Но товарищи, с которыми приходилось часто беседовать о подвигах фашистов, жаловались на отсутствие сведений о размерах и силе этого движения. Что это—одиночные хулиганы, более или менее значительные группы или организованная партия? Идет ли здесь речь об обыкновенных националистах, преследующих свои «возвышенные» цели идеологического порядка, или мы имеем дело с обыкновенной черной сотней типа нашего «Союза Михаила Архангела» или «Двуглавого Орла» и т. д.? Книг, которые могли бы ответить на все эти волнующие вопросы, не было не только на русском, но и на французском или немецком языках. От Италии мы были отрезаны слишком большим количеством рогаток.

Теперь, когда я, по случаю Генуэзской конференции, побывал в Италии, ознакомился с фашистским движением по тем книгам, которые изданы ими и о них в Италии, увидел их славные подвиги своими глазами,—а, главное, уяснил себе из многих наблюдений и бесед с товарищами-анархистами и коммунистами их удельный вес,—я счел долгом по мере скромных сил своих восполнить этот пробел. Был и такой случай, когда моя особа привлекла к себе их благосклонное внимание,—к счастью, окончившийся для меня благополучно. Но именно этот случай я считаю весьма показательным. Он является наглядным примером того,

что фашизм не только пользуется покровительством буржуазного правительства Италии, но сам осуществляет фактический контроль над деятельностью правительства и его органов.

Город Специя,—где в последних числах апреля мне нужно было повидаться с лидером итальянских анархистов Энрико Малатеста и еще некоторыми друзьями, прибывшими из Турина, Болоньи, Милана и др.,—один из крупнейших военных портов Италии, с военным арсеналом и т. д. В Италии, как и везде, арсенальные рабочие принадлежат к разряду наиболее сознательных. Большинство из них примыкает к анархистам и революционным синдикалистам. В Специи в течение двадцати лет выходит рабочая анархистская газета; за последнее время приобретают влияние коммунисты. И если, вообще, Лигурийская провинция до последнего времени, по крайней мере, не принадлежала к тем областям, в которых фашисты могли гордиться особенным успехом,—то наименьшей популярностью они пользовались в Специи, где могли всегда ожидать себе стойкого отпора со стороны местных рабочих.

Случилось так, что, спустя два часа после того, как мы собрались, в помещение нагрянула полиция, обыскала всех присутствующих, за исключением меня, меня же, не обыскивая, арестовала и отправила в участок. Уже во время производства обыска мне бросилась в глаза исключительная наглость молодого человека, руководившего всей процедурой и арестовавшего меня. Он был одет в приличное статское платье, на носу — изящное пенснэ,—но по той особой наглости, с которой он заставил престарелого и безоружного Малатеста, пользующегося исключительной популярностью даже среди врагов, стоять во время обыска с поднятыми кверху руками,—покуда он рылся в его жилетных карманах,—по некоторой властности, звучавшей в его голосе, — я понял, что передо мной не только полицейский, но и несомненный фашист,—да к тому же еще из числа влиятельных местных «capi» (главарей). Я понял, почему все демократические «свободы» Италии пошли сразу на смарку, почему товарищей обыскали, не об'явив даже о причине обыска и не спросив их фамилий, почему на все мои протесты он не обратил никакого внимания. Из его расспросов я понял, что это не обыкновенная полицейская ищейка, а опытный, страстный «охотник на людей», великолепно знавший в лицо всех лидеров итальянского анархизма. Я посоветовался с Малатеста. Да, стратегические условия были не в пользу моих друзей. Нужно временно покориться и отправляться в участок, а затем меня выручат.

Полицейский комиссар принял нас более любезно (меня сопровождал в участок редактор местной газеты т. П. Бинацци), и, после двухчасовых телефонных звонков во все концы Италии,

освободил меня из камеры, где мы сидели с моим спутником. По возвращении моем из участка в гостиницу, где меня ожидали друзья, занятия наши возобновились. Дискуссия длилась уже около 2 часов, как, вдруг, по встревоженному лицу миланского товарища, которого вызвал из комнаты «свой» кельнер, я понял, что назревает какая-то новая история. Оказалось, что дом окружен со всех сторон бандами фашистов. Их привел тот же секретарь полиции, который производил обыск,—оказавшийся лидером местных фашистов. Он остался недоволен решением комиссара выпустить меня, и решил взять «живьем» меня и Малатеста. Два часа длилась уже осада, мы продолжали вести свою беседу (ничего другого нам не оставалось делать!), кельнеры приносили ежеминутно все более и более грозные сведения,—как, вдруг, приходит радостная «сводка» с фронта: прибыло подкрепление в лице нескольких десятков «arditi rossi» [1]), заявивших устами присланного ими делегата, что они не дадут в обиду ни Малатеста, ни меня. Мы сидели во внутреннем флигеле, и нам трудно было разглядеть всю толпу, но угрожающие голоса и перебранка на улице между фашистами и красными до нас доносились отчетливо. Нам рассказывали, что фашисты не хотят верить тому, что итальянские анархисты захотели прослушать доклад своего товарища о русских делах. Они уверены, что анархисты собираются «поднять мятеж» в самой Специи и т. д. Характерно, что те же подозрения высказывал нам в глаза юнец-фашист, производивший обыск, а теперь руководивший блокадой. Из его планов, однако, ничего не вышло. Превосходство оказалось на стороне красных. После небольшой рукопашной фашистам стало ясно, что на победу рассчитывать нельзя,—и они, как будто отказавшись от агрессивных замыслов, продолжали стоять у ворот, ожидая нашего выхода. К вечеру пришел приказ из Генуи—отправить меня в Рапалло, а Малатесту — с ближайшим поездом в Рим. После некоторого обсуждения решено было, что я выйду первым. В сопровождении одного местного рабочего я вышел за ограду, чтобы отправиться на вокзал,—и тут впервые, лицом к лицу, увидал банду этих молодых хулиганов, сеящих панику, убийство и разбой по лицу всей многострадальной Италии. Их было несколько десятков. По внешнему виду — все учащаяся молодежь и, во всяком случае, подростки лет 17—18, с гордостью носящие символические черные рубашки и особые значки. В руках у всех были толстые палки (оружие обычно прячется по карманам). Каюсь, не заметил я на их лицах ни «священного энтузиазма», о котором часто любят

---

[1]) Красные боевики,—отряды из рабочих, ведущие партизанскую войну с фашистами.

распространяться «в целях об'ективности» даже враги фашизма. Я увидел ряд наглых, беззастенчивых, раскрасневшихся от волнения, по большей части, безусых физиономий, весьма напоминавших хулиганские лица нашей—печальной памяти—«академической молодежи», срывавшей студенческие забастовки и занимавшейся доносительством на своих товарищей. Разницы—никакой! Они яростно сжимали свои палки и, чувствуя полное бессилие перед лицом «ардити», вполголоса отпускали по нашему адресу угрожающие замечания, покуда мы проходили мимо них. Но красные боевики, выстроившиеся против них стеной, зорко следили за каждым их движением... Как я узнал после, Малатеста был отпущен на вокзал только после длительных переговоров наших товарищей с ними.

И все это, повторяю, происходило в городе, где фашисты в то время не пользовались превосходством и где наиболее смелые из рабочих позволяли себе (правда, с большим риском!) разгуливать по городу с сакраментальными серпом и молотом в петличке! Воображаю, как разделались бы они с нами в какой-нибудь Тоскане или Болонье.

В другой раз мне пришлось видеть близ Санта-Маргериты многочисленную банду фашистов, отправлявшихся на крестьянских подводах, растянувшихся гуськом, в карательную экспедицию против какой-то провинившейся соседней деревни. Те же наглые лица опьяненных сознанием своей власти и беззащитности противника людей, те же черные рубашки, те же значки,—да еще испускаемый ими отвратительный и пронизывающий уши клич: «A noi, Eja, Alalà!» [1]),—и опять ни тени «священного идеализма», ни малейшей готовности к самопожертвованию в нахальном взгляде,—скорее, воспаленные взоры алкоголиков или психически-расстроенных людей. Дело происходило в воскресенье, часов в 9 утра. Недалеко от карательного «поезда» собралась большая толпа любопытных, отчасти перепуганных за собственную участь людей. Но—ни одного замечания, ни одного протеста из толпы! Подавленность царила во взоре этих забитых людей и прочесть в них можно было одно: «Только бы пронесло эту грозу поскорей мимо нас!»

Так держали себя весной этого года фашисты в Лигурии, где они не могли хвастать особыми успехами. Но уже и там сказывалось то, что во многих местах Италии они сумели наступить своей пятой на грудь рабочих и обездоленных, трудящихся крестьян. И забитые массы Лигурии ждали со страхом момента,

---

[1]) «К нам, Эйя, А-ла-ла!» — воинственный клич фашистов, с которым они идут в бой.

когда очередь дойдет до них. Теперь, когда я пишу эту книгу, очередь уже дошла и до Лигурии,—и во время последних событий фашисты и в Генуе, и в Специи оказались хозяевами положения...

Забитость и запуганность трудящихся масс в Италии, как бы переживающих перед устрашающим влиянием фашизма состояние какого-то психологического анабиоза или даже паралича, меня поразили не только в беседах с рядовыми ее представителями. Отражение этого страха звучало и в голосе многих сознательных товарищей. Когда я говорил с ними о фашизме, многие пережитки самодержавной эпохи вставали передо мной. Такое же волнение и возбуждение, вызванное не только негодованием, но и страхом, можно было услышать в голосе беззащитных студентов и курсисток, отправлявшихся на демонстрации, где их ожидала казацкая нагайка, такая же обреченность—в глазах еврейских юношей, записывавшихся в отряды самообороны, — почти без всякой надежды на успех в борьбе с погромными бандами.

Помню вечер 1 мая в С.-Маргерита, на который были приглашены нами французские и итальянские товарищи,—и три удивительных нюанса, отчетливо послышавшихся мне в пении революционных песен. От некоторых товарищей, кичащихся своеобразным снобизмом, часто приходится слышать, что «Интернационал» потерял свою прелесть в России. Прекрасное и возвышенное,— говорят они,—кончаются с победой; в России «Интернационал» превратился в казенный гимн. Эти люди, должно-быть, не знают очарования силы, приведшей к победе над врагом, и не могут оценить торжественной симфонии, поющей победу самого возвышенного идеала, который когда-либо знало порабощенное человечество. Если бы в тот вечер они услышали эти могучие, стройные звуки величественного гимна п о б е д и в ш и х рабочих— в самом пекле отвратительных торгов, вызванных разыгравшимися волчьими аппетитами врагов русской революции, — они, может-быть отказались на этот раз от своего снобизма.

Затем, запели французы... В их «Карманьоле» не слышно было еще нот ликующего торжества над противником, но зато звучала лихая удаль с в о б о д о л ю б и в о г о блузника парижского предместья, весело идущего в атаку на зазнавшегося буржуа. Но, вот, нестройным, несмелым хором им пришли на смену итальянские товарищи, — и в огромном зале зазвучала наиболее ненавистная фашистам песня местных коммунистов.

Запевалой выступил молодой, красивый рабочий, почти мальчик. У него совсем маленький был голос,—и все же было трога-

тельно слышать его срывавшийся на высоких нотах тенорок, которым он старательно выводил:

«Bandiera rossa trionphera!» [1]).

И волнение, перемешанное с радостными слезами, слышалось в голосах подпевавших ему товарищей и передавалось всем нам. Нахмурился прожженный фашист — хозяин отеля. Никогда под сводами этого величественного зала, видавшего самые бесшабашные оргии миллионеров-туристов, не раздавалась эта преступная песнь. Снести этот позор пришлось ему только ради русской делегации, занимавшей отель. Он был спокоен, покуда пели «Интернационал» и «Карманьолу»,—но его лицо исказилось, когда он услышал песнь взбунтовавшихся итальянских рабов.

Да, гнусные фашистские банды, воспользовавшись рядом благоприятствовавших им обстоятельств, о которых речь будет в самой книге,—сумели наложить ярмо рабства на наших итальянских товарищей, самоотверженно борющихся за торжество социальной революции. От хваленых демократических свобод при первом прикосновении фашистского кулака и фашистской остроконечной палки не осталось и тени. Но они решают успех битвы в пользу фашистов только на сегодняшний день. Своей работой фашисты подрывают то дерево, на которое им удалось сейчас взобраться. Разгул грубой силы, покровительствуемой буржуазным правительством, скоро уничтожит последние остатки демократических иллюзий в умах наиболее отсталых итальянских рабочих и крестьян,— и, может быть, не так уж далек тот день, когда не в робко-распеваемом рабочем гимне, а на самом деле—

«Bandiera rossa trionphera!»

Москва 10/XI. *Г. С.*

---

[1]) «Красное знамя победит!»

I.

«У фашизма нет собственной идеологии».

Если верно, что в России до последнего времени не было литературы о фашизме и все сведения о нем ограничивались телеграфными сообщениями о подвигах его сторонников, то вряд ли это произошло случайно. В этом легко убеждается всякий, кто принимается за изучение фашизма всерьез, по книгам, роясь в ворохе парламентских и иных речей, произнесенных его лидерами, отчетов их конгрессов, партийных манифестов и т. д. Тот, кто принимается за изучение фашизма, как определенного социального движения, с определенным идеологическим обоснованием, с резко выявленной программой, — разочаровывается в своем занятии чрезвычайно быстро. В этом смысле, следует считать безусловно преувеличенными упреки, которые часто приходилось слышать по адресу коммунистов или анархистов в том, что они пренебрегают изучением этого мощного «социального движения» в лагере их политических противников. Порожденный определенными экономическими и политическими условиями Италии, перекинувшись затем в другие страны, фашизм представляет собою безусловно любопытное социальное явление, но он ни в малейшей мере не обладает теми признаками, которые могли бы ему придать прочную структуру социального движения, опирающегося не только на ясно выраженные классовые или групповые интересы, но и связанного определенной идеологией.

Время, в которое мы живем, — эпоха социальной революции, загоревшейся на Востоке и медленно, но неуклонно перебрасывающейся из России в другие страны, — знает много аналогичных явлений. Возьмем то сплетение многообразных социальных групп, их пострадавших экономических интересов, рушившихся политических планов, ущемленных самолюбий и аппетитов, ниспровергнутых авторитетов, — тот сложный клубок ненависти и вражды, лицемерия и предательства, который вызван к жизни русской революцией и который было бы правильно назвать «дворянски-помещичьи - фабрикантски - интеллигентской» контр-революцией. Разве не напрасно потерял бы время тот бытописатель или исто-

рик этой контр-революции, всегда действующей заодно, как действуют в Италии и фашисты, если бы он попытался построить общую идеологию, общую доктрину этой многоголосой и разноязычной контр-революции? Ведь, каждому из нас великолепно известно (и это доказано уже многочисленными историческими примерами, — как, например, неудачно кончившийся роман социалистов-революционеров с Колчаком в Сибири и т. д.), что в случае торжества контр-революции, все переплетающиеся в этом сложном клубке социальные группы перегрызлись бы между собой из-за обладания политической властью и экономического господства. Вот почему, изучая отдельные течения внутри русской контр-революции, читая их литературу, знакомясь с их программами и т. д., никто и не подумает тратить время на идеологическое об'единение этих течений.

Между тем, на долю исследователя фашизма выпадает именно такая неблагодарная задача. Фашизм в Италии представляет собою такое же хитросплетение самых разнообразных экономических и политических интересов, как и русская контр-революция Как и различные, между собою враждующие и не могущие не враждовать, элементы русской контр-революции, эти интересы соединились лишь на время перед лицом общего грозного врага, с той только разницей, что в России враг уже одержал над ними эту победу, а в Италии лишь неустанно, несмотря на трагический мартиролог страданий, выпавших на его долю, готовится к ней.

Выше я назвал преувеличенными упреки, направляемые по адресу коммунистов и анархистов, в их пренебрежении к изучению столь мощного противника, каким является фашизм. Что касается физической мощи противника, то я думаю, что она весьма трезво учитывается коммунистами, анархистами и синдикалистами во время каждодневных боев, ведущихся с ними. Но изучать «теорию» или «доктрину» фашизма — это значит изучать весь комплекс буржуазных доктрин, направленных спутников: империаковечению капитализма и его неизбежных спутников: империализма, национализма, милитаризма и т. д. Этим доктринам теоретики коммунизма, анархизма, синдикализма, — всех социальных движений, направленных к уничтожению капиталистического гнета, уделяют, конечно, все свое внимание. Но изучать теорию фашизма — это все равно, что заниматься поисками философского камня в наше время, по той простой причине, что никакой особой теории фашизма нет и быть не может.

Правда, на-лицо есть целый ряд безуспешных попыток создать «на страх врагам» эту теорию, обосновать разбойничьи подвиги фашистских банд стройно разработанной программой фашизма. Как и каждая уважающая себя политическая партия, да еще собирающаяся опереться для осуществления своих задач на многострадальные плечи пролетариата и крестьянства, фашисты, помимо имеющихся в их распоряжении военных отрядов, имеют и свои центральные и местные комитеты, группы, ячейки, созывают

периодические конгрессы и усиленно стараются создать свою литературу. Но даже самый беспристрастный исследователь их произведений неизбежно будет вынужден признать, что эти попытки до сих пор не увенчались ни малейшим успехом.

Таким образом, на недоуменные вопросы, которые мы приводим во вступлении: «Что же это, — преступные банды, итальянский союз Михаила Архангела» или «Двуглавого Орла?»—приходится ответить положительно. В идеологическом отношении фашистами создано гораздо меньше, чем нашими отечественными черносотенцами. Черносотенцы наши выросли из темных глубин нашего мрачного прошлого. Их духовным воспреемником было правое крыло славянофилов, идеализировавших «православие, самодержавие, народность». Монархические устои, клерикализм, антисемитизм питали их своими соками, давали им жизнь на протяжении долгих десятилетий, выдвигали на защиту их крупные литературные (а иногда и философские) силы. Ничего подобного нет у фашистов. Как мы увидим ниже, они — сомнительные монархисты и еще более сомнительные республиканцы, живут в сильном неладу с церковью, ругаются со всеми партиями, умудряясь вести глубокую «идейную» вражду даже с итальянскими националистами. Оппортунизм теоретический и практический всех сортов и видов возведен в систему. Их писания полны грубейших противоречий и отличаются удивительной поверхностью. Фашизм — по сравнению с прочно поставленным и затейливо расписанным теремом нашей былой черносотенщины, — наспех и грубо сколоченный ярмарочный ларек, вымазанный кричащей националистически-патриотической охрой, специально на предмет завлечения покупателя. Разумеется, и фашистские теоретики делают все нечеловеческие усилия для того, чтобы найти себе приличных духовных предков. Их писания пестрят популярными именами Гарибальди, Маццини и прочих спасителей отечества, но все эти писания не убеждают в подлинности пред'являемых ими «документов о происхождении». И, если кому-либо из исследователей итальянской действительности очень уже захочется установить точную генеологию учеников Муссолини и д'Аннунцио, мы советуем ему обратиться к той родословной фашизма, которую мы находим в книге анархиста Луиджи Фаббри «La contr-rivoluzione preventiva», где он резюмирует ее в следующей исторической параллели:

«Что касается итальянского фашизма, то, конечно, он имеет свое собственное происхождение, свои уклоны в ту или иную сторону и т. д. В некоторых отношениях он лучше, в других — хуже своих заморских братьев [1]) и предшественников, но, во всяком случае, он не является исключительной новинкой. Если вы познакомитесь с подробной исторической хроникой Италии за период

[1]) Фаббри в своей книге сравнивает итальянских фашистов с венгерскими и баварскими реакционерами, испанскими «хунтами», пинкертонщиками Америки и т. д.

с 1795 по 1860 год, вы уже там найдете его корни. Так, например, «санфедисты» (одно из тайных обществ) вначале было своеобразной патриотически-реформаторской сектой. Но затем оно сделалось реакционным и австрофильским, отдав свой разбойничий кинжал на службу тиранам Италии, превратившись, таким образом, в нелегальную, конспиративную партию, которая взяла на себя защиту существующих учреждений против «красных» конспираторов-карбонариев и членов «Молодой Италии». Эти санфедисты — преимущественно в Фаенце, Равенне и др. городах Романии, провоцировали столкновения с карбонариями, но правительство обвиняло только карбонариев. Так, де-Кастро, например, рассказывает: «Вооруженная кровожадная сволочь, проходя по городам и весям Фрозиноны, всюду сеяла убийства и грабежи под предлогом защиты трона и охоты на либералов, а правительство то и дело приговаривало либералов к виселице, отпуская разбойников на все четыре стороны (курсив Фаббри). Как видите, — поистине нет ничего нового в подлунном мире».

Пусть эта родословная фашистов, «кровожадной, вооруженной сволочи», по нашему мнению, правильно установленная Л. Фаббри,—однако, не приводит в отчаяние читателя, взявшегося за книгу. Мы обещаем самым добросовестным образом, цитируя не только их врагов, но и собственных идеологов фашизма, изложить сущность того, что фашисты выдают за свою доктрину. Мы самоотверженно пустимся с ними в дебри той метафизической абракадабры, которая заменяет, на самом деле, эту доктрину и столь неумело пытается скрыть откровенные аппетиты и далеко не возвышенные поползновения лидеров и членов так называемой «фашистской партии». Но мы слагаем с себя заранее всякую ответственность на тот случай, если из утомительного путешествия он вынесет только убеждение в... правильности вышеприведенной характеристики партии господина Муссолини. Трудно надеяться постичь точную программу «партии», один из вождей которой, Гранди, заявил на ее третьем конгрессе, т.-е. спустя 2½ года ее официального существования, следующее: «Если понимать под словом «партия» политическую силу, которая действует в стране путем соревнования на выборах и в парламенте через посредство известного числа своих политических представителей, то мы уже партия, и таковой мы являемся со временем последних выборов. Но если понимать под словом «партия» такое движение, которое имеет свою собственную идеологию, свою собственную физиономию, свою собственную диференциацию, то мы еще — не партия».

II.

О добрых критиках фашизма.

Курьезнее всего, однако, что в утомительности этого путешествия повинны не столько сами фашисты, сколько многие из их решительных и непримиримых противников. В этом отношении, фашистам удивительно повезло. То, что они не сумели построить сами, за них поспешили достроить их противники. Таково уж свойство некоторых критиков. Точно не желая «опускаться» до критики нестоющего противника, они спешат великодушно наградить его различными несвойственными ему добродетелями, чтобы затем торжествовать блестящую победу над нагроможденными ими же самими трудностями. Это они создали легенду о каком-то «возрождении» итальянского национализма, о своеобразных социалистических и чуть ли не коммунистических устремлениях фашистов и об их радикализме в разрешении аграрного вопроса. По крайней мере, один из московских журналистов, побывавших в Италии, уверял, что фашисты — в демагогических, конечно, целях — высказываются теперь за раздел помещичьих земель между крестьянами. Говорить такие вещи о фашизме можно только, не будучи знакомым с самой сущностью их деятельности и с подоплекой их движения. О разделе помещичьих земель, даже в демагогических целях, не могут говорить субсидируемые этими помещиками фашисты. Ниже, при ознакомлении с «аграрной программой» фашистов, мы увидим, что ни по одному вопросу они не высказываются с такой похвальной откровенностью, как по этому. Разумеется, где-нибудь в глухой провинции, на собрании невежественных и легко поддающихся обману итальянских крестьян ловкий оратор-фашист может выкинуть такое коленце и, ради конкуренции с социалистами, пообещать легковерным c o n t a d i n i передел помещичьей земли или отмену арендной платы. Но можно ли считать эти демагогические выкрики материалом хоть сколько-нибудь пригодным для характеристики программных целей фашистов? Подобные рассуждения напоминают мне курьезные случаи обратного свойства, когда некоторые невежественные фашисты, незнакомые с сущностью русского большевизма, заявляли, что считают своими врагами только

итальянских p u s (презрительная кличка, которыми они награждают местных социалистов), но что они ничего ровно не имеют против русских большевиков. Много смеялись в итальянской прессе по поводу письма, опубликованного в одной из провинциальных газет солдатом-фашистом. (В подлинности письма можно не сомневаться, потому что под ним был напечатан адрес казармы, из которой оно было прислано). Этого солдата обвиняли в том, что он украл курицу у соседа. И он счел долгом заявить во всеуслышание, что он, действительно, совершил этот поступок потому, что его фашистские убеждения вполне уживаются с... проповедью Ленина. Ленин, ведь, тоже говорит, что, если у твоего соседа имеются две курицы, одну из них можешь взять себе. В этом пункте, по мнению автора письма, учение Ленина совпадает целиком с идеями фашистов.

Эта история с фашистом, Лениным и курицей должна бы приучить к большей осторожности тех критиков, которые готовы наделить фашистское «учение» несвойственными ему идеалистическими и даже полу-социалистическими тенденциями.

Поразительнее всего, что такое рекламирование фашизма мы встречаем не только у ряда прославленных своим оппортунизмом, политических и государственных деятелей Италии, как, например, Саландра, Орландо, Миссироли (кстати, этот последний,—вождь итальянских либералов, оказал неоценимую услугу фашистам своей книгой), но и в публичных выступлениях выдающихся итальянских социалистов. Ниже нам, может быть, придется еще цитировать отзывы Ф. Турати о фашизме; сейчас же мы не можем пройти мимо удивительного выступления такого старого социалиста, как Энрико Ферри, речью которого не раз пользовались и хвастались фашистские лидеры. Ферри нашел возможным удостоить фашистское движение «научных методов исследования», результатом которых явился целый ряд самых неожиданных комплиментов по адресу потомков «кровожадной сволочи». Что это—психологическая депрессия, царящая в стране и с особенной тяжестью обрушившаяся на утомленный мозг старого ученого-юриста и социолога, а в одно время и вождя ортодоксального итальянского социализма, или просто «умственная эквилибристика», столь свойственная социалистической интеллигенции Италии,—пусть судит сам читатель. Мы же, приведя наиболее существенные выдержки из этого своеобразного панегирика фашистам, раздавшегося из уст социалиста, напомним, что Энрико Ферри не принадлежал во время войны к социал-интервентистам и что даже социал-патриотические узы не должны были бы связывать его с шайкой Муссолини.

«Разбираясь в деятельности фашистов,—заявил Э. Ферри,—я нахожу возможным говорить о ней в духе научной об'ективности. Фашизм, как я уже имел случай говорить об этом, представляет собой весьма сложное политическое и социальное явление. Нельзя отрицать также, что он привлек к себе внимание всех политических элементов Италии. Вот почему следует спокойно

разобраться в нем. Разумеется, я от всей души оплакиваю те многочисленные личные насилия, к которым прибегали и прибегают многие фашисты, но они представляют собою эпизодическую, наиболее шумную и печальную сторону фашизма, который имеет, однако, свои политические и социальные основания (ragioni) и потому достоин нашего изучения. Мы должны только пожелать, чтобы как можно скорее прекратились насилия, как мы желали того же всегда в отношении насилий, совершавшихся (этого отрицать нельзя) и другой стороной (Курс. наш). Фашизм, по моему мнению, представляет собою явление духовного порядка. Это прежде всего отображение душевного настроения юношества и студенчества; с политической же стороны, фашизм — оборонительная реакция буржуазного класса. Вполне естественно, что класс капиталистов защищается против социалистической партии».

Далее, Э. Ферри говорит, что после краха реакционного законодательства в Италии, направленного против деятельности социалистов, буржуазия решила взяться за другие средства защиты:

«Она стала посылать своих детей в церковные и правительственные школы, которым даны были определенные директивы патриотического характера. Душевное настроение юношей-фашистов, по всему своему характеру добросовестных и по преимуществу идеалистически настроенных (курс. наш) — продукт школы 900-х годов. Результатом этого же воспитания явилось то, что многие юноши с энтузиазмом отправлялись на войну, где рисковали и жертвовали своей жизнью. Я был против войны, но я уважаю тех, кто умел жертвовать собой, и восхищаюсь всеми, кто сумел проявить героизм и самопожертвование... Я — интернациолист, но я всегда говорил и писал (и на столбцах «Avanti», когда редактировал эту газету), что интернационализм не может убить исторического факта—нации. Для торжества международной цивилизации необходимы успехи национальной цивилизации. Мы родились в Италии. Поэтому, — мы любим ее, хотя и стремимся к созданию Соединенных Европейских Штатов и к международному гражданству. Разница между нами и националистами, помимо некоторых односторонних увлечений последних, заключается в том, что мы любим нашу страну—не в ущерб другим странам, а вместе с ними».

Нужно знать хоть немного современную Италию, чтобы постичь, какое смешение умов может внести в среду слушателей такое сверх-об'ективное и сверх-либеральное изложение фашизма

одним из крупнейших вождей его противников! Когда мы познакомимся с «программой внешней политики» фашистов, мы с изумлением увидим, что даже в мечтах о Соединенных Штатах Европы они целиком сходятся с почтенным профессором-социалистом. Мало того: с в о и политические разногласия с националистами фашисты формулируют в таких же точно выражениях, в каких Ферри сопоставляет свои воззрения с... проповедью Муссолини. Но Э. Ферри не удовлетворился этим. В годину самого ужасного разгула фашистов, когда провинциальные фашистские банды отказались подчиниться приказу своего вождя о временном перемирии с социалистами, он нашел почему-то нужным выдать Муссолини и его черной сотне аттестат благоразумия и добропорядочности.

«Фашизм», — закончил он свою речь, — «стоит теперь перед решительной дилеммой: л и б о о н б у д е т п р о д о л ж а т ь т е ж е а к т ы н а с и л и я в и н т е р е с а х п о м е щ и к о в и к а п и т а л и с т о в (к у р с. н а ш. Куда девался прекраснодушный идеализм, которому отдается дань поклонения в первой половине речи? *Г. С.*),—и тогда он, очевидно, кончит тем, что возбудит против себя общественное мнение; либо он хочет развиваться и превратиться в политическую силу на почве закона и вылиться в законные формы гражданского общежития, — и тогда он должен построить себе социально-политическую программу. Э т о п о н я л и у ж е М у с с о л и н и и д р.; т а к о в а р а б о т а, о т н ы н е с т о я щ а я п е р е д д о б р о п о р я д о ч н ы м и ф а ш и с т а м и».

Ферри — только наиболее яркий образчик идейных врагов фашизма, наделяющих его несвойственными ему добродетелями. Но он не один. Поразительно, как Ферри и многие из его единомышленников, в своей преступной «об'ективности» стремящиеся быть p l u s r o y a l i s t e s q u e l e r o i - m ê m e, позволяют себе распинаться о чистоте идеалистических побуждений фашистского юношества—в то самое время, как от'явленный реакционер из либералов старого типа Марно Миссироли в своей книге, н а п и с а н н о й в з а щ и т у ф а ш и з м а, поражается, — как могут дойти образованные юноши, воспитавшиеся на возвышенных образцах классической итальянской поэзии, до такого неслыханного душегубства, какое проявляется фашистами на каждом шагу!

На самом деле, целиком, разумеется, правы те противники фашизма, которые отказываются видеть в нем какие-либо альтруистические, идеалистические или даже полу-коммунистические устремления и, вообще, что-нибудь, кроме самого грубого эгоизма, избравшего наиболее отвратительные приемы борьбы в деле защиты классовых интересов земельных феодалов и городской буржуазии. Таких исследователей фашизма мало, но, к счастью, они все же есть.

Вот что говорит, например, «автономный» социалист, т.-е., самый скромный реформист, оффициально стоящий значительно пра-

вее «интернационалиста» Э. Ферри, — человек, писания которого проникнуты душком самого обыкновенного шовинизма,—Джузеппе де-Фалько в предисловии к своему очерку: «Фашизм — милиция класса»:

«За исключением насилий, совершенных в угоду капитала, я никогда ничего другого в фашизме не видел. Я пытался в этом шумном и более опирающемся на мускулы и оружие, чем на мозги, движении найти какой-либо путь к отысканию—хотя бы в зачаточной форме — новой идеи, и даже, если не новой, то такой, которая заслужила бы себе право гражданства среди аналогичных идей, борющихся между собою на социально-политической арене. Я пытался в утверждениях фашистов услыхать хоть лепет ребенка, который хочет что-то высказать, на что-то пожаловаться, передать вам ощущение своей горести или какого-либо другого своего переживания, но не находит достаточно слов, чтобы излить то, что накипело у него внутри. Я расспрашивал, много читал, стремился приобрести необходимую для этого эрудицию,—но в ответ мне всегда раздавалось... либо эхо револьверного выстрела, шипение пламени или рев нападающего насильника.

«Тогда я убедился в том, что анализ идей фашизма невозможен по той простой причине, что нельзя подвергнуть рассмотрению несуществующее. Можно, конечно, рассуждать об абстрактных вещах, погружаться в туманные сферы метафизики, разгуливать по запущенным садам Утопии. Но все же каждое политическое движение должно обладать известного рода законченностью; даже для того, чтобы быть утопией, оно должно иметь определенную цель [1]). Между тем, у фашизма нет ни этой законченности, ни этих ясных устремлений. Таким образом, не может быть и речи о разборе его теоретических положений, за полным отсутствием таковых. В лучшем случае,—фашизм является пережитком войны,—известным душевным настроением, которым ловко пользуются аграрии и промышленники».

И далее, коснувшись основных утверждений фашистских лидеров, о которых речь будет ниже, де-Фалько правильно отмечает:

«Фашизм усвоил себе довольно удобную тактику в борьбе со своими критиками. Он постоянно жалуется на то, что его не понимают, что не умеют постичь всей глубины его сокровенных мыслей... В сущности, фашизм, который, вот, столько уже времени бьется в поисках программы, приписывает другим непонимание,—т.-е. свой собственный недостаток, свой органический порок,—и при этом не понимает, как это другие не могут себе усвоить того, чего никто никогда не сказал и о чем никто не думал. И все-таки, действуя так, фашизм добился некоторых результатов. Так, например, такие исследователи фашизма, как мой дорогой коллега и друг

---

[1]) Здесь, конечно, де-Фалько впадает в противоречие с самим собой. Если „фашизм — милиция класса", — значит, цель у него есть, и весьма определенная.

Марио Миссироли, умудрились разглядеть в фашизме то, чего в нем нет, и приписали ему такие идеи, которых он никогда не имел. Это обстоятельство, в конце-концов, угрожает тем, что они способны снабдить фашизм такой программой, и теоретической базой, которую он сам не был в состоянии создать. Если бы еще и другие исследователи фашизма, обладающие таким же талантом, как и Миссироли, стали трудиться над логическим обоснованием фашизма, то нам вскоре пришлось бы наблюдать следующую любопытную картину, которая кажется нам поистине парадоксальной: движение, финансируемое — с материальной стороны — капиталистами, получало бы свою моральную и интеллектуальную поддержку от своих критиков и даже противников.

«Я не считаю себя подготовленным к такой задаче. Я предпочитаю рассматривать фашизм в том виде, в каком он существует, разобраться в причинах его возникновения, — а не исходить из того, каким он может показаться и другим или каким он выглядит в воображении Марио Миссироли. Вот почему мой очерк может быть только полемическим и представлять собою изложение хроники нескончаемых насилий. Противники социализма— и ряда других социально-политических доктрин — любят приписывать им совершенно-непринадлежащие им идеи для того, чтобы доказать их теоретическую несостоятельность. Фашизму приходится, наоборот, принести в дар несколько чуждых ему идей для того, чтобы о нем можно было рассуждать, как о последовательной политической доктрине. Чувствую, что каждая моя попытка в этом направлении будет тщетной, ибо она заведет меня туда, куда за мной не успеют последовать творцы фашизма».

В дальнейшем, де-Фалько несколько нарушает наложенный им на себя строгий обет. Его очерк представляет собой несколько больше, чем простое перечисление «преступлений», совершенных фашистами. Не смог он и удержаться от попытки разобраться в отдельных частях фашистского «учения», как определенной доктрины. Но от этого его общая точка зрения на фашизм не перестает быть правильной. Как мы видим, эта точка зрения недалека от взглядов, изложенных Луиджи Фаббри, и не противоречит той родословной фашизма, которую этот последний приводит в своей книге. Мы еще будем иметь возможность поговорить о книге лидера либералов Марио Миссироли: «Фашизм и кризис в Италии» [1]), относящегося, в общем, более, чем снисходительно к фашистской «теории».

Пока же постараемся резюмировать все сказанное до сих пор:

1) Упреки, направляемые по адресу товарищей анархистов и коммунистов в пренебрежении к теории фашизма, слишком строги,—поскольку никакой теории фашизма на самом деле нет,

---

[1]) Книга Миссироли написана в 1921 г., очерк де-Фалько относится к 1922 г.

о чем свидетельствуют наиболее трезвомыслящие критики фашизма.

2) Только с одной целью можно разбираться в речах, книгах и программных статьях фашистов: чтобы доказать, что им до сих пор не удалось построить идеологического обоснования своей погромной деятельности.

3) Деяния фашистов, напротив, заслуживают всяческого изучения и освещения, для чего они должны быть предварительно освобождены от всякой искусственной идеологической надстройки.

4) Особенно внимательно должны быть изучены причины его происхождения и столь сильного распространения в Италии.

III.

Происхождение фашизма.

Несмотря на ряд других разногласий, есть один пункт, на котором сходятся все исследователи фашизма, начиная от самых строгих критиков и кончая его песнопевцами. Это — вопрос о происхождении фашизма. Итальянский фашизм, по общему мнению его врагов и друзей, является продуктом мировой войны, вернее, пережитком, последышем этой войны. В дальнейшем, социальная революция, вспыхнувшая в России и нашедшая себе далекий отклик в Италии, выразившийся в сильном под'еме революционного самосознания широких рабочих и крестьянских масс Италии, послужила источником усиления деятельности ярых защитников капитализма, какими являются фашисты. Но свое начало он берет в том исключительно-болезненном состоянии умов, которое было порождено в Италии войной и ее ужасающими экономическими последствиями.

По целому ряду общеизвестных причин, о которых здесь не стоит распространяться, Италия последовала за другими членами Антанты только в результате длительного раздумья. Ни в одной из стран, участвовавших в империалистической войне на стороне той или иной коалиции (за исключением, разве, Америки), война эта не была менее популярной, чем в Италии. Ее выступление на стороне Антанты было одинаково-неожиданным как для ее «союзников», так и для ее «врагов». В самом деле, можно ли представить себе более курьезное явление, чем то, которое, в связи с изложенным, наблюдается сейчас в Италии? Ни для кого не секрет, что злейшими врагами Антанты, изощряющими все силы свои в борьбе с ней, являются те самые интервентисты, которые толкнули во время войны Италию в об'ятия Антанты. С другой стороны, с англо-французским капиталом великолепно ладят лидеры тех самых нейтралистов, которых интервентисты в свое время публично клеймили, как продажных германофилов. На самом деле, широкие массы итальянского народа были втравлены в злосчастную войну преступным блоком королей крупной металлургической промышленности, раздувших свое «военное» производство до невероятных размеров, и синдикатом финансировав-

ших их банкиров. Ни в одной стране так-называемая военная прибыль не достигла такого чудовищного процента, как в Италии. Ни в одной стране не привилось лучше народное прозвище «акул» (pescicani) для обозначения спекулянтов и поставщиков, легендарно разбогатевших во время войны. Ни для кого не секрет, что последствия этой неслыханной «инфляции», — если можно так выразиться — военной промышленности в Италии и вынужденного затем грандиозного сокращения ее, — вызвали совсем недавно крах ряда итальянских банков. До самого последнего времени Италия не может сбыть всех накопившихся в ней запасов военного снаряжения (аэропланов и пр.), и не по этой ли причине оказалось столь «жизненно-необходимым» заключение в конце прошлого года итало-польского торгового соглашения?

Популярность войны и соответствующих военных лозунгов нисколько не увеличилась в Италии с... окончанием первой. Казалось, то обстоятельство, что Италия оказалась в стане «стран-победительниц», должна была бы увеличить популярность военных партий в народе. На самом деле случилось обратное: в Италии результатами империалистской войны оказались недовольны решительно все классы населения, все политические партии,—за исключением разжиревших во время войны «акул». Интервенционисты, находившиеся в услужении у крупных отечественных промышленников и банкиров Антанты, — втравивших злополучную Италию в войну, остались недовольны теми пунктами Версальского, Рапалльского и иных договоров, которые не только не «вознаградили» Италию в достаточной мере за выказанное ею геройство и верность Антанте во время войны, но и не учли многих ее жизненных интересов. Люди, до хрипоты кричавшие о том, что итальянский рабочий и крестьянин должны отдать все во имя победы Антанты, — когда эта победа, наконец, наступила, почувствовали себя ограбленными Клемансо и обманутыми Вильсоном. Они стали вопить на всех перекрестках о том, что интересы Италии преданы вчерашними союзниками повсюду, — в Фиуме и в остальной Далмации, и в Албании и т. д. Что же сказать о настроении, охватившем широкие массы рабочих и крестьян, вовлеченных в войну против их желания и интересов? Экономические последствия войны были для Италии таковы, что я в Италии с большим интересом прослушал весной этого года речь одного видного экономиста, который, старательно избегая парадоксов, доказал, что для Италии, с экономической стороны, в сущности, никакой разницы не было бы, если бы она оказалась не в стане победителей, а в стане побежденных стран. Вопрос, конечно, другой,—имеют ли моральное право те политические деятели, которые вовлекли в войну итальянские трудящиеся массы, и поэты-барды этой войны вопить всюду об ограблении Италии? Но это нисколько не изменяет действительного положения вещей. Война, на алтарь которой Италия принесла свыше 500.000 убитых, только на короткий период облегчила существование

итальянского рабочего, подняв его заработную плату до небывалой высоты. Но за это временное облегчение итальянский рабочий вскоре поплатился жестокой и длительной безработицей, свирепствующей до сих пор, не говоря уже о сильном вздорожании всех продуктов продовольствия, жилищном кризисе и т. д. Налоговое бремя возросло за время войны в Италии в ужасающей пропорции. Весной 1922 г., согласно оффициальным заявлениям, сделанным министром иностранных дел Шанцером на Генуэзской конференции; общее количество налогов, по сравнению с довоенным временем, достигло шестикратного увеличения. Прямые налоги увеличились в 9 раз, и это, несмотря на то, что итальянским правительством были, действительно, проделаны в некоторых областях народного хозяйства «чудеса экономии». Состав действующей армии, например, был сокращен до 200.000 человек. Правда, г. Шанцера следовало бы попросить назвать число солдат королевской гвардии и самых разнообразных полицейских отрядов, вместе с фашистами охраняющих Италию от напасти социальной революции.

Как бы то ни было,—из войны извлекли пользу одни только промышленные «акулы» и банкиры, сумевшие «во-время остановиться». Значительно ухудшилось после войны материальное положение широких масс интеллигенции, полу-интеллигенции и мелких чиновников, перепроизводством которых давно страдала Италия. Ниже мы остановимся более подробно на аграрном вопросе и на тех изменениях, которые были внесены войной в жизнь итальянской деревни и во взаимоотношения между помещиками и крестьянами. Временное улучшение крестьянского быта и послужило главной мишенью для фашистов, которые сделали все от них зависящее, чтобы возвратить итальянского крестьянина в царство прежних, полу-феодальных отношений с помещиком. Так обстоит дело с отдельными классами населения,—и мы видим, что сетовать на их разочарование не только в войне, но и в одержанной «победе», не приходится.

В общегосударственном масштабе, Италия пострадала едва ли еще не больше. «Предательская» политика англо-французского капитала по отношению к Италии — не только излюбленная фраза фашистов и националистов, но и исторический факт, зарегистрированный летописцами самых различных направлений. Достаточно вспомнить по этому поводу весьма содержательные парламентские речи бывшего премьера Франческо Нитти, — государственного деятеля — после Джиолитти — наиболее ненавистного фашистам. Как и до войны, так и после войны Италия оказалась лишенной главнейших видов сырья и главнейшего продукта питания — хлеба. Сначала блокада России, затем разразившийся в ней голод лишили Италию русского хлеба и поставили ее в полную зависимость от союзников и—в еще большей степени — от далеких Аргентины и Америки. Отсутствие угля, без которого ей невозможно поддерживать даже в нынешнем сокращенном, после-

военном размере основные отрасли крупной промышленности, обрекло ее на наибольшую зависимость от Англии. Эмиграция, всегда представлявшая для Италии, страдающей отсутствием сырья и собственного хлеба и, вследствие этого, избытком рабочих рук, существенным паллиативом, уменьшившим безработицу, разумеется, в годы войны не могла получить удовлетворительного разрешения. Вместо усиления эмиграции случилось так, что государству пришлось взять на себя прокормление сотен тысяч инвалидов и обеспечение их семей.

За исключением немногочисленных акул и их приспешников, вся Италия, как один человек, застонала под непосильным бременем, взваленным на ее плечи неудавшейся войной [1]). Ни в одной стране враждебное отношение к бывшим союзникам, которых считают единственными виновниками всех бедствий, обрушившихся на Италию, не отличается таким удивительным единодушием. С этим умонастроением по силе может сравниться лишь озлобление, вызванное в широких трудящихся массах России бесчеловечной союзнической блокадой.

Таковы причины усиления националистического движения в Италии, заранее обеспечившего временное торжество черным рыцарям Муссолини и д'Аннунцио.

И, разумеется, как воры, старающиеся увеличить суматоху в уличной свалке, чтобы этим скрыть от толпы собственные преступления, громче всех об «испорченной победе» и об ограблении итальянского народа закричали те самые интервентисты-фашисты, которые вовлекли Италию в кровавую бойню своей преступной проповедью. Здесь нам не придется долго останавливаться на доказательстве того, что нынешний фашизм является плотью от плоти того интервенционизма, который вовлек в войну Италию ради торжества определенных классовых или, вернее даже групповых интересов. Достаточно привести по этому поводу авторитетное свидетельство такого популярного фашиста, как депутат парламента Дино Гранди, который в своей статье «L e o r i g i n i e L a m i s s i o n e d e l f a s c i s m o» [2]) прямо заявляет:

«Фашизм является нечем иным, как продолжением интервенционизма 1914 — 1915 г.г.». И тот же Гранди, несколькими строками ниже, по обычаю, твердо установившемуся у всех идеологов фашизма, пытается доказать, что фашизм (наследник интервенционизма) явился жертвой чуть ли не всемирного заговора и предательства союзников, борьба с которыми и является сущностью их c r e d o.

«Против нас,—говорит он,—и против нашей несокрушимой веры восстал тогда многообразный блок, состоявший из нейтралистов, дезертиров, демократов-пацифистов, разглагольствую-

---

[1]) „Sconfitta vittoria“ („испорченная победа“) — выражение, не сходящее с уст итальянских публицистов самых различных толков.

[2]) „Biblioteca di studi sociali“, diretta da R. Mondolfo, VI, 1922 г.

щих о всемирной филантропии, флибустьеров-финансистов и социалистов-зюдекумианцев [1]),—Священный союз своего рода, над которым, к счастью, одержала легко победу наша порывистая молодежь. По окончании войны, наши бойцы вернулись домой, но вернулись усталые, разочарованные, физически-истощенные невероятными трудностями совершенных подвигов, но еще овеянные героическим духом военной эпопеи. Им пришлось очутиться лицом к лицу с грубой и циничной послевоенной действительностью...

«Ко всему прибавилась еще неблагодарность союзников, а также победоносная тирания англо-французской плутократии, которая, навязав миру чудовищный по своей исторической несправедливости и цинизму Версальский договор, приложила все усилия к тому, чтобы лишить нас священных и элементарных плодов нашей победы,—чего они, впрочем, и достигли. Вот почему,—наша победа, на самом деле, оказалась лишь оборотом литературной речи, а наша страна очутилась в разряде побежденных и удушенных стран».

Итак, дважды провинившиеся перед трудящимися массами Италии интервенционисты (самым фактом преступного вовлечения их в войну, чуждую их интересам, и тем огромным материальным разорением, которое принесла война итальянскому народу), не только не раскаялись в своих прегрешениях, а, напротив, решили взвалить всю вину на своих политических противников — нейтралистов (джиолиттианцев и ниттианцев), написать на своем знамени борьбу за великодержавные интересы Италии, за «исправление победы».

Так родился фашизм.

Такова самая первоначальная стадия его, — известная под именами «военного фашизма» или «фиуманизма».

Беспристрастное свидетельство по этому поводу мы находим в брошюре республиканского депутата д-ра Гвидо Бергамо «Фашизм с точки зрения республиканца» (1921 г.), который говорит:

«Люди левой, стоявшие за интервенцию, как только кончилась война, оказались вынужденными проанализировать результаты занятой ими позиции, а главным образом, защищать себя от обвинений, с которыми нейтралисты, невероятно увеличившиеся в числе и поддерживаемые глубоким недовольством всех классов, набрасывались на виновников войны. Политические деятели, стоявшие во главе «Popolo d'Italia», иные из которых в первые месяцы войны еще находились в лагере социалистов - нейтралистов, склонившись перед этой необходимостью и увлекаемые своим темпераментом, не могли не воодушевиться мыслью о создании вокруг себя партии, — по крайней мере, — из части молодежи, возвратившейся из окопов».

---

[1]) Зюдекум—германский социал-патриот, приезжавший в Италию для агитации в пользу присоединения к центральным державам.

IV.

Первые организации. Их состав.

Образование первых организаций фашистов совпадает с тем заключительным периодом войны, который отделяет заключение перемирия от окончания войны. Нам, вероятно, придется еще вернуться к этому периоду нарождения фашизма в Италии,—здесь же мы отметим вкратце, что роды его прошли не совсем гладко. Было много трений и разногласий внутри самих инициаторов движения.

Первой попыткой интервенционистов, спасавших свое положение,—было сконцентрировать и усилить вокруг их газеты «Popolo d'Italia» (теперь — центральный орган фашистов и их вождя Бенито Муссолини) движение «бывших участников войны», об'единившихся в национальную организацию. Но, вследствие разногласий между вождями, из этой затеи ничего не вышло. Тогда интервенционисты обратили свои взоры на миланский «Комитет действия увечных и раненых воинов» («Comitato d'Azione fra Mutilati e Invalidi e feriti di guerra di Milano»). Но случилось так, что между лидерами интервенционистов и главарями упомянутой организации обнаружились большие разногласия по вопросам внешней политики, и эта попытка также не дала никаких положительных результатов.

Тогда бывший социалист Б. Муссолини приступил к организации самостоятельных фашистских групп, получивших название «Fasci di combattimenio» («Боевые союзы»).

Здесь будет своевременным раз'яснить филологическое происхождение названия этого движения, приобревшего столь шумную, но, вместе с тем, столь печальную славу во всем мире.

Слово «fascio» (по-русски произносится «фашио», — только одно время почему-то в русской прессе ошибочно писали «фачи», «фачисты) имеет в итальянском языке много значений — буквальных и иносказательных. Буквально «fascio» значит — пучок, связка. Иносказательно: кружок, группа, союз, банда, что, больше всего, соответствует польскому «związek». Не только в русской, но и в иностранной прессе название фашистов производилось от ликторского «пучка розог», (который, с вложенной в него секи-

рой, как известно, в древнем Риме являлся эмблемой твердой, карающей государственной власти). Беспрестанные жалобы фашистов на безволие и слабость государственной власти в Италии делали отчасти правдоподобным такое об'яснение, но все же оно неправильно. На их значке нет ликторского пучка, а есть сноп, который символизирует т е с н о е содружество фашистов.

Итак, когда попытки всецело приспособить к своим целям существовавшие уже в Италии организации увечных воинов и бывших участников войны, не удались, — Муссолини личными усилиями удалось сорганизовать эти «F á s c i d i c o m b a t t i m e n t o», которые и являются первыми группами фашистов в Италии. Следует отметить, что первый период деятельности этих групп был направлен исключительно в сторону внешней политики, — и только впоследствии занялся «вплотную» внутренними делами Италии.

Кто же наполнил собою ряды этих первых фашистских организаций? Сваливать в данном случае все дело на «пылкую, патриотическую учащуюся молодежь, возмущенную национальным унижением Италии», которой война не принесла осуществления ее давнишних идеалов, — как об этом любят распространяться идеологи фашизма и даже многие из его благожелательных критиков,—конечно, не приходится. Само собою разумеется, что если этим идеологам приходится подменить определенную социально-политическую программу набором фраз, то особенно много трескучих фраз ими произнесено и произносится в связи с «унижением» Италии, предательством союзников, оскорблением национальных идеалов, великими и славными традициями Италии, забытыми или грубо попранными в «наш материалистический век». Я должен предупредить читателя, что фашистское красноречие, вообще,—вещь очень тяжелая и утомительная. Он познакомится с ним особенно близко по речам главного — если не единственного — «теоретика» фашизма — Бенито Муссолини. Красноречие, вообще, действует на воображение пылких итальянцев,—особенное же действие оно производит на молодежь. Ловкие инициаторы фашистского движения учли и использовали это обстоятельство. Они стали искать себе прозелитов преимущественно в среде зеленой молодежи,—особенно той, которая побывала в окопах и на которую всякая патриотическая проповедь действует, как трубный звук на кавалерийскую лошадь. Вот почему,—в самом начале фашистского движения его вожди любили всюду заявлять о том, что их опорой является «цвет итальянской молодежи».

Так, Р. Мондольфо, выпустивший под своей редакцией целую серию книг о фашизме, говорит в своем вступительном очерке «К вопросу об историческом понимании фашизма» [1]) о роли молодежи следующее:

---

[1]) R. Mondolfo,—„Per la comprensione storica del fascismo“, 1922 г.

«Это специальное движение молодежи (отсюда его стремительный и нервный характер) об'ясняется теми условиями, которые были созданы мировой войной для юношей и подростков, часть которых выносила исключительно тяжкие лишения в окопах, а другая, оставаясь дома, за отсутствием более взрослых членов семьи, была вынуждена взвалить на свои неокрепшие плечи трудные заботы. «Nous avons grandi!» («Мы рано созрели!» могла бы повторить за Виктором Гюго современная молодежь. И это случилось сразу, без постепенной подготовки, помощью которой подросток превращается сначала в юношу, затем, — взрослого человека. Нужно еще принять во внимание, что те из них, которым пришлось на войне выполнять ответственные, распорядительные функции, только с большим трудом могут вернуться к повиновению. Вместе с потрясением традиционных основ семьи и общества появляется и та стремительность, неуравновешенность и отсутствие меры, которыми характеризуются последние выступления (надо понимать: фашистов)».

В этих утверждениях есть доля истины. Много молодежи, вышедшей из мелкобуржуазных семей и достигшей на войне разных чинов и почестей, не захотело вернуться к скромному труду конторщиков, учителей, техников и даже мелких адвокатов, — тем более, что Италия уже давно, как мы сказали, страдала невероятным перепроизводством представителей этих профессий. Уже до войны естественным клапаном для задыхавшейся в тисках безработицы и пренебрежения со стороны окружающих интеллигентной молодежи являлось занятие журналистикой и политикой. В Италии почти нет студента, который не пробовал бы своих сил в журналистике или писании цветистых стихов; почти нет ни одного молодого адвоката, который не стучался бы в двери Монтечиторио (место, где заседает Палата депутатов) и не участвовал в тех или иных политических комбинациях. В частности, социалистические партии в Италии задыхались от этого огромного числа «Mitläufer»'ов и, благодаря этому, совершенно утратили рабочий характер. В настоящее время безработными инженерами и неудавшимися докторами или адвокатами в достаточной мере изобилуют и коммунистическое, и анархистское, и синдикалистское движение. Эти печальные экономические условия, в которых приходится жить итальянской молодежи, привели к тому, что Италия явилась классической страной политического ренегатства. Наряду с отдельными выдающимися натурами и исключительными характерами, беззаветно отдавшими свои силы служению пролетариата в рядах анархистского, синдикалистского, коммунистического или социалистического движения, Италия знает исключительно много случаев измены и предательства своим идеалам со стороны представителей революционной интеллигенции, нередко порождавших, в свою очередь, глубокое разочарование в рядах молодежи, отворачивавшейся навсегда от социализма или анархизма. Парламентские нравы, всюду и везде на Западе вно-

сящие глубокое разложение в ряды интеллигенции, достигли особенного падения в Италии. Ни для кого не секрет, что именно фашизм дал бесконечно много таких примеров отвратительной измены и ренегатства. Среди фашистских лидеров, депутатов, журналистов и даже рядовых погромщиков вы насчитаете немало бывших социалистов и анархистов. Перепархивание из левого лагеря в черный стан фашистов или консерваторов в Италии бытовое явление, которому никто не удивляется и которым никто не... возмущается.

Лучшим символом такого позорного ренегатства является, впрочем, сам верховный вождь фашизма («Il Duce del fascismo», как его почтительно именуют сторонники), бывший социалист Бенито Муссолини, положивший отпечаток политического ренегатства на все фашистское движение. Но о нем — ниже. Усталость и разочарование, вынесенные «окопной» молодежью из войны, послужили источником ее резкого политического расслоения; с одной стороны, наиболее сознательная часть ее, под влиянием вихря революционно-коммунистических идей, доносившихся в Италию из России, Баварии, Венгрии и др. стран, окончательно порвала с патриотическими идеалами, перестала думать о попранных национальных правах Италии и стала искать выхода из тяжкого экономического положения родины в классовой революционной борьбе за идеалы коммунизма или анархизма. На другую же часть молодежи усталость подействовала развращающе. Лишенная определенных устоев, она привыкла на войне к паразитическому существованию; ей захотелось продолжать этот образ жизни, когда война кончилась. Чтобы оправдать его, понадобились трескучие фразы, красивые (в лубочном стиле) патриотические позы и абсолютная политическая беспринципность. Всего этого оказалось вдоволь у фашистских лидеров. Слишком энергичные юноши, которым приходилось снять оружие, чтобы за прилавком или конторкой тянуть отныне лямку весьма прозаического прозябания, готовы были предпочесть все, что угодно, столь мрачной перспективе. Чтобы остаться, «военным», чтобы так или иначе «выделиться» из толпы, из массы равных им по социальному положению людей, они готовы были на любое политическое ренегатство. А, ведь, одной из отрицательнейших черт буржуазной молодежи всегда и во всех странах было это стремление во что бы то ни стало «выделиться из своего круга».

Но война развратила не одну буржуазную молодежь. Солдатская профессия действует растлевающим образом и на широкие рабочие и крестьянские массы, поставленные под ружье. Многие из бывших солдат, вернувшись в деревню, заставали разоренное их долгим отсутствием хозяйство. Оторванные от станка рабочие, возвращаясь в города, часто заставали ворота своего завода, вследствие сокращения военного производства, запертыми и падали, обессиленные в борьбе с ужасами безработицы. Среди этих элементов ловкие вожди и дельцы фашизма и сумели собрать

обильную жатву, вербуя их в свои squadre (наемные отряды [1]). Другие уходил и уходят в ряды так называемой королевской гвардии (guardia reggia [2]), вспомогательной полицейской армии, которую итальянское правительство стало организовывать после того, как выяснилось, что трудно положиться на регулярную армию в деле усмирения революционных рабочих и крестьян.

Фашистские лидеры ловко использовали и это политическое расслоение и временное противоречие экономических интересов в среде самих трудящихся масс Италии. И надо отдать им справедливость: не решаясь открыто об'явить задуманное ими наступление на революционный авангард трудящихся масс, они, искусно подготовляя его, сумели взять инициативу в свои руки.

Наступление фашизма в Италии следует разбить на 3 стадии:

1) Борьба за «национальное величие» Италии, ущемленное мирными договорами и предательством союзников (соревнование в области внешней политики с др. странами).

2) Борьба против избирательных успехов социалистов и захвата последними в свои руки муниципалитетов, сельских коммун, кооперативов и т. д. (политическая борьба внутри страны).

3) Борьба против попыток социальной революции в стране и против занесенного с Востока «ленинизма» (классовая борьба с рабочими и крестьянами внутри страны). Во главе нарождавшегося фашизма стояли слишком опытные политические дельцы (многие из них — бывшие социалисты), чтобы не чувствовать того огромного сдвига в социально-политической жизни всей Европы, который принесла с собой война. Удельный политический вес трудящихся масс внутри каждого государства, в том числе и Италии, вырос непомерно. Обаяние освободительных лозунгов, не только написанных на знамени, но и осуществленных частично трудящимися массами России, неизбежно окрасивших в революционный цвет все международное рабочее движение, было слишком велико, чтобы можно было открыто об'явить поход против них. Напротив, нужно было, как можно искуснее замаскировать свою социальную ненависть к трудящимся массам трескучими и лживыми фразами из обычного арсенала патриотического жаргона. На первых порах фашизм и пытался завоевать себе право гражданства в Италии под прикрытием лозунгов, об'единяющих якобы интересы всех итальянцев в области внешней политики, закутавшись в плащ защитника общенародных интересов. Нужно было найти людей, которые решились бы отдать весь свой талант, всю свою энергию, всю свою личную храбрость, всю свою изворотливость для того, чтобы, ловко обманув широкие массы проповедью

---

[1]) Каждый рабочий, мобилизуемый фашистами, получает жалованье, равное приблизительно прожиточному минимуму данной местности, и, кроме того, право ношения оружия.

[2]) Эта армия, по численности, значительно превосходит регулярную. Если последняя исчисляется в 200 тысяч чел., то в состав королевской гвардии входит не менее 400 - 500 тыс. солдат.

общих интересов, посеять среди них раздор и ненависть и отвлечь их внимание от их непосредственного врага — итальянских помещиков, фабрикантов и банкиров. История в таких случаях всегда бывает услужливой. В лице типичного политического ренегата и беззастенчивого авантюриста, ничем не брезгающего, человека, не могущего простить бывшим единомышленникам своей неудачной карьеры и уязвленного самолюбия, — одним словом, в лице Бенито Муссолини такой вождь нашелся.

V.

Бенито Муссолини.

Муссолини — единственное европейское имя, выдвинутое фашизмом за 3½ года его организованного существования. Это обстоятельство, между прочим, достаточно красноречиво характеризует полнейшую идейную несостоятельность этого движения. Описаниями подвигов фашистов газеты наполнены ежедневно, но ни в парламенте, ни в прессе, ни в какой-либо другой области общественной жизни Италии они не сумели выдвинуть ни одного имени, кроме Муссолини, которое приобрело бы хотя бы такую же печальную европейскую популярность, какой окружено имя вождя фашизма. Нельзя говорить даже о «двух» европейских именах, как это пытаются делать некоторые апологеты фашизма, ставя рядом с Б. Муссолини и поэта д'Аннунцио, по той простой причине, что имя д'Аннунцио пользовалось солидной литературной славой в Европе еще до войны. Помимо того, что «д'аннунцианский» или «фиуманский» фашизм не всегда (это можно наблюдать особенно в настоящее время) живет в ладу с муссолинианским, помимо того, что первый до сих пор старается скрыть свою истинную классовую сущность (всем памятны заигрывания д'Аннунцио с большевизмом, анархизмом и синдикализмом, продолжающиеся до сих пор), — позволительно сомневаться в том, чтобы фиуманские подвиги д'Аннунцио доставили ему столь шумную известность, если бы у него не было уже раньше славы национального поэта.

Во всяком случае, тот широкий, массовый фашизм, который мы рассматриваем, как попытку организовать в Италии «предварительную контр-революцию», — т.-е. черным террором, провокацией и изменой предотвратить наступление социальной революции в Италии, — выдвинул только одно европейское имя, которому стоит уделять внимание, — имя своего основоположника и постоянного вдохновителя — Б. Муссолини.

Мы надеемся проявить максимальную об'ективность, дав характеристику Муссолини и его духовный портрет по фашистским источникам (его физический портрет, который во многих отношениях говорит сам за себя, мы извлекли оттуда же). Нам уже

приходилось отмечать, что излагать «теорию» фашизма гораздо лучше по произведениям самих фашистов, обнаруживающих полную ее несостоятельность, чем по книгам и статьям иных лукаво мудрствующих критиков, пытающихся построить эту теорию за фашистов. То же относится и к характеристике его вождей и рядовых деятелей. Читая свои биографии, вышедшие из-под пера его нынешних единомышленников, бывший социалист Муссолини, должно-быть, не раз глубоко вздыхает и приговаривает: «Избави меня, бог, от друзей, а с врагами я сам справлюсь!» Думаем, что этой же фразой он в душе поблагодарил своего друга и ближайшего соратника, Пьетро Горголини, который в своей книге «Фашизм в жизни Италии» [1]) отводит ему исключительное место, правильно величая его не только вождем, но и творцом итальянского фашизма.

Несколько слов об этой книге, к которой нам придется еще возвращаться, ибо это, несомненно, самое капитальное произведение из всего, что дано фашистской литературой и с чем мы имеем возможность познакомиться.

К сожалению, мы не знакомы с биографией самого писателя. Мы знаем только, что он — фашистский «капитан», т.-е., кроме пера, умеет еще владеть и фашистской дубинкой («bastone»), прогуливающейся по спинам итальянских рабочих, револьвером и пр., при чем есть все основания думать, ознакомившись с его произведением, что дубинкой он владеет гораздо лучше, чем пером. Фашистский «капитан» —это много больше нашего прежного штабс-капитана, но Горголини в своей книге умел проявить всю пылкость и всю наивность души молодого городового, произносящего восторженный тост в день ангела своего начальства. По возвышенности стиля и глубине чувства только с таким тостом может сравниться написанная им биография Муссолини, которую мы даем здесь, в извлечениях. Когда же почтенный капитан переходит к изложению политической и экономической программы фашизма и к разрешению, с точки зрения фашизма, ряда мировых проблем, то нетрудно усмотреть из его писаний, что с пылкой, непосредственной душой городового, «усмиряющего» забастовку, он соединяет еще и эрудицию брандмейстера. Любопытно, в каких выражениях аттестует эту книгу сам виновник торжества — Б. Муссолини в своем предисловии к ней:

«Фашизм имеет не только кровопролитную и блестящую историю, увенчанную ныне победой, но начинает обзаводиться и богатой литературой. Почти все итальянские писатели пытались изучить это столь сложное и мощное движение, исключительно национальное и истинно-итальянское, по своему духу не встречающее себе равного в истории других народов. Наш друг капитан Пьетро Горголини выступил на арену борьбы с этой книгой, которая, по нашему мнению, представляет

[1]) Pietro gorgolini, „il fascismo nella vita italiana", con prefazione di Benito Mussolini,—Torino, 1922 г.

собою лучшее из всех произведений о фашизме, какие только появлялись в Италии, начиная с марта 1919 года (курсив Мис.). Горголини не только изучает фашизм, он бьется в наших рядах с момента возникновения движения. Эта его особенность могла бы помешать об'ек-

Бенито Муссолини.

Вождь фашизма,—до войны—редактор «Аванти» и один из лидеров итальянского социализма.—Премьер Италии.

тивности его работы и внести в нее дух пристрастия. Следует признать, что Горголини прекрасно справился с этим затруднением и что в его книге боец и критик, деятель и зритель великолепно дополняют друг друга. Самая элементарная скромность запрещает мне говорить о всей первой части книги, посвященной моей личности...»

Горголини уделяет, на самом деле, весьма скудное место биографическим данным о Муссолини. Очевидно, в жизни этого великого «Человека, Гражданина, Трибуна, Кондоттьера и Мыслителя, Того, Кто спас Нацию от большевистской опасности» (всюду с прописной буквы), как он называет Муссолини, не было ничего замечательного, кроме актов неслыханного политического ренегатства, и потому он дает больше простора своей фантазии и рвению прозелита в части, посвященной его нынешней характеристике своего вождя.

Итак, Бенито Муссолини родился в 1883 году, в Предаппио (Форли). Получив на родине диплом учителя начальной школы и посвятив еще несколько лет самообразованию, он эмигрировал в Швейцарию, где поселился в глухой романской деревне.

«Обладая темпераментом, не выносящим малейшей человеческой несправедливости,—продолжает биограф М.,—воспитанный в духе здорового (!) социализма отцовской школы, он, живя в стране Вильгельма Телля, из ежедневного соприкосновения с действительностью и особенно из ознакомления с социальными и экономическими науками, которым он отдался со всей своей ненасытной любознательностью, постиг все величие гражданских войн и всю сложность социальных проблем. Получив степень доктора французской литературы и став редактором боевого революционного листка, на страницах которого он занялся резкой пропагандой марксизма, Муссолини был выслан федеральными властями из пределов Швейцарской республики в качестве нежелательного иностранца. Вернувшись на родину, он с жаром продолжал заниматься журналистикой на столбцах социалистической прессы, отдавая особенно много сил крупному социалистическому органу, выходившему в провинции Эмилии. Благодаря своему блестящему дарованию и любви, которой он пользовался среди своих единомышленников, он вскоре стал одним из выдающихся деятелей итальянской социалистической партии. Одержав блестящую победу на Анконском конгрессе (где Муссолини выступал на защиту «официального» [1]) социализма), Муссолини получает назначение на пост редактора центрального органа партии «Avanti». В самом начале мировой войны, руководимый своим острым политическим чутьем, Муссолини, вместе с Филиппо Корридони [2]), становится в ряды интервентистов, после чего слагает с себя все функции, возложенные на него социалистической партией.

«Именно тогда он создает газету «Popolo d'Italia,— истинное чудо в области журналистики, превратившуюся сразу в рупор итальянского патриотизма. Поступив добровольцем в ряды армии, сражавшейся против Австро-Венгрии, он выполняет свой долг солдата и гражданина. Будучи ранен, он возвращается в Милан, чтобы на этот раз повести войну против крайних револю

[1]) В Италии, ортодоксальные социалисты, ведущие борьбу с социалистами-реформистами, носили название „официальных".

[2]) Вождь итальянских националистов.

ционных партий [1]), деятельность которых питалась московским и германским золотом.

«Между тем наступили дни Капоретто. Великое поражение национального оружия не только не привело его в уныние, но, напротив, еще усилило его настойчивость и лишний раз подсказало ему правильность того пути, которым он хотел повести Италию к победе над ее наследственным врагом. С тех пор (т.-е. с октября 1917 г.), против преступного оп'янения масс классовой борьбой, мании разрушения, революционных лозунгов и отрицания войны неустанно звучит голос редактора «Popolo d'Italia», призывающего к совести и гражданскому сознанию. Вот почему Бенито Муссолини безраздельно принадлежит заслуга внушения итальянцам веры в будущее их страны и необходимость борьбы всеми средствами с ее внешними и внутренними врагами».

Нет надобности останавливаться на дальнейшем жизнеописании Муссолини. С этого момента история его жизни становится общеизвестной: это—история кровавого подавления революционных стремлений трудящихся масс Италии, неслыханного надругательства, при содействии буржуазного правительства, над ее элементарными правами, разнузданной вакханалии и воскрешения средневековой инквизиции в борьбе с «бунтующими рабами». Имя бывшего социалиста Муссолини становится именем, которым пугают своих детей в колыбели итальянские работницы и крестьянки, несмотря на тот «идеализм», который нашел в нем Э. Ферри. Мы можем перейти теперь к восторженной характеристике, которой «Вождь» удостоился из уст своего верноподданного Санчо-Пансо:

«Муссолини заслоняет своей фигурой всех наиболее популярных деятелей фашизма, душой, сердцем и мозгом которого он является. Мы уже однажды охарактеризовали его следующими словами: «Самый свободный и сильный из итальянских умов» (курс. Горг.). Вместе с Джиолитти, Саландра, Соннино, Орландо, Меда, Луццати, де-Никола, Турати, Тревес, Модильяни, Бономи, Гаспаротта и немногими другими, он, несомненно, является одним из наиболее выдающихся наших политических деятелей. Он сумел создать стройную, законченную и глубокую доктрину. Удивительный оратор, обладающий исключительным красноречием, могучий агитатор, Муссолини воплощает в себе высшее выражение национального чувства. Он ненавидит скучную риторику, болтунов, лентяев, пессимистов и плутов. Ненавидит предателей Италии и, когда к тому представляется случай, примерно наказывает их. Его великодушие не знает границ. Молчалив. Трудолюбив. Мужественен. Упорен. Последователен в своей

[1]) В подлиннике сказано: „sovversivismo", что буквально значит — „подпольщина". Но так как в Италии под словом „sovversivo" подразумевается всегда „крайне левый", „революционный" (например, „Stampa sovversiva"— революционная пресса, выходящая в Италии легально), мы везде будем переводить это слово именно так.

кажущейся непоследовательности. Любимец толпы. Страшен в своем гневе. Неизменно верен в дружбе. Неумолим в своей мести. В удаче и неудаче остается одним и тем же. Победа никогда не опьяняет его, поражение не приводит в отчаяние. Он остается ю н ы м в лучшем значении этого слова. Он неутомим в своей вулканической деятельности» и т. д.

Исключительную похвалу Горголини воздает ему за то, что он обладает «чувством меры». Об этом он распространяется особенно долго и... утомительно. Он отмечает, между прочим, что в «P o p o l o d'I t a l i a», почти не было помещено им ни одной статьи, в которой Муссолини не призывал бы к порядку и дисциплине «фашистские организации, рассеянные по лицу всей Италии». Весной этого года нам пришлось читать статьи Муссолини в той же газете, стилю которых могло бы позавидовать недоброй памяти «Вече». Так, в конце апреля Муссолини писал: «Если гнуснецы из «A v a n t i» не прекратят своей пачкотни о фашистах, мы изобьем их 30 с. мц. на улицах Милана. Из прежнего опыта им должно быть известно, что такие предупреждения с нашей стороны не проходят бесследно». Все, разумеется, зависит от того, что понимать под дисциплиной и организацией? Почтенный капитан, должно быть, приходит в крайний восторг от заранее возвещаемых массовых избиений на улицах какого-нибудь города всех неугодных фашистам лиц, но, разумеется, трудно назвать такое заявление «призывом к умеренности» и т. д. Верно, что Муссолини — хитрый, изворотливый политик, и только в этом смысле разве можно говорить о свойственном ему «чувстве меры». Муссолини прекрасно понимает, что иная умеренная статья, написанная по определенным соображениям для «Popolo d'Italia», никого и ни к чему не обязывает, особенно провинциальные банды фашистов, невозмутимо продолжающих избиения, карательные экспедиции и пр. К тому же, Муссолини не раз имел уже случай убедиться в том, что стихия, вызванная к жизни великим ренегатом, не всегда слушается его. Волшебная палочка из центра иногда перестает совершенно действовать. Так было во время перемирия, заключенного Муссолини с социалистами, когда провинциальные организации (всегда более ретивые, чем центр) отказались признать его авторитет и продолжали военные действия против социалистов.

В другом месте Горголини пишет о своем господине:

«Вождь фашизма обладает такой верностью суждения и широтой взглядов, которые позволяют ему работать с огромным числом сотрудников, чувствующих все величие его личности и его обаяния. Властный, настроенный эгоцентрически, он вперяет свой взгляд вдаль и, как бы далека ни была цель, упорно преследует ее, пока не осуществляет. Таковы черты всех великих вождей и политических деятелей человечества, каких только знала история. Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Ришелье, Карл V, Густав-Адольф, Фридрих II, Кромвель, Наполеон, Бисмарк, Питт, Кавур, Гарибальди, Криспи и Кадорна действовали так».

Великолепно это сравнение Муссолини с Александром Македонским и Цезаря с Луиджи Кадорной, главнокомандующим итальянской армией в последнюю империалистскую войну Горголини, впрочем, неоднократно возвращается к подвигам Кадорны, превознося его до небес и считая его, на-ряду с Муссолини и д'Аннунцио, третьим выдающимся гением Италии. Обнаружив в этих примерах всю свою историческую эрудицию целиком Горголини затем пускается в психологическую экскурсию и приходит к следующим выводам:

«Не претендуя на аналитический талант Бурже, мы скажем прямо, что психология Муссолини, на самом деле, гораздо проще, чем выглядит. Муссолини принадлежит к сильным, — вот и все. Он производит на своих последователей (а их теперь целые легионы на всем полуострове) исключительное магнетическое влияние. Он великолепно владеет искусством вести переговоры и приближать к себе людей». Мы опускаем ту часть характеристики, в которой Горголини повествует о личных привычках Муссолини, об его подходе к людям, о том, как он умеет отгадывать их характер, о том, как он работает в своей редакции и как дисциплинировал сотрудников «Popolo d'Italia», и т. д., считая это все второстепенным.

Гораздо любопытнее прислушаться к тому, что говорит о Муссолини другой фашистский публицист Сеттимелли:

«С радостным облегчением думаешь о том, что Муссолини, вождю и создателю фашизма, этого мощного движения, всего 37 лет [1]) и что он любит все виды спорта.

С той же изящной непринужденностью, с какой он пишет свои пропитанные аристократической иронией и наполненные удачными парадоксами статьи, он, вдруг, подымается на аэроплане над Миланом, садится в автомобиль, которым сам управляет, или катит куда-нибудь на велосипеде!

Наконец-то! Казалось, что в Италии не может быть больше авторитетных политических деятелей, которые признавали бы иной способ передвижения, кроме носилок! [2]).

Как, на зло всем немощным старцам, иметь премьером человека, который может на заседание Совета министров прилететь на собственном аэроплане, им же управляемом!

Тридцать семь лет. Еще двадцать лет интенсивной политической деятельности впереди. Кто сможет измерить взлет его орлиных крыльев?»

Читатель, может-быть, остался недоволен столь длинными выписками, но мы не считаем возможным пройти мимо этого портрета вождя фашизма, нарисованного его собственными учениками. Характерен этот культ силы, которого не скрывают

---

[1]) Писано два года тому назад.

[2]) Несомненный намек на престарелого 80-летнего Джиованни Джиолитти, особенно ненавистного итальянским фашистам из-за его нейтралистской позиции во время войны.

фашистские публицисты. Здесь есть кое-что от Ницше, а еще больше от войны,—с ее преклонением перед грубой физической силой, дисциплиной, презрением к слабости и старости. «Должны выжить наиболее сильные, выносливые, беспощадные, наилучше приспособляющиеся» — таков лозунг, вынесенный из опыта войны капитанами Горголини и Сеттимелли и перенесенный ими в свою... политическую доктрину.

Любопытны и сопоставления фашизма с социализмом, попадающиеся на каждом шагу в писаниях обоих биографов. На них стоит остановиться.

«В общем Муссолини, — пишет Горголини, — не против социализма, который стремится к постепенному и медленному завоеванию больших прав и лучших условий существования для масс. Его социализм очень близок к социализму Сореля. Он ненавидит только демагогизм первых встречных вождей. Муссолини, на самом деле, придает огромное значение классовому синдикальному движению, рассматривает его, как самоцель и как дополнение к политической борьбе, но он всеми силами восстает против надежд и стремлений пролетариата захватить в свои руки власть при помощи революции... Для Муссолини в сущности настоящим социализмом является то рабочее движение, которое, возникая само по себе, направляется против демагогов и ханжей. Его социализм скорее всего приближается к индивидуализму, волюнтаризму или спиритуализму, но ни в коем случае не к марксистскому социализму. Интервентизм, т.-е. другая концепция и оценка войны, отделил и отделяет в настоящее время Муссолини плотным барьером от его прежних товарищей».

Таков духовный портрет Муссолини. «Ненависть к демагогам» из числа его прежних товарищей для политического ренегата всегда является лучшей формой демагогии на его новом поприще. С тем, что представляет собою нынешний «муссолинианский социализм», мы познакомимся непосредственно по его политическим выступлениям на новом поприще, принесшем ему славу Ганнибала и Питта одновременно. Торжественная речь, произнесенная в Удине на-днях, когда писалась эта книга, — высшее проявление необычайной самоуверенности, дерзости и фанфаронства этого печального рыцаря XX века, претендующего указать новые исторические пути Италии.

VI.

Образование фашистской партии — программные выступления Муссолини.

В марте 1919 г. в Милане состоялся первый с'езд фашистов, положивший начало их об'единению.

Все три резолюции, принятые на миланском совещании, свидетельствуют о том, что инициаторы движения вышли на арену борьбы исключительно с патриотическими лозунгами. В них нет ни слова еще о подавлении большевистской заразы, идущей с Востока. Краеугольный камень всех дебатов: оскорбление национальных прав Италии, необходимость великодержавной политики для Италии и предательство со стороны союзников.

Приводим эти постановления.

Первое.

«Собрание 23 марта почтительно склоняет свою голову и отдает свою дань беспредельного благоговения памяти сынов Италии, павших на поле битвы за величие их родины и свободу Мира, раненым и инвалидам, всем бойцам, бывшим военнопленным, всем выполнившим свой долг, и об'являет о своей готовности энергично поддерживать все требования морального и материального порядка, которые будут пред'явлены союзами бывших участников войны».

Второе.

«Собрание 23 марта заявляет, что оно намерено противиться империалистическим стремлениям других народов, идущим во вред Италии, а также,—в случае, если он возникнет,—итальянскому империализму, направленному во вред другим народам, и присоединяется к высшему лозунгу Лиги Наций, предусматривающему самостоятельность последних. Для Италии национальная неприкосновенность может быть осуществлена лишь путем удовлетворения ее требований в Альпийской области и на Адриатическом море, т.-е. присоединения к ней Фиуме и Далмации».

Третье.

«Собрание 23 марта призывает всех фашистов саботировать всеми доступными средствами кандидатуры нейтралистов всех партий» [1]). В последующих главах мы ознакомимся с первыми стихийными выступлениями фашистов в провинции. Мы увидим, что они возникли в различных местах и по различным поводам. Но колыбелью, в которой зародилось впервые «организованное» фашистское движение, является Милан, — и только что приведенные постановления, датированные 23 марта 1919 г., являются первым «теоретическим» лепетом этого зловещего движения.

Замечательно, что даже в 1921 г., — после того, как фашизм обнаружил уже почти повсюду в Италии — в городе и деревне — свою истинную классовую физиономию,—Муссолини с изумительным шарлатанством старается скрыть ее от широких трудящихся масс, драпируясь в тогу защитника национальных интересов родины и только мельком упоминая в своей речи о первых столкновениях с «итальянскими большевиками». В эту пору приходится искать между строк выявления истинно-классовых вожделений фашизма.

Программная речь, произнесенная Б. Муссолини в Болонском коммунальном театре в 1921 г., в свое время сильно нашумела, — и ее стоит привести полностью как для ознакомления с агитационными приемами Муссолини, так и для уяснения себе «парадной» стороны фашистской программы.

«Как зародился, — спрашивает Муссолини, — этот фашизм, вокруг которого переплетается столько ненависти, мести, непонимания и симпатий? Он зародился не только в моем уме или сердце, он зародился и не на том нашем собрании, которое состоялось в марте 1919 г.,—в одном из маленьких помещений Милана. Его корни в глубокой, извечной потребности, кроющейся в нашем арийском происхождении, которая почувствовала вдруг угрозу со стороны трагического безумия и нелепой легенды, рушившейся в том месте, где она зародилась [2]).

«Тогда мы почувствовали кое-что,—мы, которым никогда не была к лицу роль кающихся Магдалин; мы, всегда возвышавшие голос в защиту интервенции, сумевшие победить в памятные дни 15 года; мы, никогда не стыдившиеся того, что сумели разбить Австрию на Пиаве и довершили, затем, ее поражения в Витторио Венето; мы, стремившиеся к победоносному миру; мы, почувствовали, несмотря на всю экзальтацию победы, что долг наш не выполнен до конца, — и я сам почувствовал это в отношении себя. Между тем, на каждом перекрестке теперь говорят о том, что моя миссия

---

[1]) „Нейтралистами" в Италии называли всех противников вмешательства Италию в войну. Они имелись не только среди социалистов, но и среди радикалов, клерикалов и пр.

[2]) Намек на „крушение большевизма".

и миссия моих сторонников уже выполнена целиком. В мае 1915 г., когда боевые ячейки революционеров проповедывали на всех дорогах, площадях и улицах Италии свой доморощенный нейтралитет, говорили: «У Муссолини нечего больше сказать народу». Но когда пришли печальные, трагические дни Капоретто, когда Милан облекся в траур и каждому было ясно, что если австрийцы прорвутся и займут город, то ровно через пять дней наступит конец всей Италии, — тогда мы все почувствовали, что за нами еще остается слово. Когда затем пришла Победа, — и на другой день после нее образовалось—более или менее демократическое—течение в пользу отказа [1]), намеревавшееся ампутировать нашу Победу, мы, фашисты, с полным мужеством и совершенно открыто об'явили себя империалистами и противниками отказа. В театре La Scala мы дали первый бой нашим противникам, в январе 1919 г. Что же случилось? Случилось так, что мы победили, победили за всех, пожертвовав для этого цветом нашей молодежи,—а затем различные ростовщики и грабители стали пред'являть нам свои счета. И в то время, как мы боролись за священные права нашего отечества, в Италии нашлись такие демократы, весь демократизм которых состоит в том, чтобы обслуживать чужой империализм, отказываясь от собственного. Они бросали нам самые нелепые обвинения только потому, что, по нашему убеждению, северная граница Италии должна доходить до Бреннера,—и она будет там до тех пор, пока будет течь кровь в жилах хотя бы одного итальянца. Мы настаивали на том, чтобы восточная граница Италии достигала Невозо, ибо, по нашему мнению, это и есть естественная граница нашей родины, ибо мы не могли оставаться глухими к борьбе за Фиуме, ибо мы глубоко чувствуем жизненность уз, связывающих нас не только с итальянцами Зары, Рагузы и Каттаро, но и с итальянцами кантона Тессино [2]), даже с теми итальянцами, которые не желают быть ими, с итальянцами Корсики, с итальянцами, живущими по ту сторону океана, с этой огромной семьей в 50 миллионов человек, которую мы хотим об'единить под эгидой общей расовой гордости. Перед нами уже налицо первые стычки, обнаруживающие наступление фашистов. 16 февраля Милан наблюдал картину паники трусливой буржуазии перед лицом 20 тысяч большевиков, преклонившихся перед Лениным и заявивших, что большевистская революция неизбежна».

Эта речь Муссолини представляет тот интерес, что рисует нам наиболее характерный, переходный период итальянского фашизма, когда уже сами вожди и идеологи его поняли, что удержаться

---

[1]) В первый период фашисткого движения, когда все его программные стремления укладывались в форму требования „неурезанной" победы,—т.-е. настаивания на удовлетворении полностью национальных требований патриотов,—фашистская терминология разделила всех политических деятелей на две школы: *rinunciatari* (сторонники отказа от этих притязаний) и *antirinunciatari* (фашисты).

[2]) Итальянский кантон Швейцарии.

исключительно на платформе внешней политики и требований национального характера фашизм больше не может. Они почувствовали, что пришел момент, когда надо расширить платформу, присоединив к ней требования внутреннего характера. В самом деле, внешняя политика не делается на фабриках, заводах, фермах и школах.—Если бы, по самой сущности своей, фашизм мог удержаться в границах внешней политики, он мог бы добиваться осуществления своих империалистских домогательств путем конструирования политической партии или фракции в парламенте, которая оказывала бы давление на внешнюю политику правительства, на его взаимоотношения с другими странами, на ту или иную позицию Италии в Верховном Совете, Лиге Наций, на международных дипломатических конференциях. В самом начале фашизм так и действовал. Мы видели, как скромна была платформа миланского совещания 1919 г. В сущности, эта платформа представляет собою не что иное, как попытку об'единить, оформить движение бывших участников войны, инвалидов и т. д. Такое движение существует не только в Италии. Организации бывших участников войны имеются почти во всех крупных европейских странах; время от времени созываются международные конгрессы этих организаций. Но, поскольку это движение остается на платформе профессиональных интересов широких солдатских масс, вовлекаемых буржуазией в войны, оно либо превращается в резко-антимилитаристское движение, как, например, французский «A. R. A. C.» [1]), либо вырождается в незначительные и мертворожденные патриотические организации. И в том, и в другом случае,—оно не оказывает почти никакого влияния на политическую жизнь данной страны.

Судьба итальянского фашизма оказалась несколько иной.

В первый период,—под влиянием шумной и энергичной деятельности интервентистов,—оно из скромного профессионального движения бывших участников войны (см. все 3 резолюции Миланского совещания 1919 г.) превратилось в национально-патриотическое движение, об'явившее войну «слабовольной» и «преступно-нейтралистской» политике итальянского правительства и требовавшее полного удовлетворения всех национальных стремлений «Великой Италии». Слова «Нация», «Победа», «предательство союзников» не сходят с уст Муссолини. Его друзья потрясают при каждом случае древком, на котором колышется знамя «итальянского Фиуме». Они сначала превозносят до небес д'Аннунцио. Они устремляют свои взоры на итальянские кантоны Швейцарии, где бедные и скромные ticinesi, по большей части занятые тяжелым трудом каменотесов и землекопов, никогда и не помышляли о присоединении к Италии. Казалось, все взоры вождей и основателей фашистского движения устремлены на внешнего врага и прикованы к границам Ита-

[1]) Инициалы французского „Союза бывших участников войны".

лии. Их меньше или почти совсем не интересуют внутренние дела Италии. Они ненавидят только ту часть социалистов, которая высказалась против вмешательства в войну, но они готовы итти с социалистами, синдикалистами и даже анархистами, если бы те признали войну и неурезанные требования в области внешней политики. В эту пору они любят кичиться своим либерализмом в социальных вопросах и даже кичиться своим синдикализмом à la Сорель. Они, напротив, бичуют аграриев и ту часть буржуазии, которая была против войны. Они относятся почти безразлично к политическим формам итальянского правительства. В ту пору у них почти нет никаких разногласий с националистами и они готовы заигрывать с республиканцами. И это вполне понятно,—особенно, если понятие «безразличия» мы заменим откровенным политическим оппортунизмом. Фашисты, не помышляя еще в то время о захвате не только правительственного большинства, но и меньшинства в свои руки, готовы были блокироваться по разным вопросам с любыми политическими элементами, которые поддержали бы их великодержавную внешнюю политику.

VII.

„Великая Италия".

Какова же эта великодержавная политика, рекомендуемая фашистами нищей, обескровленной Италии? С ней нужно ознакомиться,—ибо это—самая парадная часть общей фашистской программы,—те ширмы, за которыми они пытаются до последнего времени скрыть свою истинную классовую физиономию.

На первом фашистском конгрессе во Флоренции Муссолини изложил эту программу в следующих пунктах:

1) Фашизм не разделяет веры в жизненность принципов, вдохновляющих так называемую Лигу Наций. В этой Лиге Наций народы, на самом деле, не находятся на равном положении. Она представляет собою нечто в роде священного союза плутократических наций англо-франко-саксонской группы, основанного с целью обеспечить за собой,—несмотря на неизбежные столкновения интересов,—эксплоатацию наибольшей части мира.

2) Фашизм не разделяет также веры в красные Интернационалы, которые умирают, опять нарождаются, множатся, чтобы затем опять исчезнуть. В этом случаее мы имеем дело с искусственными и формальными построениями, собирающими вокруг себя незначительные меньшинства,—по сравнению с теми огромными массами населения, которые, прогрессируя или регрессируя, разрешают тем или иным способом эти столкновения интересов,—и тогда рассыпаются, как щебень, все эти международные сооружения 1, 2 или 3 разряда.

3) Фашизм не верит в возможность немедленного всеобщего разоружения.

4) Фашизм полагает, что—в настоящий исторический период—Италия должна взять на себя в области европейской политики задачу установления равновесия и примирения различных держав.

В развитие всех изложенных тезисов, «Fasci Italiani di Combattimento» [1]) требуют:

---

[1]) Это название предшествовало нынешнему официальному наименованию фашистской партии „Partito Nazionale Fascista".

а) Пересмотра мирных договоров и изменения тех частей их, которые оказываются в настоящее время неприменимыми или применение которых чревато новыми чудовищными войнами.

б) Экономического присоединения Фиуме к Италии и покровительства всем итальянцам, проживающим, в далматских землях.

в) Постепенного высвобождения Италии из-под влияния группы плутократических народов Запада путем развития внутренних производительных сил.

г) Сближения с «неприятельскими» странами—Австрией, Германией, Болгарией, Турцией и Венгрией,—но сближения, не нарушающего достоинства и всего важного значения наших северной и восточной границ.

д) Создания и укрепления дружественных отношений со всеми народами Востока, не исключая и стран, управляемых «Советами», и юго-восточных государств Европы.

е) Отстаивания необходимых прав нации в колониальных вопросах.

ж) Освежения всех наших дипломатических представительств новыми элементами, получившими подготовку в специальных факультетах университетов.

з) Увеличения ценности и значения итальянских колоний на Средиземном море и по ту сторону Атлантического океана при помощи развития экономических и культурных учреждений, а также путей сообщения.

Изложенная здесь программа фашистов в области внешней политики, конечно, не может быть признана полной. Она находит себе значительное дополнение в последующих речах как самого Муссолини, так и его учеников и комментаторов. Особенно много ей уделено места в той книге Пьетро Горголини, которую нам уже приходилось цитировать. Любопытны рассуждения этого перворазрядного теоретика фашизма, очевидно, числящегося специалистом по внешней политике. Не исключена возможность, что, если мечта Муссолини о захвате власти, высказанная им в последней речи в Удине (20/IX 1922 г.), осуществится даже только на половину, г. Горголини будет предложен пост министра иностранных дел Италии; поэтому с его мнением приходится считаться всем тем, кто хочет познакомиться поближе с той ролью в международной политике, которую претендует играть фашизм.

Прежде всего, Горголини относится крайне пессимистически к политическому положению современной Европы. И в этой части его рассуждений попадаются порою здравые нотки. Но, разумеется, эти нотки сейчас же тонут в болоте остальных его невежественно-реакционных выкладок.

Шесть «мирных договоров» (Версаль, С.-Жермэн, Трианон, Нейльи, Севр и Рапалло), при помощи которых Европа попыталась разрешить все международные конфликты, на самом деле, никакого мира не принесли. Европа—очаг беспрестанно угрожающих новых войн. Ясно, что среди поводов к новым войнам первое ме-

сто у ученого фашиста занимает угроза Москвы... Прибалтийским государствам и Польше. Опуская эту часть рассуждений, мы остановимся на тех поводах, которые ближе всего касаются Италии. В Верхнем Адиже Италии, по его мнению, угрожает рост «немецкого ирредентизма»,—и, разумеется, политика тамошнего итальянского губернатора (Кредаро) только содействует этому росту. (О том, как живется, на самом деле, населению оккупированных итальянцами немецких областей, можно судить хотя бы по последним газетным сообщениям, рисующим новые подвиги фашистов в области народного образования и культуртрегерства. Фашистские «squadre» (батальоны) приводят с собой в немецкие города и селения группы итальянских детей, силой выбрасывают из школ немецких детей и водворяют туда приведенных с собой школьников).

Его тревожит положение дел в Бургенланде, где Малая Антанта кует ковы против Венгрии, которая сама пытается нажиться за счет разоренной и разграбленной Австрии. (Можно подумать, читая Горголини, что Италия не принимала деятельного участия в растаскивании по кускам бывшей Австрии!) Черногория, преступными действиями держав Антанты и при участии Италии, отданная на растерзание юго-славскому империализму,—тоже может явиться таким поводом. То же можно сказать и об Албании, раздираемой на части внутренними разногласиями и разоряемой революционными бандами, действовавшими на средства греков и сербов. Болгария, за которой никто не посмеет отрицать священного права на выход к Эгейскому морю,—побежденная, но не покоренная,—только и выжидает случая—возобновить войну против своего наследственного врага—Сербии, и т. д. Горголини относится крайне отрицательно к политике удушения, проводимой по отношению к Германии не только Францией, но и Англией. Занятие новых областей, угроза «сверх-дипломатическими» средствами,—вся, вообще союзническая политика последнего времени по отношению к Германии вызывают с его стороны замечания, порою граничащие с германофильством. «Если подумать хорошо,—говорит он, — то, как бы это ни показалось в начале парадоксальным, интересы союзников тесно связаны с экономическим возрождением Германии и в то же время с общим под'емом Италии и ни в коем случае не совпадают с уничтожением и банкротством первой или унижением и обессилением последней. Такая страна, как Германия—огромнейший рынок труда, грандиозная производящая машина—не может рухнуть в самом сердце Европы, в достаточной мере обессиленной, без того, чтобы не придавить под своими обломками другие страны и не увеличить во стократ мировых бедствий. Нельзя возродить Европу, создав новую пустыню в центре континента. Разве недостаточно уже русской пустыни? Напротив, избежать краха Германии, дав ей достаточные средства для того, чтобы жить и работать, покупать и продавать, восстанавливать свое хозяйство и содействовать общему восстановлению Европы,—этого

требуют высшие интересы цивилизованного мира. Такова вернейшая задача, стоящая перед союзниками, особенно, перед Францией, соседкой Германии, больше всего ожидающей для себя от нее». Мы отмечали уже в другом месте этот сдвиг бывших интервентистов—фашистов в пользу Германии. Ведь, помимо всего прочего, Италии ровно ничего не перепадает в результате грабительской политики Антанты по отношению к Германии,—вот почему у фашистов нет никаких оснований поддерживать эту политику. Этим об'ясняется то более, чем хладнокровное отношение фашистов к подвигам союзников (особенно, французов) во время памятных событий в Верхней Силезии, когда они, вместе с другими партиями, настаивали на скорейшем отзыве итальянских оккупационных эшелонов. Экспансионистские и шовинистические тенденции фашистов устремляются, главным образом, против их ближайших соседей и всегда диктуются узкими итальянскими интересами (так, как их понимают фашисты). Вот почему, выбрасывая немецких детей из школ в Боцене, их вожди резко порицают насилия оккупационных французских властей на Рейне! Переходя же к своим, чисто итальянским делам, фашисты во всех бедствиях и унижениях Италии винят исключительно Антанту, включая в нее и Америку (Фиуманский вопрос). Если послушать Муссолини или почитать Горголини и других фашистских публицистов, весь мир (и больше всех правители Антанты) заражены и т а л о ф о б с т в о м. Все явные договоры и тайные политические комбинации составляются почти исключительно с одной целью — ущемить жизненные интересы Италии. Все требования, пред'являемые фашистами в области внешней политики, изображаются столь неот'емлемыми правами Италии, что малейшее игнорирование их империалистских аппетитов, естественно, рассматривается, как величайший разбой. Мегаломания итальянских фашистов граничит с манией преследования. Часто в жизни мы наблюдаем то же самое. Вся история последних лет,—в изображении фашистов,—сплошная цепь унижений и обид, наносимых Италии италофобами всего мира.

В этой цепи главной обидой—после Фиуме, о котором речь будет ниже—для итальянцев являются их неудачи в Албании. Вот каким тоном обиженного ягненка описывает Горголини крушение империалистских поползновений «великой Италии Муссолини и Кадорны» на Балканах:

«Во время войны Албания фактически вошла в круг жизненных интересов итальянской политики. Здесь будет излишним напоминать, во сколько крови, жертв, страданий и денег обошлась итальянскому народу эта неблагодарная страна Георга Скандербера. Народу, неспособному своими силами обеспечить собственное свободное и цивилизованное существование, Италия, с свойственным ей великодушием, предложила свое лойяльное сотрудничество и братскую—материальную и духовную—поддержку, в надежде укрепить на другом берегу Адриатического моря режим

благосостояния и мира. В результате стольких жертв и лишений мы вынуждены были покинуть эту негостеприимную страну, под угрозой быть выброшенными в море».

Кто же, по мнению Горголини, непосредственно виноват в злоключениях несчастного «волка на псарне», т.-е. тех оккупационных итальянских отрядов, которым пришлось оставить — после стольких проволочек — Валону? Виновников много: греко-югославский заговор против Италии, внутреннее недовольство среди самих албанцев, слепота итальянского правительства, согласившегося на ненужные уступки и, наконец, явное и всегдашнее недоброжелательство Англии и Франции по отношению к Италии.

Некоторое слабое утешение Горголини находит в том, что в руках Италии остается островок Сассено, «маленький сторожевой отряд, маяк итальянской цивилизации и т. д.». «Трудно поверить»,— говорит Горголини,—«но чудовищный факт остается бесспорным: союзники потребовали, чтобы Италия покинула и этот последний ничтожный оплот. К счастью, на этот раз у власти не было ни Нитти, ни Джиолитти,—и Италия не уступила больше. Тем не менее, фашизм не сможет забыть этого нового проявления... англо-французской дружбы по отношению к нам. Поистине опасная дружба, на каждом шагу унижающая, оскорбляющая и огорчающая нас, угнетающая нас, можно сказать, в нашем собственном доме, на этом злополучном Адриатическом побережьи, над которым реют незабвенные тени наших погибших моряков, преисполненные тревоги за родину».

Общий вывод Горголини таков: фашисты не позволят отказать Италии в обладании Адриатическим морем. Италия окружена врагами. Ее правительство всегда проявляло преступную слабость и безволие. Союзники и враги пользовались этим,—но фашизм всему этому положит конец. И тут в его нескончаемые жалобы врываются определенные угрозы по адресу сильных мира сего:

«Если какое-либо правительство Италии в прошлом пошло на позорные уступки, — это не значит, что итальянская нация согласится отдать Адриатическое море — mare nostrum — на усмотрение всемогущих узурпаторов и ростовщиков. Греция, Юго-Славия и Албания ненавидят нас. Но еще больше ненавидят нас великие державы, которые—без особенной выгоды для Антанты—издеваются над нами, третируют и обессиливают нас. Мы сумели подняться из трясин военного Капоретто[1]). Восторжествуем и над нашим дипломатическим Капоретто. Мало того: Италия, с все растущим душевным волнением, помышляет о том, что сталось бы с нашим маленьким и роковым морем, если бы в Фиуме высадка союзной полиции успела предупре-

[1]) В Капоретто, в 1915 г., Италии было нанесено сильное поражение.

дить появление братского отряда легионеров Ронки? Эта политика великих держав, использовавшая общую победу, — общую, — значит, в том числе и нашу — не только для воспрепятствования всякой экспансии нашей, но и поразившая нас в священнейших правах наших и в наиболее жизненных интересах, является неосторожной и опасной политикой».

Мы уже видели, что виновниками итальянского унижения являются не только государственные деятели Антанты. По мнению фашистов, их грабительские походы на Италию встречали всегда содействие со стороны итальянского правительства. Наиболее ненавистными премьерами для фашистов являются, разумеется, премьеры военного времени и эпохи заключения мирных договоров. Больше всего они ненавидят Нитти и Джиолитти, которых они во всех своих публичных выступлениях—устных или письменных—открыто называют изменниками и предателями своей родины. Несколько снисходительнее фашисты относятся к министерству Бономи, но это делается, главным образом, для того, чтобы ярче и выпуклее обнажить «преступления» закоренелых нейтралистов—Джиолитти и Нитти. Дискредитирование дипломатических шагов Нитти, «продавшего» в свое время интересы Италии,—даже теперь, когда Нитти не находится у власти и имеет мало шансов на портфель, по крайней мере, в ближайшем будущем,—до сих пор остается наиболее кричащим пунктом фашистской программы. Трудно процитировать хотя бы одну речь или газетную статью Муссолини, в которой имя Нитти не склонялось бы во всех падежах. Фашистский лидер ввел в политический жаргон Италии два специальных термина: «ниттизм» и «социал-ниттизм», давно ставшие обиходными. Первый из них пускается двуликим лидером фашизма в ход преимущественно тогда, когда он обращается к массам, облеченный в плащ обще-гражданских и возвышенно-патриотических интересов; второй,—когда ему приходится обвинять Нитти в попустительстве социалистической пропаганде.

«Фиуманская трагедия», как любят выражаться фашистские трибуны, тесно связана в их представлении с двумя политическими именами — Вильсоном и Нитти. Всем памятна позиция, которую занял бывший американский президент по отношению к Италии в Версале и после него. И одно время д'Аннунцио удалось, помощью своей неутомимой, бешеной пропаганды (в этом ему надо отдать справедливость), создать в Италии такую же ненависть к имени Вильсона, какую сейчас трудящиеся массы питают к Муссолини, с той только разницей, что имя Вильсона, мало знакомое в глухих деревнях и местечках, шельмовалось только среди патриотически-настроенной части высших сословий, а черная слава и проклятия бегут за Муссолини из одной разоренной деревни в другую.

После шумных первых успехов д'Аннунцио в Фиуме его деятельность, однако, не принесла ни покоя—несчастному городу, ни новой славы—поэту. В общем, главнейшие этапы фиуманской истории таковы:

Договором, который был заключен между Италией и Тройственным Союзом в апреле 1915 г., г. Фиуме был присоединен к Кроатии. По окончании мировой войны, белградское правительство согласилось, в результате определенной сделки, на образование независимого фиуманского государства. Но этим не удоблетворились крайние итальянские националисты, во главе с д'Аннунцио. С тех пор город стал ареной опереточных переворотов, в которых принимали участие легионеры д'Аннунцио, соседние триестинские фашисты, правительственные итальянские карабинеры, полностью оправдавшие свою опереточную славу, и, наконец, автономистская партия, во главе с Цанеллой, который, по минование «блестящей диктатуры» д'Аннунцио, в октябре 1921 г. был избран Фиуманским Учредительным Собранием на пост председателя правительства. Цанелла пытался оказать сопротивление притязаниям д'аннунцианцев путем организации особой милиции, рекрутировавшейся из граждан независимого государства, территория которого была определена Рапалльским договором. Воспользовавшись сменой кабинетов, фашисты-д'аннунцианцы решили свергнуть правительство Цанеллы. Они опасались почему-то, что Шанцер приложит все усилия к тому, чтобы Рапалльский договор не был нарушен,—и потому стянули к Фиуме все свои силы из Триеста, Венеции и т. д. Правительственные карабинеры, присланные Шанцером, поспели на помощь, как полагается, с большим запозданием. Фиуманская милиция была разбита фашистами,—и последним удалось поставить во главе несчастного города «Комитет национальной защиты», состоявший из нескольких приближенных д'Аннунцио. Этот Комитет, игнорируя прежние договоры, а также постановление фиуманского Учредительного Собрания, от 8/X 1921 г., выражавшее (40 голосами против 10) доверие автономистской партии, провозгласил присоединение Фиуме к Италии. Д'аннуицианцы, в оправдание своих действий, упорно ссылаются на плебисцит 30/X 1919 г., давший большинство сторонникам аннексии. Но, разумеется, эта ссылка никакого серьезного значения иметь не может,—ибо плебисцист 1919 г. происходил в условиях суровой диктатуры д'Аннуцио и его легионеров. Таково было положение в Фиуме накануне Генуэзской конференции, когда и вышла в свет цитируемая нами книга. К этому времени двойственная политика Муссолини по отношению к фиуманской авантюре определилась уже достаточно ясно, но, разумеется, Муссолини слишком умен и хитер, чтобы выпустить из своих рук нить разоблачений, направленных против его политических врагов.

Разоблачения роли Нитти в фиуманском вопросе, с которыми выступил на столбцах своего «Popolo d'Italia» Мус-

солини, одно время очень нашумели в Италии. Мы считали небесполезным резюмировать эти разоблачения здесь вкратце,—хотя бы потому, что они подымают завесу над любопытными нравами той капиталистической шайки, которая во всем мире располагает возможностью втравлять народы не только в кровопролитнейшие войны, но и в составление «мирных договоров», перекраивающих карту мира в согласии с интересами этой шайки банкиров и фабрикантов. Можно не сомневаться в том, что доля правды (и значительная) в разоблачениях Муссолини имеется, но известно, что прожженные политические дельцы и авантюристы типа Муссолини пускаются в разоблачения своих противников с единственной целью скрыть махинации тех групп отечественного капитала, которые достаточно умны, чтобы финансировать его шумное и дорого стоющее, но приносящее временную пользу, предприятие. С другой стороны, вокруг Фиуме, Триеста (отошедшего целиком к Италии), Каттаро и т. д. было сломано столько копий фашистами и вокруг этого дела сколочено ими столько популярности, что на этом вопросе стоит остановиться. Тем более теперь, когда, по газетным сведениям, сам Нитти,—один из ученейших и наиболее интеллигентных государственных деятелей Италии, собирается склонить свою выю перед победоносным фашизмом.

«Ниттизм», — пишет в своей громовой статье Муссолини, — впервые обнаружил себя как явление, резко противоречащее благу государства, когда этот профессор финансовых наук, будучи командирован за счет казны в С.-Амер. Штаты для выполнения весьма важного финансового задания национального характера, использовал эту командировку для того, чтобы, во вред Италии и за счет народной казны, тайно войти в соглашение с частью американских финансистов и подготовить себе доступ, при помощи иностранцев, к занятию премьерского поста в Риме. Американские финансовые группы, с которыми Нитти вел переговоры, принадлежали к демократической партии, по большей части тесно связанной с италофобской политикой. Вот почему со стороны Нитти было совершенно последовательно защищать и поддерживать в Италии подлую, анти-итальянскую политику Вильсона—даже тогда, когда Вильсон, как это всем известно, в результате избирательной победы республиканцев, оказался совершенно конченным и потерпевшим полное крушение человеком. Таким образом, первый зародыш ниттианского вырождения следует искать во мраке темных сделок с международной плутократией, к которым этот хитрый интриган сумел приобщить, во вред Италии, часть новой банковской итальянской плутократии. Следы этих сделок обнаружились в тех «не необходимых» делах, оказавшихся скандальными и разорительными, которые были заключены в ниттианский период между представителями официальной Италии и американскими банками и трестами. Была, между прочим, сделана попытка уступить аме-

риканцам (именно, германо-американцам) абсолютную монополию на гидро-электрические сооружения в Трентино (включая и В.-Адиж), и если этот проект не был осуществлен, то заслугу в этом следует приписать анти-ниттианской оппозиции. Одним словом, часть итальянской плутократии, благодаря посредничеству Нитти, душой и телом отдалась международной (преимущественно, вильсонианской плутократии), во вред интересам Италии.

«Стремления этой плутократической коалиции были очень скоро разоблачены нортклиффовской прессой. Италия должна отказаться от всякой мысли о господстве на Адриатическом и Средиземном морях. Каттаро и Себенико должны служить морскими базами против Италии. Фиуме должен оставаться открытым портом,—как Данциг и Константинополь,—со своими молами, доками, станциями, железнодорожным сообщением, торговыми и банковскими учреждениями открытым для эксплоатации и авантюристических сделок международной плутократии. «T i m e s» доказывал, что даже Триест должен быть об'явлен «свободным портом», т.-е. не итальянским, а интернационализированным или англо-американским. Италия потерпела бы от этих комбинаций невероятный ущерб, но зато плутократическая камарилья Нитти нажила бы огромные куши за посредничество. На-ряду с этим крупными аферами производились не менее выгодные и в других областях (здесь следует вспомнить монополизированную торговлю зерном, углем, кофе, валютные операции и т. д.). Во главе каждой монополии стояла группа коршунов, терзавших мясо и кости народа. Казначейство было разорено, зато сподвижники Нитти нажили миллионы. Однако еще до сих пор не пролит полный свет на эти факты».

Прошло много времени с момента этих разоблачений; ими питается до наших дней вся фашистская пресса, но «свет до сих пор еще не пролит полностью». Италия за это время стала ареной чудовищнейших процессов, в связи именно с крупнейшими злоупотреблениями всяких правительственных и частных акул во время войны. Между прочим, именно, в период министерства Нитти за назначение этих процессов велась особенно усиленная кампания. Было «выловлено» много крупных и мелких акул, но всей муссолинианской пропаганды до сих пор не удалось свалить Нитти, как государственного деятеля, личная честность которого была бы заподозрена. Впрочем, разбор этой темы — в условиях исключительно темных парламентски банковских нравов Италии — завел бы нас слишком далеко. Здесь мы отметим лишь то, что долгая и упорная анти-ниттианская пропаганда привела лишь к лишению его премьерского портфеля, что в Италии всегда бывает кратковременным политическим взысканием. При каждой новой смене министерства имена ненавистных фашистам Нитти и Джиолитти муссируются с прежним рвением. Оба еще считаются в этом смысле «годными людьми», что не обнаруживает в стране

особого доверия к фашистским разоблачениям, несмотря на всю забитость терроризированного общественного мнения.

Горголини же из разоблачений, опубликованных учителем, делает следующий вывод:

«Итак, анти-итальянский вильсонизм американской дипломатии, сознательного и недобросовестного противника наших интересов, великолепно сочетается с нашим ниттианством и наоборот».

Мы остановились, быть-может, слишком долго на этих разоблачениях и, вообще, на освещении с фашистской точки зрения международного политического положения. Но и при этом не исчерпали всех перлов этой программы. «Ниттианству» (и «джиолиттианству») следует уделить внимание потому, что в первый период своего существования фашизм, как основной пункт своей программы, выдвигал борьбу с «правительственной изменой», с слабостью и расшатанностью государственной власти в Италии. Эта слабая государственная власть предала итальянские интересы во время войны. Фашизм призван к роли спасителя отечества не только на поле брани, но и на поприще государственного строительства, во главу угла которого он выдвигает централизацию, борьбу с автономистскими стремлениями областей, подбор патриотически-настроенных государственных деятелей и, особенно, дипломатических представителей Италии. (У Горголини есть большая глава, специально посвященная разоблачению ряда крупных, по его мнению, промахов, совершенных итальянскими дипломатами на международных конференциях, вследствие их неподготовленности или недобросовестности). Самые термины «ниттианство», «анти-ниттианство» «джиолиттианство» и «анти-джиолиттианство» и т. п. великолепно обнаруживают эту попытку партии, лишенной каких бы то ни было теоретических устоев, построить свою собственную программу на базе чисто доморощенных и групповых разногласий. По существу, отстаивая интересы аграрного и промышленного капитализма в Италии в целом против натиска социальной революции, фашизм, никогда не теряя своей резко выраженной физиономии «милиции класса» и сумел проявить исключительный оппортунизм, сообразно с условиями места и времени приспособляясь к интересам той или иной социальной группы внутри капиталистического класса Италии. Как мы увидим ниже, осторожно об'явив себя в области экономики сторонниками «классического либерализма», фашисты оставляют себе много лазеек в этой области, неуклонно ведя, однако, свою линию превращения в крупную, популярную политическую силу в стране. В значительной мере оппортунистическая политика фашизма определяется смешанным составом его рядов. Фашизм вербует своих сторонников среди крупных аграриев и мелких кулаков, среди королей тяжелой промышленности и мелких торговцев, среди интеллигенции, чиновничества, учащейся молодежи, армии и полиции, насчитывающих в своих соб-

ственных рядах выходцев из различных социальных групп. Фашизм — милиция класса, которая для своего существования великолепно использует каждую социальную группу внутри этого класса. Он финансируется и банкирами, и заводчиками, и торговцами, и помещиками, и владельцами пароходных или железнодорожных компаний; его пытаются использовать, как орудие в междоусобной борьбе при столкновении своих групповых интересов, все названные группы, и в то же время все имущие классы Италии используют его, как сторожевого пса против попыток «бунтующих рабов», т.-е. рабочих и батраков Италии.

Отсюда происхождение этих терминов, отсюда примеры двурушничества фашизма на каждом шагу. У фашизма, субсидируемого всякими об'единениями торговцев, крупных ремесленников и мелких фабрикантов, по существу, не может быть коренных разногласий с таким ярко очерченным представителем радикальствующей мелкой буржуазии, как Нитти. Или какие существенные разногласия могут отделять эти банды штрейкбрейхеров и провокаторов, в Северной Италии, целиком состоящих на содержании у «королей» металлургической промышленности, от Джиолитти, верного пса крупной буржуазии, сыгравшего роль крупнейшего провокатора во время памятного захвата металлических фабрик рабочими в 1920 г.?

Борьба с «джиолиттианством» и «ниттианством» со стороны фашистов не диктовалась, конечно, никакими классовыми интересами. Здесь речь идет о голой борьбе за захват политического влияния в стране. Вчера—«анти-ниттианцы», они сегодня—«анти-фактисты», ибо нужно свалить министерство Факта.

Вот почему вся внешняя программа фашизма построена на зыбких основаниях, отсюда эта смесь «немцеедства» с ненавистью к Антанте, эта всемирная «италофобия», это ясно выраженное стремление «запросить» больше всех, закричать громче всех остальных партий, завыть жалобнее всех, когда оккупационные итальянские отряды изгоняются из Албании или других стран, не оценивших их «великодушия»,—эта бешеная попытка своей ублюдочной программой спасти самый злополучный и неудачливый из всех империализмов в мире—итальянский империализм.

Но даже и здесь фашизм прибегает к излюбленному приему своих вождей — не раскрывать карт до конца игры (ибо карты у него крапленые), и громкими фразами (в этом отношении ему, действительно, удалось оставить все остальные партии в хвосте[1]) затемнить свою истинную сущность. С этой точки зрения, в высшей степени курьезной представляется попытка фашистов обосновать свои разногласия в области внешней поли-

[1]) Многие теоретики фашизма — в том числе сам Муссолини — открыто выдвигают поэзию, красноречие, красивые одеяния, живописные парады и проч.,—как средства воздействия на массу. Предполагается, что фашистская „эстетика“ с успехом победит „казарменную прозу социализма“.

тики с националистами! За границей (в частности, в России) привыкли думать, что фашизм и национализм, в сущности, одно и то же явление, что первый из них — лишь резкое выражение последнего. В самой Италии простодушные рабочие и батраки с трудом уясняют себе идейную разницу между головотяпами в «черных» или «голубых» рубашках [1]), обычно весьма дружно и с одинаковым рвением избивающих забастовщиков или всех тех, которые им покажутся крамольным элементом. Оказывается, если верить ученому Горголини, — между ними существуют крупные теоретические разногласия. Он возмущен тем, что учение Муссолини многие, по своему невежеству, смешивают с программой Е. Коррадини (один из вождей интервентистов во время войны, ныне лидер националистов).

«Нет никаких оснований, — говорит он, — проводить между ними знак равенства, ибо в то время, как национализм действует исключительно в пределах нации, фашизм несет свои идеалы и духовные ценности всему человечеству...»

За обычным потоком красноречия (в десяток—два страниц) следует указание на следующие программные разногласия:

«Национализм — за протекционизм; фашизм — за фритредерство. Национализм отстаивает железоделательную промышленность (только?). Хотя эта промышленность в высшей степени полезна с точки зрения национальной экономии, но фашизм стоит решительно за международный товарообмен и поощряет земледелие, — единственный источник национального богатства Италии, — по преимуществу страны земледельческой. Фашизм борется против покровительственных таможенных барьеров, содействующих развитию паразитарных и убыточных видов промышленности для страны, лишенной железа, угля и др. сырья. Националисты их защищают.

«Но есть и другие разногласия. Национализм по своим тенденциям монархичен и консервативен. Фашизм, хотя и относится к монархии с уважением, ибо в настоящий момент она служит великолепным цементом для об'единения нации, но по своим основным тенденциям склоняется к республике [2]). В области внешней политики национализм преследует цели абсолютного империализма; фашизм же стоит за торговый экспансионизм, при чем итальянская экспансия, как ее мыслит фашизм, ни в коем случае не является империализмом, захватывающим чужие территории, а представляется ему благоразумным отведением за границу излишней энергии, накопившейся в стране».

Пусть читатель извинит нас за частое обращение к Горголини, за все эти политико-экономические истины, преподносимые ему,

---

[1]) „Camciae nerae" — „черные рубашки" — кличка фашистов; „camiciae azzure" — „голубые рубашки" — кличка националистов. Обе—соответствуют „рабочему" одеянию тех и других.

[2]) В последней речи 20/IX 1922 г. Муссолини решительно заявил себя монархистом.

но, ведь, сам Муссолини сказал нам, что это — лучшая книга о фашизме, и мы с жадностью черпаем из нее все то, что может обрисовать всесторонне это удивительнейшее по своей безграмотности «учение».

На самом деле, все, что сказано было о разногласиях между националистами и фашистами, об империализме первых и «экспансионизме» других, — не что иное, как пустая словесность, конкуренция с соседней лавочкой. Главнейшие требования тех и других сводятся к следующему:

Договором в Рапалло обойдены права Италии на Далмацию. Италия должна стремиться к приобретению влияния в ней и, в первую голову, добиваться пересмотра Рапалльского договора. В Албанию и тех, и других манят железная руда, минералы, нефть, уголь, медь, которыми изобилует эта страна. Дело, конечно, не в различии тех или иных туманных терминов, о которых говорит Горголини, а в природных богатствах чужой страны, куда «мирные экспансионисты» пытались проникнуть при помощи вооруженных батальонов.

Что касается ближне-восточной политики, то националисты и фашисты одинаково ругают и Джиолитти, и Нитти, и Сфорцу. Италия должна, по их мнению, через Балканы обеспечить себе известное влияние на Черном море и оттуда пробираться на Ближний Восток. Однако все эти вопли ни к чему не приводят. Состояние итальянской казны таково в данный момент, что ни о каком экспансионизме на Востоке оно не думает и, будь у руля правления даже фашистский кабинет, он, по всей вероятности, с такой же поспешностью стал бы отказываться от всяких мандатов и протекторатов в Мал. Азии, как это проделали министерства Бономи—Факта.

Как мы уже говорили, отсутствие теоретических устоев с избытком окупается у фашистов оппортунизмом. Можно ли сделать какой-либо определенный вывод из только-что приведенных слов в пользу «республиканизма» или «монархизма» фашистов? Каждый поймет, как ему захочется. И сам вождь, Муссолини, когда ему это нужно, попеременно то надевает фригийскую шапочку республиканца, то низко склоняет голову перед монархией.

Оппортунизм, идущий рука об руку с пустословием, ясно характеризует деятельность фашистов в области внешней политики. Здесь достаточно напомнить памятный факт предательства, совершенного Муссолини и его партией по отношению к... д'Аннунцио. Когда разразилась схватка между «героем Фиуме» и официальным правительством Италии, Муссолини и его друзья, в свое время сумевшие использовать знамя Фиуме для увеличения своей популярности в стране, ограничились лишь вынесением резкой резолюции в пользу неистового поэта. Но романтизма, который мог бы толкнуть Муссолини на явно неудачное предприятие при очевидном перевесе правительственных сил, у него не нашлось в достаточной степени. Буря, поднятая Муссолини на всем полу-

острове, оказалась бурей в стакане воды. Кто знает, какую позицию занял бы Муссолини теперь, когда сила его армии, действительно, значительно увеличилась? Но тогда поэт был предан. Романтическая затея кончилась неудачей. Муссолинианская пресса стала уделять все меньше и меньше внимания этому вопросу, и в фашистской программе внешней политики появился скромный пункт: «Экономическое присоединение Фиуме...» Только по большим праздникам теперь извлекают фашисты д'аннунцианское знамя с надписью «Итальянское Фиуме», воинственно потрясая им в воздухе.

На самом деле, ровно ничего не сделав для осуществления своей внешней программы, «милиция класса» помещиков и фабрикантов устремила свое внимание внутрь страны. И если верно, что взоры фашистов, как они любят уверять в этом, устремлены к границам Италии, их кулаки, палки и револьверы метят в одну цель. Этой целью является спина обезоруженного итальянского рабочего или батрака, осмеливающегося поднять голову против гнета капитала или власти. Патриотизм, экспансионизм, заветы итальянской цивилизации,—все это никому ненужные, пустые побрякушки. «Милиция класса» хорошо знает, за что получает свою плату. «Фашизм — синоним анти-коммунизма», говорит Горголини, и это правда. Его враги — в стане коммунистов, анархистов, синдикалистов у себя дома, а не по ту сторону Адриатики или Альпов. Фашистам платят деньги за уничтожение именно этих врагов, застрельщиков социальной революции. И если за фашистами не числится ни одного подвига в области внешней политики, то за то на почве удушения «внутреннего врага» и уничтожения цвета рабочего класса фашистам удалось вписать в историю европейской реакции такие мрачные страницы, каких она не знала до сих пор. Эти подвиги возвращают нас к детским воспоминаниям о Бичер-Стоу и историческим рассказам о кровавых расправах американских плантаторов с неграми. Им мы посвятим вторую половину книги.

Здесь впору лишь отметить, что во время последних августовских событий в Италии, когда зверства фашистов вызвали всеобщую забастовку рабочих, — романтизму д'Аннунцио окончательно оказалось не по пути с «практицизмом» верной ищейки капиталистов — Муссолини и его своры. «Милиция класса» еще пытается всюду использовать имя Габриеля д'Аннунцио, но последний, в ряде своих обращений и выступлений, более, чем холодно отнесся к подвигам усмирителей-чернорубашечников, «возвышенно настроенных» юношей, по мнению ученого социалиста Ферри.

VIII.

Фашисты и Советская Россия.

Разумеется, il mito russo (русский миф) служит главным жупелом всей фашистской пропаганды. Как мы убедимся ниже, этот миф был не только жупелом, но и главным импульсом всей деятельности фашистских банд. Напуганные до смерти «русским мифом», т.-е. большевизмом, нашедшим себе живой отклик в Италии, аграрии и фабриканты, при помощи ренегатов типа Муссолини, сумевших использовать патриотическое настроение молодежи, вернувшейся из окопов, и безработной интеллигенции, поспешили организовать для защиты своих классовых интересов платную милицию. Первой практической задачей, ставшей на очередь, была организация бешеной пропаганды, направленной, главным образом, против «опасного примера». Первые фашистские агитаторы и публицисты повели отчаянную кампанию в целях дискредитирования октябрьской революции, ее идеалов и вождей. Не было той клеветы, тех нелепых вымыслов, которые не были бы пущены в ход для очернения большевизма. В своих речах и статьях Муссолини зорко подстерегал малейшие ошибки и промахи Советского правительства, и не раз с торжеством заявлял о том, что «сам Ленин» признал октябрьскую революцию неудачным опытом. Разумеется, фашистские лидеры не брезгали и распространением в Италии клеветы наших белогвардейцев о том, что большевики действовали в России по планам германского генерального штаба. О своих итальянских революционерах—коммунистах и анархистах—они говорили, что эти, в свою очередь, действуют на средства «московского казначейства».

Доморощенные экономисты из фашистского лагеря, типа Горголини, неутомимо утверждают в своих статьях и книгах, что экономические мероприятия Советского правительства потерпели полный крах, что единственным результатом их явилось насаждение в России мелкой собственности. Мы уже цитировали то место его книги, где Горголини называет Советскую Россию «пустыней». И, однако, такова двурушническая «идеология» фашистов, что тот же автор в той же книге высказывается за необходимость для Италии возобновления сношений с Советской Россией (т.-е. с

пустыней?!). Излагая фашистскую программу внешней политики, он несколько раз возвращается к этому вопросу. «Наша политика», говорит он, «должна включать в себе также и честную попытку, крайне полезную для наших интересов, возобновления с Россией исключительно экономических взаимоотношений, как это уже сделала Великобритания».

И это пишет капитан фашистов, — один из прямых вожаков тех хулиганов, от которых столько злоключений пришлось претерпеть на первых порах нашему торговому представителю в Италии, В. В. Воровскому. Не нужно забывать, что в числе активных безобразников были и фашистские депутаты.

Кстати, вот что пишет ученый публицист о пребывании В. В. Воровского в Риме:

«Не следует воображать, что мы сможем немедленно заключить выгодные сделки с этой огромной, нищей страной, разоренной большевистским управлением. Но и здесь мы должны быть точны и дальновидны в нашем прогнозе. Мы могли бы уже теперь, установив регулярные рейсы с южной Россией, не обессиленной голодом и эпидемиями, подготовить возможность нашим промышленникам и негоциантам обеспечить себе минеральные концессии в бассейне Черного моря, которые, в момент возрождения России, более или мене близкого, смогут окончательно перейти к нам, иначе они попадут в руки менее робких и разборчивых, чем мы, иностранцев. С другой стороны, а именно с точки зрения внутренней политики, пребывание в Риме синьора Воровского может дать результаты, благоприятные для дискредитирования русского мифа. Наши итальянские коммунисты вряд ли будут особенно довольны пребыванием в Риме делегата их хозяина, которому пришлось вступить в переговоры с итальянским правительством. Пребывание в нашей среде русского делегата весьма знаменательно. Русская торговая миссия, с нашей стороны, представляет лишь частичную попытку контакта, но зато является красноречивым свидетельством той необходимости к приспособлению, которую испытывает сейчас несчастное ленинское правительство. А Италия остается здоровой и плодоносной страной».

Позволительно сомневаться, чтобы в речах тех фашистских парламентеров, которые являлись весной этого года в Генуе, к Х. Г. Раковскому, для переговоров об урегулировании пароходных рейсов с Советской Украиной, звучали те же горделивые и самодовольные нотки. Бывший «Австрийский Ллойд», перешедший теперь в руки итальянцев и переименовавшийся в «Триестский Ллойд», насчитывает среди своих владельцев и посредников не мало фашистов. Не только минеральные концессии в Донской области или на Кавказе, но и с.-хозяйственные концессии в Кубанской области и проч. заманчивые перспективы заставляют многих фашистских дельцов относиться снисходительнее к «русскому

мифу» и навастривать свои лыжи в «в ледяную пустыню». Не надо упускать из виду, что в бывших ирредентистских областях, перешедших ныне к Италии (напр., в самом Триесте), под прикрытием патриотически программных лозунгов, большое влияние захватили фашистские купцы и промышленники. Все отношение «фашистской партии» к Генуэзской конференции, в частности благожелательный нейтралитет к русской делегации, по отношению к которой не было выкинуто ни одной гадости, лишний раз свидетельствует о том, что у этой партии, не скупящейся на красивые жесты и пошлое патриотическое краснобайство, впереди всего стоят интересы того класса, у которого она состоит на полном содержании, т.-е. класса концессионеров, купцов, фабрикантов и помещиков.

IX.

Нарастание и крах революции в Италии (1918—1920 г.г.).

Рискуя навлечь на себя упрек в излишнем схематизме, мы сознательно избрали такой способ изложения теории и практики фашизма. В первой части книги мы отдали полностью дань тому, что можно назвать «программным идеализмом» фашизма. Не наша вина, если, при ближайшем рассмотрении, этот программный идеализм обнажился в виде набора трескучих патриотических фраз, навеявших скуку на читателя. Дело в том, что в первой половине книги перед нами целиком обнаружилось все фанфаронство и бахвальство наиболее ботливых (Муссолини) и наиболее невежественных (Горголини) вождей фашизма. Внешняя программа, «экспансионизм», «водружение знамени древней итальянской цивилизации»,— это—наиболее парадная и бутафорская часть фашистской программы, черная маска (впрочем, уже давно никого не обманывающая), за которой скрывается истинная к л а с с о в а я с у щ н о с т ь фашизма, столь красочно выявившаяся в его ежедневной погромной деятельности. К этой деятельности мы и обратимся теперь, уделив некоторое внимание тому историческому процессу разложения д р у г и х общественных сил в Италии, которое и обеспечило столь быстрый рост фашизма. Если, как мы уже отметили, почти все исследователи фашизма, принадлежащие к различным политическим школам, единодушно сходятся в том, что фашистское движение является естественным продуктом войны и созданных ею в Италии социально-политических условий, — то все они сходятся также и в том, что разложение социалистической партии Италии явилось одним из наиболее могучих факторов быстрого усиления фашистского движения.

Эту точку зрения разделяют и коммунисты (см. статью-корресподенцию Ардитто Россо, псевдоним, в № 18 «Коммунистического Интернационала»), и анархист Луиджи Фаббри в его книге «Превентивная контр-революция», и сами фашисты, как Церболио, Гранди и др.

Что в о й н а породила фашизм в Италии и другие формы классового антагонизма в других странах Европы, — в этом, конечно, не

приходится сомневаться. Но, ведь, одинаково верно и то, что гражданская война в Италии существовала и до того времени, когда группе авантюристов и политиканов, состоявших на откупу у капиталистов, удалось втравить страну в империалистскую войну. То «священное единение», которое достигло апогея во Франции, Германии или Англии, меньше всего сковало умы итальянских трудящихся масс. Следовательно, есть все основания утверждать, что окончание империалистской войны для Италии ознаменовалось возвращением к прежней гражданской войне. Разочарование, вынесенное широкими массами из империалистской бойни, привело не только к «росту патриотического сознания юношества», на котором пытаются до сего времени спекулировать фашистские идеологи, но и к росту классового самосознания, к о б о с т р е н и ю ф о р м гражданской войны.

Восемнадцатый год в этом отношении для Италии является годом перелома. Исчезает последний дурман, навеянный крикливой, демагогической фразеологией интервентистов. Война на границах замирает, вырождаясь в отдельные схватки и заранее обреченные на неудачу авантюры Бряцание оружием продолжается еще на так называемых мирных дипломатических конференциях; внутри страны ежедневная суровая борьба вступает в свои права. Русская октябрьская революция находит в Италии живой, сочувственный отклик, и до конца 1920 года Италия занимает — после России — первое место в списке кандидатов на .. социальную революцию. Как и в России, в Италии результаты войны особенно содействовали проявлению классового самосознания. Возвещенная «свобода», которую каждый солдат должен был, по словам демагогов, принести с войны домой на острие своего штыка, оказалась мифом. Гораздо более реальным показался трудящимся массам ненавистный фашистам «русский миф», выдвинувший конкретные методы освобождения от ига капиталистического гнета. Одновременно с этим, страна покрывается все более густой сетью синдикатов, организующих мощь пролетариата не для захвата парламентского большинства, а для овладения всем аппаратом производства и распределения в стране. И до войны синдикализм сделал большие успехи в Италии, но господство в большинстве синдикатов принадлежало реформистам. Теперь, с усилением классовой розни, преобладающее влияние переходит к революционным синдикалистам и анархистам, позднее к коммунистам. Пробуждение классового сознания коснулось, вместе с тем, самых глухих деревень. Италия, с ее самыми отсталыми формами крестьянского землепользования, какие только известны в Европе, становится ареной сильного движения среди малоземельных крестьян и батрачества. Революционным синдикатам удается значительно поднять заработную плату и, вообще, улучшить положение рабочих. В деревнях лиги и контрольные камеры берут в свои руки регулирование труда и успешно борются с пережиточными

формами феодализма; паразитический институт посредничества, особенно свирепствовавший в итальянской деревне, где он регулировал взаимоотношения помещиков и крестьян,—начинает исчезать; во многих местах,—части помещичьих латифундий отходят к крестьянам.

Социалисты, и до войны одерживавшие блестящие победы в избирательной борьбе над своими врагами, становятся сильнейшей партией в стране. Они одерживают такие же победы на муниципальных выборах. В их руках сосредоточивается огромное влияние не только на муниципалитеты,—к ним переходят и кооперативы.

Но предоставим здесь слово современнику и активному участнику событий, предшествовавших фашистскому наступлению — автору книги «Превентивная революция», анархисту Луиджи Фаббри. Кстати об этой книге. Мы считаем ее наиболее об'ективной книгой о фашизме. Мы имеем удовольствие лично знать автора, заслуженного теоретика анархизма, книга которого «Диктатура и революция» безусловно является наилучшей из всех, написанных иностранными (да и русскими) анархистами о русской революции. Его частные письма о русской революции, имеющиеся в нашем распоряжении, отличаются исключительной глубиной и об'ективностью. С этой точки зрения, трудно найти более об'ективного наблюдателя печальной итальянской действительности, чем этот скромный учитель из предместья Болоньи, вот уже тридцать лет бьющийся в передовых рядах итальянского пролетариата рука об руку с Энрико Малатеста. Его исторические показания чрезвычайно важны и интересны, — как заслуживает всяческого внимания его критика поведения левых элементов во время памятных событий 1920 года. Вот почему мы прочли его книгу о фашизме с захватывающим интересом, отдав должное его прекрасной манере изложения и его беспредельной преданности трудящимся массам Италии. К сожалению (а, может быть, и к счастью), для об'ективности, которой проникнута книга Л. Фаббри, есть грань. Нельзя об'ективно описывать р е в о л ю ц и ю — все равно, берете ли вы начало ее или апогей. Ни в той, ни в другой ее стадии революция не может рассматриваться, как механическая сумма отдельных событий. Дух революции, проникающий или, вернее, диктующий их, связует их воедино. Вот почему, — направив на них об'ектив телескопа, вы не увидите их в настоящем свете. Это случилось и с Фаббри. Все в его книге приемлемо для нас, кроме оценки выступлений рабочих и кретсьян в период нарастания революционного движения в Италии, предшествовавшего успехам фашизма и даже обусловившего их. Но суб'ективной вины Фаббри в этом нет.

У Верхарна, в его цикле «Les Heures Claires», есть прекрасная строфа, поразительная по своей силе и глубине.

Поэт, тоскующий по своей возлюбленной, ушедшей в город, сидит на краю дороги и ждет ее. Тем временем, из города возвра-

щаются люди, повстречавшиеся по дороге с его любимой. Поэт с жадностью смотрит им в глаза и замечает, что эти глаза сияют особым светом, потому что они видели ее, любимую!

Я знаю: Фаббри, как и все итальянские анархисты и коммунисты, стонущие под двойным ярмом капиталистического и фашистского гнета, беспредельно любят Революцию и с нетерпением ждут ее прихода. Но они не знают, что только глаза увидевших ее просветляются, и люди, имевшие счастье пережить революцию в своей стране, с иной, менее об'ективной, но зато более правильной точки зрения, подходят к оценке того или иного ее фазиса.

То обстоятельство, что итальянские революционеры еще не пережили революции, усиленное психологической депрессией, вызванной разбойничьей деятельностью фашистов, приводит к тому, что и Фаббри, и коммунист «Ардито Россо», и автономный социалист де-Фалько, вместе с фашистами, утверждают, что разбойничья деятельность первых явилась ответом на выступления левых элементов. Они не замечают, что в ростовщической Франции, например, буржуазия повела бешеное наступление на пролетариат, не будучи к тому провоцирована ровно никакими действиями, а, напротив, подстрекаемая пассивностью французских рабочих. Мало того: их об'ективность заводит их так далеко, что они начинают усматривать в тех или иных выступлениях трудящихся масс Италии излишние, ненужные эксцессы, и этим путем совершенно неожиданно для фашистов преподносят им частичное моральное оправдание. Русский исследователь фашизма, видевший и переживший у себя в стране революцию, естественно, не может разделить этой оценки. Коммунист «Ардитто Россо» в этом отношении идет даже дальше анархиста Фаббри. Как мы увидим ниже, он об'ясняет успехи фашизма почти исключительно полным разложением итальянской социалистической партии. Впрочем, и Фаббри, и «Россо», подчеркивая, с одной стороны, ненужные эксцессы трудящихся масс, — с другой, порицают их за бездеятельность, которая и обусловила их неуспех. В стихийный свой период, — т.-е. до тех пор, пока она не станет бесспорным совершившимся фактом, — революция обычно подвергается обвинениям такого рода.

Но предоставим слово Фаббри, дающему, — несмотря на некоторые недостатки его анализа, уже отмеченные нами,—живую и интересную картину нарастания социальной революции в Италии,— к несчастью, сменившегося торжеством черносотенной вакханалии фашистов.

«С начала 1919 г.»,—рассказывает он,—«началось какое-то светопреставление. На площадях Италии стали собираться десятки и сотни тысяч людей. Социалистическая и революционная пресса захватывала все больше и больше влияния; подписка на левые издания достигла цифр, ранее казавшихся сказочными. Пролетарские

партии, — особенно социалистическая, — а также производственные союзы становились необычайно-многочисленными. Все говорили о революции, и, на самом деле, революции было обеспечено большинство; сами противники готовы были примириться с ней. Выборы в ноябре 1919 г., протекавшие под максималистскими лозунгами, увеличили вчетверо число социалистических депутатов и подорвали окончательно значение партий, стоявших за войну. Успех социализма достиг апогея.

«Но революция не приходила и не осуществлялась. Дело ограничивалось только народными собраниями, слишком многочисленными собраниями. Им сопутствовали демонстрации, кортежи, бесчисленные хореографические упражнения. Итальянский пролетариат, казалось, ожидал повторения чудес Иерихона, — а именно, что буржуазная Бастилия,—т.-е. капиталистическое государство должно погибнуть только от действия распеваемых революционных гимнов и развевающихся красных знамен. С внешней стороны зрелище было прекрасным и производило впечатление. Сами привилегированные партии — представители власти и капитала — поддались его обаянию и ожидали падения строя, но, на самом деле, падение это не произошло, и это было вполне естественно потому, что никто не шевельнул рукой (?) для того, чтобы это случилось».

Разумеется, последнее замечание Фаббри трудно признать последовательным, ибо он же, несколькими страницами ниже, свидетельствует об огромных успехах, достигнутых в ту пору рабочими и крестьянами в области не только экономических завоеваний, но и во всех других областях классовой борьбы, необычайном под'еме самосознания масс и панике в рядах правящих и имущих. А, ведь, все это и является наиболее существенными факторами назревания революции.

«Заработная плата стала слишком высока для того, чтобы оставлять предпринимателям прибыль в желательных для них размерах. Невозможным становилось также положение самих хозяев, по мере того, как среди рабочих росли неуважение и непочтительное обращение с ними, кроме прибыли, уменьшавшие еще и их авторитет. Несносными становились и другие рабочие завоевания с точки зрения класса хозяев, как, например, те или иные уменьшения права собственности, грозившие привести его к медленному уничтожению, 8-мичасовой рабочий день, внутренние фабричные комитеты, частичные и всеобщие забастовки, примирительные камеры, воспрещение военного производства [1]), штрафы за нарушение договоров и т. д., и т. д. Если к ним прибавить еще правительственные налоги и всяческие поборы, то все это, вместе взятое, производило на хозяев такое впечатление, точно они уже перестали быть ими. Все это было

---

[1]) Италия — не следует забывать—явилась колыбелью этого антимилитаристского требования передовых рабочих.

еще более очевидным в деревне, где почти всеобъемлющая организация работников земли, к которой нужно прибавить действие других завоеваний коммун, а также густую сеть производственных и потребительских кооперативов, договорных камер [1]) и т. д., — так опутали собственника, что они, казалось, отняли у него всякую возможность располагать своим владением и на каждом шагу грозили ему апоплексическим ударом».

При таких условиях, упрек Фаббри — надо полагать — направлен не столько против ежедневной деятельности социалистов, коммунистов и анархистов, сколько вызван тем, что они ни разу не сумели овладеть положением для того, чтобы нанести решительный удар противнику, добить пошатнувшиеся устои капиталистической Италии.

Между тем, по его мнению, только за период с весны 1919 года по сентябрь 1920 г., было три таких благоприятных стечений обстоятельств, при которых решительный успех мог выпасть на долю левых. Первый случай был весной 1919 года, когда движение против безостановочного вздорожания предметов первой необходимости точно ярким пламенем охватило всю Италию. Королевской гвардии, к организации которой правительство приступило после движения осени 1920 г., направленного к захвату фабрик, еще не было. Само движение против дороговизны было популярно в рядах регулярной армии. Второй случай представился во время военного мятежа в Анконе, в июле 1920 г., когда вся Италия с минуты на минуту ожидала провозглашения республики. Третий случай—во время захвата металлургических заводов и фабрик,—в августе и сентябре того же года. Об этом движении, которое быстро перебросилось и в другие отрасли производства, Фаббри говорит, что «оно могло привести к наиболее радикальной и наименее кровопролитной из революций, какие только можно себе вообразить».

Известно, что последнее из перечисленных движений, которое по своему выдающемуся значению, не может быть и сравниваемо с бунтом в анконских казармах или кампанией против дороговизны съестных припасов, закончилось, после ряда подозрительных махинаций и проволочек, грандиозной провокацией со стороны прожженного политического дельца Джиолитти. Он сначала мастерски разыграл комедию «потворства» этому движению, а затем ловким ударом обошел рабочих, пообещав им фактический контроль над фабриками и заводами. Руководители Конфедерации Труда, — почти сплошь реформисты и соглашатели типа д'Арагоны—все время высказывались против расширения и углубления движения. Они являются главными виновниками

---

[1]) Camere di collocamento,—бюро труда, регулирующие в Италии взаимоотношения между работодателями и рабочими в деревне, между помещиками и батраками.

того, что восставшие рабочие пошли на соглашение с Джиолитти и, таким образом, попались в хитро расставленные сети.

Фаббри подробно разбирается в причинах провала сентябрьского движения 1920 года. В об'ективной оценке этих событий он, по собственному заявлению, расходится с своими товарищами-анархистами, не считая возможным взваливать всю вину за провал движения только на предательство реформистских вождей и бездеятельность одних социалистов. Он обвиняет в бездействии и анархистов, хотя на них «ответственность падает, разумеется, в меньшей степени, чем на первых, — пропорционально их меньшим силам. И они, — утверждает Фаббри, — за последнее время приобрели значительное влияние на массы, не сумев его использовать».

Последовавшие затем аресты Малатеста, Борги и др. видных вождей анархистов и синдикалистов, а также судебные процессы, показали, что правительство считало, что именно анархистами была совершена подготовительная работа.

Как бы то ни было, — сами массы оказались недостаточно подготовленными,—и движение было задавлено в корне. Разумеется, суб'ективные промахи вождей или руководящих организаций могут оказать самое неблагоприятное влияние на развитие того или иного социального движения, но история последних революций учит нас тому, что решающим фактором, помимо соответствующей социально-экономической обстановки, служит степень подготовленности самих масс, которые умеют побеждать ошибки своих вождей.

Таким образом, движение, достигшее кульминационного пункта, было сломлено, но страх у буржуазии перед новым пробуждением сознания масс не прошел. Она поспешила организовать заблаговременно отпор новым вспышкам революционного брожения. На сцену появляется фашизм...

Первым успехам фашизма, по мнению Фаббри, помимо всего прочего, значительно содействовали многие непростительные ошибки отдельных личностей и даже целых организаций — социалистических или рабочих. Многие элементы — далеко не буржуазные в типичном смысле этого слова—настроились враждебно, по отношению к социалистическому пролетариату, по целому ряду крупных и мелких причин. Фаббри подробно перечисляет их: тут и насмешки, и оскорбительные намеки со стороны рабочих и работниц по адресу попадавшихся навстречу людей, отнюдь не принадлежавших к барам; нетерпимость и насмешки по адресу символов и идей, чуждых или враждебных социализму, демонстративно-враждебное отношение к офицерам и студентам — бывшим участникам войны и т. д., — одним словом, все то, что на нашем жестком российском революционном жаргоне именуется «ущемлением буржуазной интеллигенции».

К ошибкам экономического порядка Фаббри относит слишком многочисленные забастовки, часто об'являвшиеся по ничтожным поводам и раздражавшие широкие слои населения, особенно, если это были железнодорожные, почтово-телеграфные или трамвайные забастовки, бившие по жизненным интересам широких слоев. Одним словом, — все те явления, которые так подробно описывает Фаббри, относя их к «ошибкам» экономического характера, и есть то, что составляет обычную прелюдию революции. И где уж с ним, к сожалению, окончательно нельзя согласиться, это—в том месте, где он, признавая всю законность применения забастовки во всех отраслях народного хозяйства, тем не менее добавляет:

«С точки зрения интересов класса и революции, которые, прежде всего, требуют сосредоточения вокруг своих усилий максимального числа согласных с вами и уменьшения числа противников, — сами рабочие должны были бы поставить известное ограничение в пользовании этим обоюдоострым оружием, — весьма действенным в определенных условиях и в определенный момент, но, по самому существу своему, приводящим к увеличению числа недовольных и ограничивающим прилив сил рабочего движения не только из правящих, но и всех классов».

Увы, — не изобрели еще той меры весов, о которой мечтает Фаббри и на которой можно было бы взвесить значение каждой отдельной забастовки или иной вспышки в период назревания революции. В Италии революция не пришла не из-за того, что забастовок в 1919 — 20 г.г. было слишком много, и не оттого, что они об'являлись иногда по незначительным поводам. Не озлобление тех или иных слоев населения, страдающих от революционных вспышек, определяет неуспех революции или, напротив, успех реакционного движения в духе фашистского. Революция требует жертв; она несовместима с невозмутимым спокойствием и сохранением жизненных удобств для широких слоев, хотя бы и не принадлежащих к правящим классам. Стоящие во главе движения никогда не могут и не будут считаться с этим обстоятельством. Большевистская революция в России не продержалась бы и одного года, если бы лидеры ее считались с этим обстоятельством. Все сказанное еще во сто раз более применимо к революции, вспыхивающей на развалинах разорительной и дорого стоющей войны, доведшей и без того эти «жизненные удобства населения» до минимума. Зато, когда революция побеждает, она умеет впрячь в свою победоносную колесницу и довольных, и недовольных. Об этом хорошо и убедительно говорит Кропоткин в своей книге «La conquête du pain». Довольство для всех может явиться лишь в результате длительной созидательной работы победоносной социальной революции, но не может быть предпосылкой ее.

Не менее трудно согласиться и с коммунистом «Ардитто Россо», который в цитированной нами статье придает исключи-

тельное значение развалу социалистической партии в Италии, якобы целиком обусловившему расцвет фашизма. Руководимый похвальным желанием доказать безнадежную половинчатость ее программы, он слишком уже в мрачных красках рисует ее нравы, личный состав и, особенно, вождей.

«К сожалению, — говорит о них «А. Россо», — почти все они были настолько нечестны и охвачены жаждой карьеризма, что после войны они превратились в революционеров и большевиков буквально только для того, чтобы привлечь массы, сделаться депутатами или получить высшие должности в профсоюзах».

Верно, что итальянская интеллигенция не отличается особенной идеологической выдержкой; верно, что карьеризм раз'едает ее. Мы отмечали это в начале книги. Но не следует забывать, что ренегатов дала (и дает до последнего дня) в Италии не одна социалистическая партия. Среди главарей фашизма имеются выходцы из различных партий. Война принесла с собой разочарование и в демократии. Крушение так называемых средних партий, — буржуазного либерализма и демократизма — выбросило на панель огромные кадры безработных журналистов, непризнанных или отвергнутых политиканов, которых—на парламентских выборах — попросили «в отставку». (Этого как раз нельзя сказать о социалистах, популярность которых, напротив, росла не по дням, а по часам).

Разумеется, парламентские приемы борьбы за социализм действуют развращающе на социалистические партии, значительно усыпляя революционное сознание, — а следовательно, и способность к сопротивлению, — в рабочей среде, но это явление нельзя, конечно, признать специфически-итальянским. А, между тем, столь необычайного успеха фашизм добился в одной Италии.

Рост фашистского движения в Италии следует об'яснить именно тем, что волна забастовок и ряд рабочих завоеваний, действительно, навели огромнейшую панику на богачей и правителей Италии и их многочисленных (как нигде) прихлебателей. Правда, сентябрьское движение захвата фабрик было задавлено, но страх у имущих и правящих не прошел. Напротив, были все основания ожидать его возобновления в ближайшем будущем. Нельзя было терять лишнего времени. Фашистским сиренам, напевавшим старые интервенционистские мотивы, не удалось усыпить трудящихся масс. В тот самый период, когда рабочие Турина и др. городов захватили металлургические заводы, крестьяне во многих провинциях поспешили захватить в свои руки немалое количество пахотных земель. Фабриканты и аграрии, забыв о своих разногласиях, были охвачены одной и той же тревогой. И так как патриотическая проповедь фашистов первого призыва позорно провалилась, нужно было пригласить их перестроиться на другой лад и в спешном порядке, отпустив солидные субсидии, сколотить «милицию класса». К тому же правительство Джиолитти, одно время

ловко натравливавшее своим «благожелательным нейтралитетом» фашистов против социалистов и, наоборот, поспешило воспользоваться кратковременным затишьем, чтобы создать многочисленную и хорошо вымуштрованную «guardia reggia» (королевскую гвардию) из вольнонаемных солдат «сверхсрочной службы», на которых можно было в гораздо большей степени положиться, чем на регулярную армию, приобревшую «большевистские» замашки.

Фашисты, королевская гвардия и карабинеры (регулярная полиция), — это было уже кое-что, с чего можно было начать. Оставалось посеять еще сыск, провокацию и черносотенный террор во всей стране. На время имущим классам Италии повезло. Семена дали пышные всходы. Италия превратилась в сплошной застенок; отвратительный нарост фашизма омрачил эту прекрасную страну и облачил в траур честный, трудолюбивый и возвышенно-настроенный пролетариат города и деревни.

За свою временную передышку имущие классы Италии обязаны благодарностью, прежде всего, дьявольски-энергичной работе муссолинианских молодцов, об'явивших, — во второй период своей деятельности, — священную войну историческому материализму — в философии и принципу классовой борьбы — в политике. Кроме наемных молодцов, у Муссолини имеются еще и ученые (по преимуществу, — из числа ренегатов от социализма), и они-то в своих писаниях постарались, как умели, обосновать и оправдать эту войну.

X.

Война—материализму и классовой борьбе!

Как всякая уважающая себя партия, «Il Partito Fascista Italiano» имеет, чуть ли не с первого дня зарождения, свою оппозицию, доставившую в свое время немало неприятных минут блистательному вождю — Муссолини. У оппозиции с признанным лидером партии было за все время два особенно крупных столкновения: одно—теоретического характера, другое—тактического. Оппозиционеры-теоретики (во главе их депутат Дино Гранди) изо всех сил противились превращению «fasci di combattimento» в организованную и—особенно—парламентскую партию. Они опасались, что, с превращением в партию, движение потеряет свою девственную чистоту и боевой характер, слившись с остальными буржуазными партиями, действующими легально. Кроме того, как мы уже отмечали, Гранди на конгрессе 7 — 9 ноября 1921 г., полемизируя с Муссолини, отстаивал ту точку зрения, что у фашистов нет еще достаточно «отточенной» идеологии, чтобы превратиться в партию. Соглашение о перемирии с социалистами, заключенное Муссолини почти исключительно по собственной инициативе, за спиной провинциальных главарей фашизма, послужило причиной тактического разброда в движении. В большем числе областей фашисты, игнорируя распоряжение «центра», не подчинились соглашению и продолжали свою расправу с трудящимися массами. Мало того, недовольство этим соглашением, как мы увидим, нашло себе отражение в фашистской печати. Против него по мотивам идеологического характера высказался теоретик фашизма (бывший социалист)—депутат Ад. Церболио. Следует ознакомиться с книжками обоих этих теоретиков от фашистской оппозиции [1]), не столь раболепно относящихся к своему учителю, как Горголини и др., чтобы лучше уяснить себе подоплеку классового похода фашистов против пролетариата Италии во второй период их деятельности.

В начале 1921 г. в итальянской Палате депутатов обсуждался доклад комиссии, назначенной для расследования кровавых подви-

---

[1]) Adolfo Zerboglio. — „Il Fascismo", 1922. — Dino Grandi — „Le origine e la missione del fascismo",—1922.

гов фашистов в Италии. К тому времени фашисты представляли собою уже организованную парламентскую партию, но общественное мнение Италии еще не было терроризовано этими господами настолько, чтобы они позволили себе в своих резолюциях называть открыто вещи своими именами. Тем не менее, дебаты, длившиеся с 31 января по 3 февраля 1921 г., представляют собою исключительный интерес, ибо, хотя и прибегая к некоторым иносказаниям, фашисты впервые выступили в Палате с своим законченным классовым «credo». Мы приведем здесь лишь заключительные резолюции, предложенные, с одной стороны, социалистами, с другой — фашистами, а также любопытные к ним комментарии фашистского теоретика Церболио, к которым, собственно, и сводится все содержание его книжки.

Формула, предложенная социалистами, гласила:

«Констатируя, что последние акты насилия, организованные в различных областях Италии, неизбежно ведут страну к гражданской войне, а также устанавливая, что правительство и местные власти безучастно наблюдают насилия, угрозы, поджоги, совершаемые вооруженными бандами, специально организованными для этих целей, и даже покровительствуют им, мешая законной защите лиц, учреждений и организаций, терпящих эти насилия,— осуждают политику правительства».

Как видим, резолюция составлена достаточно-таки эзопоским языком. В ней слово «фашизм» не упоминается ни разу. Точно так же поступают в отношении своих противников фашисты, сохранившие в ту пору еще некоторую тень застенчивости. Правда, этим дипломатическим языком из'яснялись между собой только парламентские фракции. На полях и площадях Италии кровь уже давно лилась рекой.

«Палата, — говорится в фашистской резолюции, — констатируя, что ненормальные условия общественной жизни в Италии являются продуктом ряда политических факторов, появившихся к жизни в течение целого ряда лет, что отличительной чертой внутренней политики явилось плачевное попустительство актам насилия и своеволия, свирепствовавшим и поныне еще происходящим во многих провинциях Италии (особенно, в деревнях) и приведшим к открытому уничтожению индивидуальной свободы, а также тягчайшим потрясениям в области производства; что государство систематически отказывалось от защиты законом присвоенных всем легальным учреждениям прав; что в тех случаях, когда оно не вызывало само эти незаконные и недопустимые нарушения, проявило полное бессилие в деле отправления своих непосредственных функций, чем было окончательно дискредитировано и даже навлекло на себя подозрение в сообщничестве с виновниками насилий; исходя, далее, из того, что продолжительный паралич государственной власти, естественно, покровительствовал грубейшим покушениям против элементарной свободы, неприкосновенности жилища, свободы мысли и труда и всех честных форм

политической деятельности, а, с другой стороны, породил инстинкт и потребность в самозащите в тех кругах, которые стремятся к восстановлению страны и несогласны мириться с систематическим нарушением личных и политических прав, а также с организованным саботажем экономической и политической жизни итальянского народа; что подавление отдельных эпизодов насилия в том или другом месте не может принести исцеления и возвращения к нормальным условиям существования, а что помочь делу может только неуклонное выполнение обязанностей, выпадающих на долю государства, — приглашает правительство поставить себя в такое положение, при котором оно могло бы обеспечить всем гражданам пользование личной и политической свободой».

Комментируя этот обмен дипломатическими нотами между обеими воюющими сторонами, А. Церболио с похвальной откровенностью ставит все необходимые точки над и. Между прочим, о себе этот «рыцарь без страха... но не без упрека» пишет:

«Я — ренегат, — если пользоваться обычной в таких случаях религиозной или политической терминологией. Тем лучше, — если все будут знать это, — для оценки моих суждений. Верно, что иногда уход из партии вызывается низкими утилитарными мотивами, но иногда он свидетельствует о высоком мужестве и независимости. В таких случаях свидетельство того, кто «видел» и «знал», является весьма ценным».

И, вот, этот ценный свидетель из бывших социалистов прямо заявляет, что:

1) Фашизм избавил Италию от большевистского эксперимента.

2) Фашизм явился действенным разоблачителем лживых и абстрактных псевдо-альтруистических теорий.

3) Фашизм должен беспрерывно действовать и существовать до тех пор, пока государство не окажется достаточно сильным для того, чтобы взять в свои руки функции управления и укрощения.

Он и не думает отрицать, что «фашистами совершены акты чрезвычайного насилия, что они убивали и ранили своих противников, поджигали и разрушали Биржи труда, кружки левых организаций, срывали знамена и эмблемы, отправляли в различные местности карательные экспедиции, унижали (читай: избивали палками и истязали) пропагандистов, муниципальных советников и депутатов-социалистов и т. д., и т. д.».

Но все это делалось для того, чтобы подавить антипатриотическую пропаганду и помешать подготовке большевистского переворота. Защита законных прав в итальянских условиях, — иронизирует он, — не могла же осуществиться по рецепту толстовского «непротивления злу». Те, которые, с момента перемирия, жалуются на всех перекрестках о безобразиях «буржуазной тирании», показали, что их демагогическая тирания неизмеримо хуже и тяжелее буржуазной. Он злорадствует над тем, что эта тирания, однако, не спасла социалистов от провала. Еще в ноябре 1919 г. максималисты предсказывали крушение монархии и капитализма,

но фашизм — этот современный титан — остановил процесс разложения.

«Подобно тому, как социалистическое движение родилось из стремления к экономической справедливости и даже справедливости вообще, — без всяких эпитетов, — фашизм отнюдь не является абстрактно-рыцарским движением, а покоится на определенных интересах», говорит Церболио, но при этом пытается, разумеется, различными туманными выкладками уверить, что эти материальные цели фашизма выше социалистических идеалов. Фашизм — движение, по самому существу своему направленное против социалистического обмана. Исторический материализм, по мнению этого бывшего социалиста, не что иное, как проявление личного эгоизма, побуждающего человека заботиться лишь о собственном благополучии и об'единяет интересы данной группы во вред интересам другой. Отсюда и проистекает вреднейшее заблуждение, именуемое классовой борьбой и проповедуемое коммунистической партией. Между тем, как об'яснение процесса общественной жизни при помощи непрекращающейся классовой борьбы, на самом деле, является лишь возвращением к варварскому, «семитическому» примитивизму. На самом деле, борьба происходит не между классами: в ежедневной жизни сталкиваются и борются между собой различные идеи, различные политические концепции государства, интересы бесчисленных категорий, интересы личности и толпы; таким образом, внутри каждого из «воюющих классов» могут находиться самые разнообразные лица и группы. Именно поэтому фашисты и являются решительными противниками диктатуры пролетариата. Италия не желает повторять обанкротившегося опыта России. Но толстовство, воцарившееся в стане фашистов, конечно, никогда не смогло бы победить большевистской горячки».

Комментируя резолюции социалистической и фашистской фракции, Церболио невольно впадает в излишнюю откровенность и, в общем, подтверждает обоснованность первой из них. Так, он зло издевается над тем, что социалисты требуют себе защиты у государства, «того самого государства, которое они хотят разрушить, апеллируют к закону, над которым они надругались, к полиции, которую они оклеветали самым недостойным образом. Они хотят, чтобы государство и граждане, сложа руки, ожидали водворения их пролетарской диктатуры».

Разумеется, — поучает Церболио,—государство обязано охранять права всех граждан, — независимо от их убеждений, но, если находятся граждане, которые хотят свою свободу и свое равенство использовать ради уничтожения государства, — они из граждан государства превращаются в воюющих врагов».

Итак, — сознается ученый фашист, — государственная защита в Италии существует не для всех, а только для избранных, т.-е. для фашистов.

И они показали, что сумели использовать эту привиллегию надлежащим образом.

Между прочим, этот же теоретик возмущается до глубины души перемирием, заключенным между фашистами и социалистами. «Перемирие между фашистами и социалистами, — пишет он, — является чудовищным договором, особенно, если принять во внимание, что заключение его происходит в обстановке ярко-выраженного обеими сторонами желания настойчиво продолжать войну».

Лидер фашистской «оппозиции» Дино Гранди несколько расходится с Церболио и строит более замысловатую теорию фашизма. В сущности,—констатирует он,—существует два фашизма: фиуманский и фашизм в собственном смысле.

Фиуманизм — направлен против опасностей чужестранного засилия.

Фашизм — против внутреннего разложения. С точки зрения фашизма,—величайшей опасностью для Италии следует признать ту пропасть, которая образовалась между Нацией и Государством [1]). Это почти «неизлечимая болезнь». — и этой болезни, а не классовой борьбе, следует уделять все внимание. Борьба Нации против анти-национальных партий неизбежно превратилась в борьбу между Нацией и анти-национальным государством.

Дино Гранди оплакивает тот факт, что фашисты, наравне с другими политическими партиями, приняли участие в избирательной борьбе. «К сожалению, говорит он, — не нашлось голосов, которые поднялись бы против этого». С эпической наивностью рассказывает он о том, что фашисты могли принимать участие в выборной кампании только урывками, «в промежутках между двумя карательными экспедициями». У фашистов не было никакой избирательной программы; «им важно было одно: вести борьбу против социалистов!»

Выборы имели, по мнению Гранди, самый печальный результат для фашистов. В течение долгих месяцев фашисты именовали себя беспартийными,—и, по мнению Гранди, это и было правильным,—ибо они «представляли и представляют собой духовное возмущение нынешнего поколения против пятидесятилетия подозрительной политики и вырождающегося материализма». Войдя, при помощи последних выборов, в орбиту парламентской жизни и превратившись, таким образом, в политическую силу, участвующую в деле государственного управления, фашизм сразу почувствовал то внутреннее противоречивое положение, в которое он попал.

Таким образом, Гранди приходит к необходимости различать между «парламентским» фашизмом и «национальным». По определению Гранди, под национальным или революционным фа-

[1]) У фашистских писателей исключительное пристрастие к прописным буквам, как и, вообще, ко всяким кричащим эффектам, заменяющим содержание.

шизмом следует понимать не тот, который заседает в парламенте и голосует, а тот, который наводит террор на всю рабочую и крестьянскую Италию своими поджогами, убийствами и карательными экспедициями. Это произвольное деление следует отвергнуть безусловно, так как на деле в фашистских безобразиях принимают активное участие очень многие депутаты, — что делает это различие слишком академическим.

С упоением говорит Гранди о романтизме, лежащем в основе движения, о том, что фашизм призван продолжать великие традиции об'единения Италии и самого Мацини. Война снесла до основания все политические концепции прежнего времени, — и на место их породила целый ряд новых идеалистических течений. Главнейшие три из них: модернизм, синдикализм и национализм.

Модернизм, это — протест против клерикализма, отчаянная попытка примирить религиозное сознание с потребностью человека в беспрестанном духовном совершенствовании и свободном анализе всего существующего.

Синдикализм (его сущность особенно усердно переврана и извращена автором) — попытка отвергнуть механическое понимание истории, внушаемое марксизмом и материализмом. На место Маркса и Гегеля — явились Бергсон и Сорель.

Национализм — призван осудить материалистический индивидуализм либеральных партий.

Всюду и везде нужно противопоставлять классовой борьбе и историческому материализму идеальные стремления Нации. Фашизм, в сущности, есть не что иное, как религия Нации. Таким образом, и война, которая ведется фашистами, является священной войной; высшим достижением ее явится освобожденная Нация. И сами фашисты, в представлении Гранди,—воскресшие рыцари средневековья, об'явившие крестовый поход... трудящимся массам Италии и залившие кровью всю Италию. На их рыцарских подвигах в деревне следует остановиться особенно подробно.

XI.

Фашизм и аграрный вопрос.

Снисходительные критики фашизма внесли большую путаницу в понимание сущности этого движения своими неустанными усилиями доказать, что у фашизма имеется определенная программа по рабочему и—особенно—аграрному вопросу. Разумеется,—поскольку организацию штрейкбрехеров и провокаторов (вольных или невольных, сознательных или сбитых с толку, — другой вопрос) можно называть профессиональным союзом, — постольку можно говорить о том, что фашисты «сделали известные успехи в синдикальном движении Италии». Поскольку анти-социализм, анти-коммунизм или анти-анархизм может рассматриваться, как самостоятельная ветвь рабочего движения, — постольку можно говорить и об определенной рабочей или аграрной программе фашистов. Однако именно из истории русского революционного движения можно почерпнуть гораздо более точный термин для определения роли фашистов в экономическом движении итальянского пролетариата города и деревни. Этот термин: з у б а т о в щ и н а. В самом деле, — если в политической части своей программы фашизм может быть сравнен с любым черносотенным движением, то его экономическая программа всецело подходит под определение «зубатовщины». Муссолини, кликнув клич об организации фашистских синдикатов, в противовес революционным и народно-католическим, быть может, потерпит ту же судьбу, которая постигла Зубатова, Гапона и др. Как и Гапон, он рискует вызвать к жизни духов, которых ему впоследствии не победить. Хотят ли или не хотят этого фашистские синдикаты,—они— мало-по-малу вынуждаются к позаимствованию у революционных синдикатов тех или иных методов борьбы. Мало-по-малу, они приходят к определенной дилемме: либо приподнять маску и играть открыто роль штрейкбрехеров по отношению к другим синдикатам, либо плестись в хвосте общего профессионального движения. Такое явление имело место в этом году, — во время весенних событий в Ферраре. Когда фашисты затеяли сами стачку всерьез и пред'явили свои требования, то они были подняты

на-смех всей остальной прессой, ибо, на самом деле, из этого списка требований нельзя было усмотреть ни малейшего разногласия между фашистами и... реформистами-социалистами. Но, разумеется, они становятся лидерами «самобытного» движения, как только начинают избивать демонстрантов, убивать забастовщиков или, в лучшем случае, становиться вместо них на работу. Местами эти штрейкбрехерские организации, именуемые фашистскими синдикатами, но, по существу, мало чем отличающихся от наемных «пинкертоновских»желтых организаций в Америке, действительно, добиваются серьезных результатов за счет эксплоатируемого пролетариата, принадлежащего к левым синдикатам и лигам. В одной из своих статей «Фашисты и завоевание синдикатов» [1]) Жак Мениль приводит в цифрах любопытные результаты борьбы фашистских штрейкбрехерских синдикатов с организованными рабочими. Цифры относятся лишь к одной местности—Молинелла (в Болонской провинции), где весной этого года забастовочное движение вспыхнуло с большой силой. По подсчету, произведенному за первые 4 месяца тек. года, оказалось, что за этот промежуток работали:

Рабочие революц. организаций, в количестве

1,265 чел. — в среднем	8 дней каждый
131 поден. рабоч., примык. к фашизму	40

Для женщин эта пропорция еще выразительнее:

1.317 р-ц, организ. в рев. синд.	1 день каждая
107 » » фашист. »	12 » »

Таков именно характер фашистского синдикального движения, стремящегося, если можно так выразиться, к организации... неорганизованных и штрейкбрехерски-настроенных и малосознательных рабочих.

Но о профессиональной работе фашистов среди городского пролетариата говорят все же значительно меньше, чем об участии их в аграрной борьбе. Ряд публицистов—местных и иностранных—даже причисляют фашизм к своеобразным формам аграрного движения. Рассказывают много легенд о социалистическом уклоне фашистов в сторону отобрания помещичьих земель и передачи их крестьянам, и о том, что фашисты, в противовес коммунистам и социалистам, восстают против процесса пролетаризации крестьянства. На самом же деле, ни одна сторона деятельности фашистов не вскрывает так полно и ярко их классовой сущности, как их работа в деревне. И если верно, что фашизм, вообще, представляет собой «милицию класса», то особенно преданного сторожевого пса в его лице нашли себе помещики Италии.

---

[1]) „Humanité“, 21/VII. 22.

Италия с'издавна представляет собою классическую страну стихийного аграрного движения. Это не мешало, однако, существованию в ней до самого последнего времени (и даже по сию пору) неслыханно-отсталых форм крестьянского землевладения. В Италии до сих пор существует еще (с небольшими вариациями) тот класс крестьян, который у нас носил название «временно-обязанных» и в начале этого столетия сохранялся, как устаревший институт, лишь на Кавказе. В итальянских условиях эти временно-обязанные крестьяне переродились в институт лично-обязанных (нечто вроде дворовой челяди), не имеющих и не снимающих в аренду земли, и состоящих в штате постоянных работников данного помещика. Марио Миссироли, либерал и большой друг фашистов, называет этих лично-обязанных крестьян (obbligati) привилегированными рабами,—поскольку они, хотя и утратив до известной степени личную свободу, обеспечены кровом и работой. Ясно, что помещики не только стараются обеспечить этих неорганизованных, невежественных и забитых людей работой, но и пользуются ими, как могучим орудием против бастующих сельско-хозяйственных рабочих, заставляя их работать неограниченное число часов в сутки и на тех условиях, на каких вздумается самим помещикам.

Существует в Италии и многочисленный класс полу-свободных крестьян (так называемые c o l o n i),—юридически полноправных, но, вследствие земельной нужды, находящихся в кабальной зависимости от соседних помещиков, привыкших из них выжимать пот непомерной арендой платой и работой.

Из некоторых источников мы узнаем, что демократическая Италия, возвышенными традициями которой так гордятся фашисты, до девяностых годов прошлого столетия не знала такого института, как формальные договоры между помещиками и крестьянами (p a t t i c o l o n i c i). Впервые, такие договоры стали заключаться (в частности, в Феррарской провинции) в 1892 году. Разумеется, при наличии кабальной зависимости малоземельных крестьян от помещиков, эти — далекие от совершенства — договоры оставляют больше, чем достаточно лазеек для эксплоатации. Но замечательно, что, с самого зарождения фашистского движения, эти p a t t i c o l o n i c i, пытающиеся, до известной степени, ограничить аппетиты землевладельцев, стали самым ненавистным бельмом в глазу у фашистских народолюбцев.

Наиболее важным вопросом для земледельческой Италии остается положение сельско-хозяйственного пролетариата, —так называемый батрацкий вопрос. Хотя теоретики фашизма, придерживающиеся, повидимому, воззрений физиократов, и утверждают, что земледелие должно явиться преимущественным (и притом, самым здоровым) источником национального труда в Италии, — при существующих формах землевладения, Италия является классической страной с.-хозяйственной безработицы. Это особенно верно в отношении ряда областей, население которых было спа-

сено от вымирания лишь при посредстве из года в год повторяющейся неслыханно высокой эмиграции. Если мы возьмем местность, известную под названием «Valle Padana» (Падуанская долина), то мы убедимся, что в этой местности все как бы соединилось для того, чтобы превратить работу (особенно для батрака) в деревне в самый ценный и недоступный товар. Самая техника как бы об'явила войну сельско-хозяйственному рабочему; мелиоративные сооружения, улучшив почву, увеличив ее производительность, значительно сократили потребность в рабочих руках. Поэтому, не приходится совершенно удивляться тому, что в Италии аграрный социализм, по своим целям и методам борьбы, весьма близок к промышленному социализму. На рынке труда предложение всегда значительно превышает спрос. Это обстоятельство окончательно развязывало руки местным помещикам, которые до войны представляли собою самых беспощадных монополистов на рынке труда, не хотевших признавать никаких форм об'единения сельско-хозяйственного пролетариата и устанавливавших по своему произволу нищенскую заработную плату для батраков, никогда, разумеется, не достигавшую самого голодного прожиточного минимума. При этих условиях синдикаты с.-х. рабочих, существовавшие в Италии до войны, разумеется, не могли сделать многого.

Понадобились война, значительное повышение классового самосознания в рядах сельско-хозяйственного пролетариата и некоторая «передвижка» земельной собственности в деревне, чтобы с.-х. пролетариат приступил, наконец, к действенной защите своих интересов. Это и был тот период под'ема классовой борьбы в деревне, который оплакивается, к сожалению, не только сторонниками фашизма, но и некоторыми его противниками. В деревнях значительно расширили свою деятельность синдикаты с.-х. рабочих; всюду основывались «лиги сопротивления», иногда смешанные по своему составу, т.-е. включавшие и малоземельных крестьян, и батраков. Эти организации повели бешеную борьбу за урегулирование условий найма труда и, в первую очередь, за сокращение предложения его. С этой целью в некоторых местностях Италии, крестьянским лигам и синдикатам пришлось прибегнуть к планомерно организованной эмиграции безработных в другие страны.

Для борьбы с штрекбрейхерством принимались такие меры, как воспрещение в определенный период перехода сельско-хозяйственных рабочих из одной провинции в другую. Всюду велась ожесточенная борьба за заключение коллективных договоров или за выработку обязательных правил, регулирующих наем труда. Местные лиги и синдикаты предписывали помещикам брать на работу только организованных рабочих. Дружная волна забастовок, прокатившаяся по стране, с одной стороны, показала помещикам и крупным арендаторам, что их самодержавному господству при-

ходит конец, с другой — значительно улучшила материальное и правовое положение малоземельных крестьян и батраков.

Само собой разумеется, что не везде забастовки проводились «со скрещенными руками», что штрейкбрехерство наказывалось, что в тех местностях, где крестьянская беднота и батрачество в течение долгих лет находились под гнетом особенно жестокой эксплоатации, борьба ознаменовалась актами экономического террора и другими видами насилия. Не нужно прибегать к статистике, чтобы понять, что все эти насилия представляют собой лишь отдаленный сколок того, что фашисты проделывают в Италии в течение одного месяца.

Мне пришлось читать произведение одного фашистски-настроенного публициста, который в возвышенно-поэтических выражениях описывает душевные страдания штрейкбрехера-батрака, б о й к о т и р у е м о г о местной социалистической лигой. Можно подумать, что вы перечитываете описание девятого круга Дантова ада... А, между тем, какие другие средства имелись в распоряжении участников лиги, чтобы заставить считаться с ее постановлениями не только самих штрейкбрехеров, но и помещика, опирающегося на них в борьбе с остальными рабочими, разумеется, если не считать террористических методов воздействия?

А, между тем, за необходимость для с.-х. рабочих организованным путем добиваться урегулирования условий найма, и, таким образом, воспрепятствовать обесценению собственного труда, высказывается такой ярко выраженный враг рабочего класса и полуфашист, как Марио Миссироли.

Какую же позицию занял по отношению к этой упорной борьбе полу-свободных крестьян и батраков в деревне, тот доблестный фашизм, который всюду и везде заявляет о своем кровном родстве с лучшими людьми Италии, устами своих вождей заявлявший, что его девизом в области экономических вопросов является формула, провозглашенная патриотом Маццини: «Т р у д и к а п и т а л — в о д н и х р у к а х»?

Фашизм залил кровью деревни и села, поля и дороги Италии, чтобы сорвать и в корне задавить эту борьбу. На пробуждение классового самосознания в деревне он ответил карательными экспедициями, взяв определенно сторону помещиков и жестокими репрессиями поддержав деятельность их «Аграрных Лиг» (т.-е. лиг помещиков), стремящихся вернуть крестьян и батраков в прежнюю кабалу.

Так как борьба эта велась почти во всех земледельческих округах Италии, то перечислить здесь даже наиболее красноречивые факты представляется невозможным. Мы остановимся лишь на главнейших.

Особенно жестокое подавление аграрного движения имело место в Болонье и Ферраре, где впервые фашисты выступили в роли цепных псов землевладельцев. Сражение разыгралось вслед за тем, когда движение городского пролетариата 1920 г. было зада-

влено провокацией и насилием. По утверждению авторитетных лиц, Болонская провинция, в результате войны фашистов с местным крестьянством, понесла убытки, исчисляемые в 500.000.000 лир. В этой провинции было особенно много смешанных по своему составу лиг, в которые входили не только батраки, но и крестьяне. Социалисты и синдикалисты приложили все усилия к тому, чтобы оба элемента единым фронтом выступили против союза помещиков и фашистов. Непосредственным поводом к столкновению послужил отказ помещиков подписать новый коллективный договор. Война велась ожесточенно с обеих сторон. Существует целая литература, посвященная болонским событиям того времени. Разумеется, фашисты уверяют, что на их долю выпала лишь роль «осажденного войска», которому пришлось пробиться из тяжелого социалистического плена. При этом некоторые из них любят ссылаться на «авторитетный» отзыв такого заслуженного ренегата от социализма, как Ф. Туратти, который якобы заявил, что левым не были исчерпаны до начала боевых действий все мирные средства, имевшиеся в их распоряжении. Ниже мы даем описание действий фашистов в этой войне, сделанное их другом, которое мы считаем вполне достаточным для оценки их образа действий и гораздо более убедительным, чем старческий лепет Туратти.

В другой провинции, Ферраре, поводом к войне послужил все тот же вопрос о регулировании найма труда. Но, как и в Болонье, к основному вопросу примешались и остальные больные вопросы: о штрейкбрехерском труде «обязанных», о биржах (камерах) труда, заработной плате и пр., и пр. В результате войны, особенно сильные в Феррарской провинции социалистические и синдикалистские организации были сломлены и почти уничтожены. В Болонье они сумели устоять, но в обоих провинциях черный террор фашистов надолго еще оставил неизгладимые следы...

Любопытную характеристику действий фашистских банд в этой первой массовой войне мы находим в книге М. Миссироли, которого сам Муссолини похвалил за об'ективную критику фашизма. Миссироли хорошо знает эти провинции и их население, терпеть не может социалистов, всюду и везде проповедует свою доморощенную прадедовскую либерально-экономическую школу, взывает к охране «свободы труда», и потому у него нет оснований клеймить фашистов.

Тем не менее, о событиях в Болонской и Феррарской провинциях он говорит:

«Мы не можем придумать никакого извинения или утешения, когда вспомним обо всех актах насилия, заранее обдуманных, совершенных при помощи заготовленного оружия бессердечными буржуа (borghesi senza cuore), которым их непомерное превосходство над бедными в смысле получения образования, их воспитание, обычаи, мораль не помешали не только убивать, но, что еще хуже, избивать и истязать. Самый мрачный пессимизм охватывает нас при мысли, что двухтысячелетняя христианская эра не

изменила первобытной психологии человека в его отношении к другому человеку. Безграничная печаль овладевает нами, когда мы подумаем, что, в окружающей нас грустной обстановке, личные интересы или выгоды класса толкают на братоубийственную войну. Если засады, устраивавшиеся членами лиг, нам внушали отвращение, то карательные экспедиции, возглавляемые юношами-студентами, обучавшимися в наших университетах, читавшими Кардуччи и тысячи раз декламировавшими «Божественную Комедию», могут вселить в наши сердца лишь уныние и беспредельное отчаяние...».

Это лирическое отступление Миссироли, приведенное у нас лишь частично, быть может, еще было уместно «на заре» фашистского движения, когда могли еще существовать какие-либо сомнения насчет природы этого движения. Слабый проблеск романтизма можно было найти разве на лицах тех легионеров, которые, по призыву д'Аннунцио, отправлялись в Фиуме, с целью присоединить ее к Италии. Но теперь, когда «деловая» работа до конца обнажила его сущность, вряд ли какая-либо из сторон станет прислушиваться к причитаниям старого либерала. С тех пор фашизм целиком выявился в фактах, и это—единственный материал для всестороннего суждения о нем.

Откуда происходит легенда об «аграрно-социалистических» устремлениях фашистов? На этот вопрос нам дают ответ все те же нашумевшие феррарские события. Дело в том, что у фашистов, кроме руководителей кровавых экспедиций, имеются еще и ученые лидеры, несмотря на свою прирожденную склонность к демагогии, умеющие смотреть несколько дальше вперед, чем рядовые двадцатилетние погромщики. После разгрома феррарских лиг и синдикатов им стало все же ясно, что если карательными экспедициями можно сорвать забастовку или разогнать местную биржу труда, то этими средствами нельзя все же заставить крестьянина или батрака любить тот труд, который ему ничего не дает. С одной стороны, это соображение, с другой, — игра в популярность побудили фашистских главарей придумать какой-нибудь «modus vivendi», соорудить хоть самую плохонькую аграрную программу. И они стали выдвигать в своей прессе ряд тезисов в борьбе с аграрным движением. Необходимо, — заявили некоторые фашистские теоретики,—чтобы земледелец почувствовал большую близость к обрабатываемой им земле; он должен быть заинтересован в прибыли, которую приносит данный земельный участок. Только заинтересовав крестьянина или батрака в прибыли, которую приносит хозяйство, принадлежашее «его» помещику, можно добиться сближения между обоими классами. Это сближение следует противопоставить классовой борьбе, проповедуемой социалистами, неустанно распространяя всюду, что в России аграрный коммунизм Ленина привел лишь к укреплению мелкой земельной собственности.

К этой аграрной программе был прикреплен громкий ярлык «La terra a chi lavora!» («Земля — трудящемуся!»), и с ним она была пущена в обращение. Этот великолепный ярлык, должно быть, и привел в замешательство многих прекраснодушных критиков фашизма.

Практически осуществление этой программы свелось к тому, что в некоторых провинциях (в частности, Феррарской) фашисты организовали самозванные «Земельные управления фашистов», которые, пользуясь влиянием на субсидирующих их помещиков, принялись за работу. В Феррарской провинции они убедили помещиков уступить небольшое количество земли крестьянам, при чем земля была им передана в форме договора о долгосрочной аренде. Общее количество уступленной земли в Феррарской провинции исчисляется в 12000 гектаров [1]) (по фашистским источникам). Такие же опыты, «в целях пропаганды», были проделаны, в меньших размерах, еще в 2 — 3 местах; но на Флорентинском конгрессе, созванном в том же году, Гаэтано Польверелли (фашистский теоретик по аграрному вопросу) выступил с специальной речью против... излишнего дробления земли.

«С национальной точки зрения, — заявил он, — вредны не только латифундии, но и излишнее дробление земельных участков... Нужно установить предельный минимум для дробления».

Прошло два года. О земельных реформах фашистов перестали говорить. За Болоньей и Феррарой последовала очередь других провинций, испытавших на себе всю прелесть карательных экспедиций, сожженных деревень, разрушенных организаций, убитых или изгнанных вождей. Фашистские организации густой сетью покрыли всю земледельческую Италию и проникли даже в такие провинции, где классовая борьба протекала, до их появления, в мирных формах. О результатах их деятельности можно судить по тому, что в целом ряде провинций их «fasci» начали за последнее время вводить... крепостное право. Терроризированное трудящееся население, отброшенное к средневековью, не протестует, платит налагаемые на него поборы и живет в полном рабстве у местных фашистских ячеек (nuclei).

Чтобы не быть голословными, приведем из фашистских источников опубликованные депутатом Дугони условия, навязанные фашистами в Мантуйской провинции местным крестьянам и регулирующие деятельность деревенских лиг. Здесь следует отметить, что Мантуя принадлежит к тем провинциям, в которых, до появления фашистов, аграрная борьба не носила насильственного характера.

Вот эти условия целиком:

1) Каждое собрание лиги может происходить только в присутствии четырех делегатов местных фашистских организаций, которые будут контролировать ход и содержание дискуссий.

---

[1]) Гектар = 0,915 десят.

2) Все обязаны также вступить в состав местных «fasci», без права подвергать обсуждению их устав или программу. Удостоверения, полученные от всеобщей Конфедерации Труда, должны быть возвращены.

3) Никто не будет допущен к работе, если у него не будет удостоверения от местного «fascio».

4) Камера найма и распределения труда может функционировать лишь при условии, если все служащие ее будут набраны из местных фашистов.

5) Рабочий день устанавливается в 10 часов, из коих 8 оплачиваются, а остальные 2 часа идут в пользу фашистских союзов.

6) Всем земледельцам, не-фашистам, как-то: мелким собственникам, испольщикам, мелким арендаторам и т. д., предписывается пользоваться лишь машинами, принадлежащими фашистским организациям, и нанимать машинистов только из числа состоящих членами тех же организаций.

За неисполнение приведенных нами предписаний виновным угрожали поджогами их жилищ и проч.

Можно ли после этого удивляться тому, что в минуту просветления «велкиий патриот» и вождь так называемого «фиуманского фашизма» Габриель д'Аннунцио сам окрестил фашистское движение в итальянской деревне выразительным именем «schiavismo agrario», т.-е. аграрным рабовладельчеством, имея в виду не только ожесточенную борьбу фашистов против крестьянских лиг, бирж труда, сельско-хозяйственных кооперативных товариществ, но и систему насильственного вовлечения в фашистские «синдикаты» безответных, забитых крестьян, которым, в случае неповиновения, грозят тягчайшими наказаниями.

Прикрывшись громким лозунгом: «Земля—трудящемуся», фашисты, на самом деле, неуклонно проводят в жизнь традиции средневековых рабовладельцев, как их называет сам Аннунцио. Путем разгрома крестьянских лиг и подавления забастовок им удалось добиться в целом ряде провинций существенных выгод для помещиков. Прежде всего, благодаря фашистским организациям, они больше не испытывают на себе гнета забастовок и недостатка рабочих рук. В случае забастовки в какой-либо местности, фашистские squadre (батальоны) силой перегоняют батраков из соседней местности и заставляют их выполнять роль штрейкбрехеров. При этом принципы зубатовской политики проводятся фашистами в жизнь целиком. Они не пропускают ни одного случая, чтобы показать невежественным и терроризованным батракам, что фашисты умеют не только организовывать карательные экспедиции, но и заботиться об улучшении их участи. Так, когда, благодаря полному разгрому революционных организаций в Феррарской провинции, там образовались огромные кадры безработных, которым негде было приложить свой труд, фашистские лидеры заявили, что они сумеют найти для них работу в соседней Болонской провинции. Здесь фа-

шистам не удалось еще разгромить окончательно крестьянских организаций и, перегоняя силой с.-хозяйственных рабочих из Феррары в Болонью, они, естественно, могли надеяться на то, что сила сопротивления болонских организаций будет значительно ослаблена, и внесенный в их среду раздор окончательно сотрет их с лица земли.

В результате таких забот о материальном благосостоянии с.-хозяйственных рабочих фашистам удалось добиться и других выгод для своих хозяев-помещиков. Дело в том, что в северных итальянских провинциях, благодаря организованному институту штрейкбрехерства и насильственного перебрасывания рабочих из одних провинций в другие, заработная плата рабочих летом этого года оказалась ниже довоенной (по данным итал. газет за август с. г.).

Социальный состав фашистского движения дает также красноречивый материал для характеристики классовой подоплеки их деятельности в деревне. Анкета, из которой мы заимствуем наши сведения, произведена самими фашистами на их III конгрессе (в ноябре 1921 г.).

Опрошено было всего 151.644 члена.

Из них оказалось:

Купцов.	13.878
Заводчиков и фабрикантов. .	4.269
Лиц либеральных профессий.	9.981
Частных служащих	14.989
Государственных служащих .	7.208
Учителей.	1.680
Учащихся	19.783
Индустриальных рабочих	23.418
Моряков .	1.506
Помещиков. .	*18.084*
Сел.-хоз. рабочих.	*33.847*
Всего.	151.643

Если мы на минуту постараемся забыть, что сельско-хозяйственные рабочие загоняются в фашистские организации под страхом смертной казни, как это видно из разоблачений Дугони, и примем на веру цифру с.-х. рабочих, указанную в анкете, то и тогда на долю каждого помещика, принимающего участие в фашистском движении, придется всего по 2 рабочих.

Можно не сомневаться, что при таком социальном составе партии, включающей в свои ряды чуть ли не все 100% помещиков и лишь ничтожное число с.-х. рабочих, деятельность fasci может быть на-руку только рабовладельцам.

Но те, чьих сомнений не смогут излечить ни эти цифры, ни приведенные факты, быть может, лучше уяснят себе сущность «аграрного социализма» фашистов из ознакомления с их ежедневной деятельностью, омрачающей многострадальную жизнь итальянского батрака, обращенного в подлинное рабство.

XII.

Черные будни Италии.

Мы посвятили уже достаточно внимания теоретическим и программным трудам фашизма. Чтобы представить себе более наглядно характер этого движения, пора перейти к изучению его ежедневной деятельности. Не будет преувеличением сказать, что, в среднем, ¼ газетных столбцов уделяется итальянской прессой описанию подвигов фашизма. Не одну книгу можно было бы заполнить подобного рода материалом. Но злодейства фашизма за 3½ года его официального существования в Италии, в общем, приняли столь зловеще-однообразный характер, что мы будем считать свой долг выполненным, если приведем здесь мартиролог бедствий, пережитых за последнее время одной или двумя провинциями. Так как фашистам удалось захватить влияние, по крайней мере, в ⅓ итальянских провинций, то читатель сам сможет представить себе полную картину бедствий трудящихся масс Италии, соответствующим образом обобщив приводимые нами сведения.

Перед нами — совершенно необычайная по значительности своего содержания—книга «Fascismo» [1]), выпущенная весной этого года социалистическим издательством «Avanti». Эта книга в 450 страниц, набранных убористым шрифтом, не содержит в себе ровно никаких теоретических рассуждений. Она — в совершенно бесстрастном тоне,—излагает одни только факты насилия фашистов над мирным трудящимся населением Италии и представляет собой результат анкеты, произведенной социалистами для разоблачения перед итальянским парламентом истинной подоплеки этого движения. Но это—бесстрастность такого сорта, которая леденит кровь в ваших жилах. Перед вами сухая летопись систематического убийства цвета итальянских трудящихся масс.

Первое издание анкеты было очень скромных размеров. Оно представляло собою брошюру, специально-выпущенную по случаю открытия парламентской сессии в мае 1921 года и роздано, в небольшом числе экземпляров, только депутатам Палаты.

---

[1]) „Fascismo". Inchiesta socialista sulle gesta dei fascisti in Italia. Milano, 1922.

Второе—разрослось в большую книгу и пущено в общую продажу. Как видно из предисловия ко второму изданию, оно уже печаталось, когда было об'явлено пресловутое перемирие между фашистами и социалистами. Оставаясь верными обязательству, данному их вождями, социалисты приостановили печатание книги. Как и следовало ожидать, фашисты нарушили перемирие. Тогда нужные документы были вновь извлечены из архивов,—и социалисты возобновили «печатание списка преступлений и зверств, которые оказались дозволенными в Италии». Издатели предупреждают, что в книге помещена только н е з н а ч и т е л ь н а я ч а с т ь насилий, совершенных фашистами. С хронологической стороны,—описание их доведено лишь до момента перемирия. С тех пор много новых кровавых страниц вписано фашистами в историю Италии. Приводимые нами снимки и факсимиле документов,—лишь наиболее типичное из всего, что иллюстрируется названной анкетой. Фашизм, распространяющийся по стране, точно чума, со времени перемирия успел захватить, т.-е. залить кровью много новых провинций (Модена, Умбрия, значительная часть Тосканы, Лацио, Мантуя и т. д.), но описание этих бедствий не поспело к моменту выпуска анкеты в свет. Исчерпать в одной книге общее количество зверств, совершенных фашистами,—задача явно безнадежная. Вместе с редакцией «Avanti» мы не ставим своей целью «подавить» числом; мы хотим дать лишь описание мрачных итальянских будней.

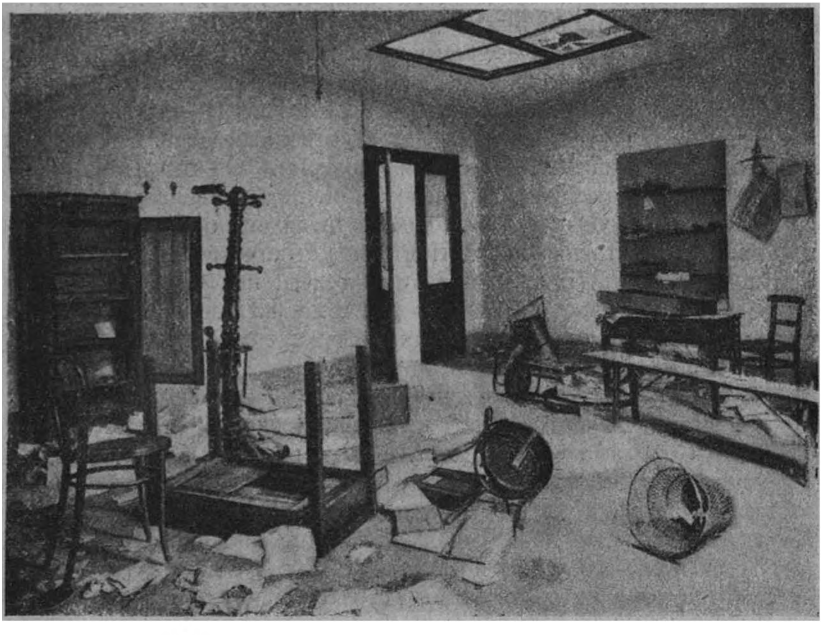
Ознакомившись внимательно с огромным материалом, предлагаемым названной анкетой, мы нашли, что для русского читателя наибольший интерес представит описание трагических и крайне-типичных событий, выпавших на долю одного только П о л е з и н с к о г о округа (Венецианской провинции). Правдивость изложенных ниже фактов вынужден был признать товарищ министра внутренних дел Италии,—после убийственной и, вместе с тем, эпически-простой и об'ективной по изложению речи, произнесенной в Палате депутатом Маттеоти.

Из речи деп. Маттеоти [1]): «Местность, которую я имею честь представлять, сыздавна отличалась мирными нравами. Правда, в течение целых месяцев и даже лет мы были свидетелями интенсивной аграрной и экономической борьбы. Но слухи о ней не расходились далеко, ибо она никогда не сопровождалась актами насилия. Против возможных эксцессов мы всегда вели борьбу усиленной пропагандой,—и даже сами наши противники признавали воспитательное значение нашей работы. Вот почему,—никакого оправдания нельзя найти тем актам насилия, в арену которых превратилась эта местность сейчас. В какую же форму выливаются эти акты? Сам государственный секретарь признал, что эта форма—ужасна. Вряд ли где-нибудь события могли вылиться в худшую форму, чем эта.

---

[1]) Правый социалист-оборонец.

Турин. Секция федерации металлистов, разгромленная фашистами.



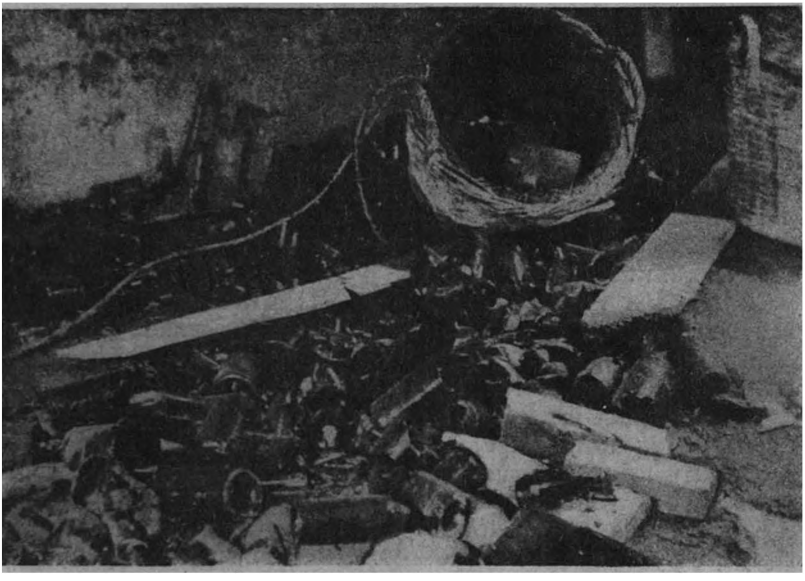
Турин. Местная секция Комсомола.

...Среди глубокой ночи, когда честные люди покоятся мирным сном, телеги, переполненные фашистами, наводняют местечки или жалкие деревеньки, насчитывающие по нескольку сот обитателей; прибывают они, разумеется, в сопровождении главарей местной «Лиги аграриев», ибо, без указаний последних, фашисты никогда не могли бы отыскать среди кромешной тьмы жилище местного лидера или невзрачное помещение биржи труда. Вот они приближаются к лачуге. Раздается приказ: «Окружить дом!» Их—двадцать, а, может быть, и сто человек, вооруженных револьверами и винтовками. Громко называют имя главаря местной лиги,—и ему приказывают выйти. В случае, если он отказывается, ему заявляют: «Если ты не выйдешь, мы уничтожим твой дом, жену и детей». Он выходит. Как только он показывается в дверях, его избивают, связывают, бросают на телегу и здесь уже подвергают его утонченным истязаниям,—иногда убивают его, а иногда выбрасывают среди поля или привязывают к дереву в обнаженном виде. Если председатель крестьянской лиги—неустрашимый человек и не открывает двери, прибегая к вооруженному сопротивлению, его участь заранее решена; он будет убит немедленно. Убийство произойдет во мраке ночи, целая сотня нападет на одного несчатного и быстро расправится с ним. Таковы нравы в Полезине.

В Саларе (все нижеприведенные факты засвидетельствованы официальными протоколами властей), ночью, несчастный рабочий услышал стук в двери. «Кто там?»—спрашивает он. Ему отвечают: «Друзья!» Он открывает дверь и видит перед собой целую банду вооруженных людей. Он пытается закрыть дверь, но поздно; кто-то ставит свою ногу между дверью и косяком. Сквозь образующееся пространство в несчастного всаживают 20 ружейных и револьверных пуль,—и он падает бездыханным трупом.

В Петторацца, однажды ночью (всегда—среди ночного мрака!) председатель лиги слышит стук в свою дверь. Ему говорят, что прибыли власти. Несчастный поверил. Он открывает дверь. Тогда его схватывают, связывают и нещадно избивают палками, затем, днем волочат его за собой чуть ли не по всей Падуанской провинции, выставляя несчастного на устрашение всем. Когда забава надоедает, его выбрасывают с телеги на мостовую. Вернувшись домой, несчастный заявляет жалобу на насильников. Бригадир местных карабинеров выслушивает жалобу и приказывает арестовать его!

В Пинкару, глухую деревушку, среди ночи прибывает телега,—и останавливается перед невзрачной лачугой, в которой помещается биржа труда. В лачуге нет никого, но, чтобы лучше убедиться в этом, фашисты из пулемета обстреливают сначала эту жалкую лачугу, а затем обливают ее бензином и сжигают. Отсюда,—все в ту же ночь,—отправляются к синдику. Его не застают дома. Жена его лежит в больнице, а крохотная дочурка заявляет: «Отца дома нет». Ей не верят; его начинают искать по всем закоулкам, но нигде не находят. Фашистам все же нужна жертва.



Цеме Ломеллина. — Все, что фашисты оставили от местного кооператива (апр.—май 1921 г.).

Турин. Амбулатория местного Кооперативного Союза (26 апр. 1921 г.)

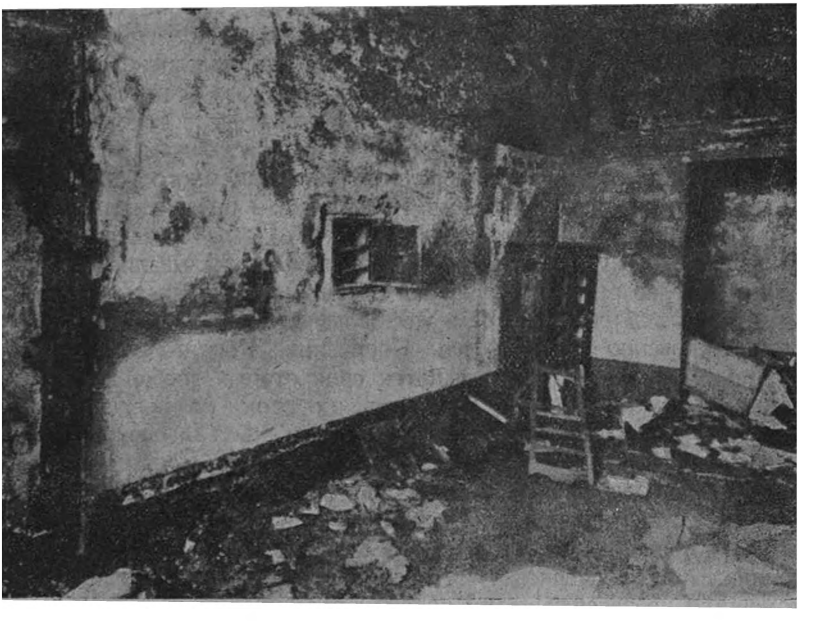
Тогда они отправляются в другой конец деревни, где живет председатель лиги. Дом окружают 200 выстрелов, направленных в лачугу, заставляют хозяина выйти. Он пытается грудью защитить вход в свое жилище. Раздается полсотни выстрелов, буравящих дверь, а когда входят в дом, находят его изрешетенный пулями труп у самого порога. Жена его упала на труп и крепко прижимает его к себе. Тогда они принимаются истязать малолетнего сынишку убитого за то, что он своим криком на всю улицу сейчас же разгласил убийство своего отца. И до сих пор у несчастного, осиротевшего мальчика еще не зажили на руках следы перенесенных им истязаний.

В Адрии несколько дней тому назад произошло столкновение между одним фашистом и рабочим-носильщиком, в результате которого носильщик был убит. Кажется, это могло бы удовлетворить его, но не так думали его товарищи. Ночью прибывает в деревню целый караван телег,—и зловещий кортеж направляется сначала к дому секретаря местной социалистической секции. Его схватывают, связывают, относят на берег Адижа, где сначала грозят утопить его в реке. Затем,—уже на территории Падуанской провинции, раздев несчастного, привязывают его к телеграфному столбу в поле и там бросают. Замечательно, что орган местных помещиков «Коррьере дель Полезине» превозносит до небес эту подлую и постыдную проделку. В ту же ночь, когда карабинеры покоились сном (им было заранее сообщено о прибытии фашистов, а в таких случаях они всегда спят), вооруженная банда подходит к председателю местного окружного совета; стучит в дверь и, на вопрос: кто стучит,—отвечает, что—представители власти. В несчастных полезинских деревушках знают, что ночью такой ответ всегда равносилен смертной казни. Поэтому председатель не открывает своей двери. Фашисты пытаются силой взломать дверь, но им это не удается. Тогда они ухитряются проникнуть в дом через чердак. Несчастный хочет защищаться при помощи револьвера, но жена и мать отговаривают его, умоляя спастись бегством. Когда он, почти совершенно раздетый, бежит по улице, ему вдогонку свищут пули. Он спасается в казармы карабинеров, но они отказываются помочь ему в беде и направиться, вместе с ним, к дому. Еще бы: карабинеры меньше всего занимаются изловлением тех, кто по ночам поджигает чужие жилища. Тем временем, дикая орда проникает в дом, издевается над женой и матерью убежавшего, угрожая им револьвером и требуя назвать место, куда он мог бы спрятаться.

«И так, изо дня в день повторяются все те же события. Никто и никогда не находит виновных. Агенты сыскной полиции, живущие на той же улице, где происходит нападение, просыпаются не раньше, чем уедут фашисты».

Тактика местной Камеры Труда. — Далее, Маттеоти подробно излагает тактику местных социалистов, сводящуюся к тому, чтобы избегать всяких столкновений с фашистами. Когда же фашисты

Болонья. Правление Конфедеральной Биржи Труда.—24 янв. 1921 г. (Стена пробита в том месте, где стоял несгораемый шкаф).



Болонья. Местный синдикат каменщиков. (Обрат. внимание на взломанную несгораемую кассу.)—24 янв. 1921 г.

стали провоцировать эти столкновения, Камера Труда поспешила издать следующее постановление:

«Оставайтесь дома. Не отвечайте на провокацию. Иногда молчание и трусость бывают признаками героизма». Таков приказ самой передовой из местных организаций, но, несмотря на него, местный Народный дом уничтожается. В таких случаях нельзя уже говорить о политической борьбе между двумя сторонами. Здесь речь идет об обыкновенном разбойном нападении. Тут нет политики, налицо — варварство, средневековые нравы. Должны ли и мы прибегнуть к подобным средствам?—восклицает деп. Маттеоти: — Разрешаете ли вы нам встать на этот же путь? Но, в таком случае, соблюдайте, по крайней мере, нейтралитет, вы, члены правительства! Дайте нам сражаться с достоинством, на равных началах. Мы сумеем всегда поставить на место разбойников. До сих же пор ваше вмешательство всегда означало заступничество за разбойников».

Говоря об округе Ровиго, оратор напоминает, что, когда вся область Эмилии была охвачена ярким пламенем обостренной экономической борьбы, когда в Венеции, в Падуе имели место акты экономического террора, имевшие целью заставить помещиков подписать новый договор, в округе Ровиго все было спокойно. Социалисты сделали все зависящее, чтобы удержать крестьян и батраков от насилий,—и в ответ получили акты самого безудержного, беззастенчивого насилия со стороны фашистов.

«Мы признаем, что и с нашей стороны (сказал Маттеоти) были совершены ошибки. Но обижаться на наших крестьян нельзя. Они только что вернулись с войны,—и еще не свыклись с мирными нравами. Мы приложили все усилия к тому, чтобы перевоспитать их. В Полезине патриотизм никогда не подвергался оскорблениям. Наши крестьяне выполнили свой долг и не нуждались в декрете об амнистии. Крестьяне были на фронте, потеряли много убитых; некоторые из них вернулись домой ранеными и изувеченными. Если кто уклонялся от участия в войне, так это были помещики. Они никогда не были патриотами,—и открыто высказывались против войны в более резких выражениях, чем мы, социалисты».

Аграрная борьба. — «Чем же об'ясняется все это? Об этом нам откровенно поведал деп. Коррадини. Корень событий — в аграрной борьбе. 28 февраля истек срок старых договоров. Наши организации предложили продлить их срок до возобновления переговоров, но аграрии отказались. Они хотели немедленно разорвать договор, потому что поставили своей целью уничтожение пролетарских организаций. И они публично заявляли, что, для осуществления этой цели, не остановятся даже перед тем, чтобы оставить свои поля невозделанными. Сам деп. Коррадини признал, что, добиваясь уничтожения пролетарских организаций, помещики не засеяли своих полей и рассчитали многих рабочих. Статс-секретарь недавно высказал глубокое сожаление по поводу

таких действий. Итак, все разбойные нападения имели место не в результате борьбы за уровень заработной платы, а из-за принципиального желания помещиков избавиться от пролетарских организаций. Всем очевидно, что именно они возглавляют борьбу. Кто руководит бандами в Лендинаре? Помещики. Кому принадлежат телеги, которыми пользуются фашисты для карательных экспедиций? Помещикам. Ни одна из этих телег, уважаемый Корадини, не была задержана полицейской властью. А между тем эти телеги, наполненные вооруженными людьми, разгуливают по всей стране. Они принадлежат помещикам, купцам, промышленникам, а иногда и комиссиям по реквизиции зерна. Организации аграриев открыто превратились в преступные шайки. В день, когда был издан приказ о сдаче оружия, нагруженные им фургоны прибыли в Феррарскую провинцию и спрятаны помещиками. Когда в Лендинаре лейтенант, состоявший во главе реквизиционного отряда, был уличен в совершении ряда убийств на площади, он был передан в распоряжение военных властей в Ровиго, а через 3 дня выпущен на свободу.

В Лорео фашисты на улице избивают рабочего и при обыске находят у него револьвер, который и отнимают. Они отправляются с доносом к карабинерам, которые арестуют не их, а избитого рабочего.

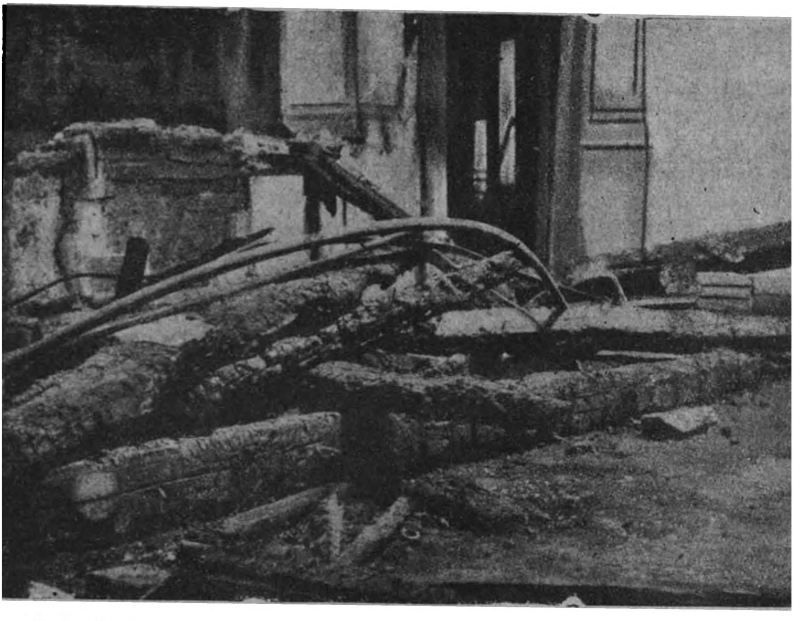
Покровительство властей. — Деп. Маттеоти, перечислив еще ряд фактов насилия со стороны фашистов, обращается к Палате со след. заявлением:

«Речь идет не об отдельных фактах, а о целой системе, разрешающей существование открытой организации преступников, хвастающей своими подвигами в прессе и на собраниях, охраняемой вашими властями; организацией, во всеуслышание выносящей смертные приговоры тем или иным лицам, открыто и безнаказанно организующей свои карательные экспедиции. Если случается, что хоть один противник будет избит крестьянами, немедленно арестовываются председатель местной лиги, синдик, ассесоры, все наши товарищи из коммунального управления,—независимо от того, имеются ли против них хоть малейшие улики. Но никогда ничего подобного не происходит с противной стороной. Оттуда доносится лишь открытое восхваление убийств и поджогов. Вот почему печать умалчивает о последних событиях в Ровиго. Но что же нам остается делать в таком положении? В течение долгих месяцев мы проповедывали на собраниях, что нужно всячески избегать провокации, что даже трусость является долгом и актом героизма. Но все эти наши проповеди, господа, не привели ни к чему хорошему. Мы не можем больше внушать своим, что, ради дисциплины, они должны обрекать себя на смерть, мы не можем убеждать их, чтобы они давали убивать себя по-одиночке,—из любви к дисциплине. На наших собраниях начинают раздаваться другие слова. Вы, члены правительства, либо молчите, либо выполняете роль сообщников. Мы больше уже не жалуемся

вам и ничего от вас не требуем. Вы теперь осведомлены обо всем. Палата предупреждена; это—все, что я хотел вам сказать».

События в Ровиго. — Оратор затрудняется перечислить все акты насилия, совершенные здесь фашистами. Он может только уверить, что не было ни одной маленькой общины, где эти господа не произвели бы своих зверств, «с которыми не может сравниться средневековое варварство или злейший колониальный режим, установленный для туземцев». В Кастельульельмо, где депутат находился по своим делам, его окружили 12 вооруженных людей и жестоко избили за то, что он не согласился отказаться от своих убеждений и высказанных им мыслей; в Андрии, в 3 часа ночи, выволокли на улицу тов. Камилли, виновного лишь в том, что он честно выполнял обязанности секретаря общинного управления и местной социалистической секции; избив его беременную жену, напугав детишек, его взвалили на телегу, отвезли в помещение Падуанского «фашио», там продержали двое суток под арестом и затем выбросили в поле. В Контарине масса домов подверглась обыску; неугодных фашистам лиц выволакивали в обнаженном виде на улицу, затем, увозили в лес или в поле, где привязывали к деревьям и оставляли на произвол судьбы. Таким же путем, переходя из местечка в местечко, из села в село, фашисты разорили и терроризировали все 60 маленьких общин в Полезине. В течение 2—3 недель все деревни и села подверглись вооруженному нападению шаек, насчитывавших по несколько сот человек. Были подвергнуты нещадному избиению все те, на которых члены помещичьей лиги указали, как на социалистов. Фашисты проникали в помещения различных учреждений, уничтожали их, унося оттуда все вещи. Они входили в дом каждого, кто принадлежал к местному коммунальному управлению, «лиге сопротивления» или даже кооперативу. Чтобы терроризировать население, они предварительно обстреливали каждую улицу или площадь из пулеметов и ружей. Врываясь в масках в чужие жилища, они осыпали неимоверными оскорблениями женщин и детей, позволяя себе при этом неописуемые вещи,—угрозой и силой выпытывая у них всякие показания, — если только несчастным не удавалось в одном белье убежать в поле или соседний лес.

В этой местности прекращены всякие собрания. Народные дома и Камеры труда стоят заколоченными. Никто не рискует больше жить там или даже посещать их. Никто не решается созвать регулярное заседание коммунального управления, ибо даже оно служит поводом к тому, чтобы вооруженные люди ворвались в помещение и избили их тут же или когда они будут расходиться по домам. Так именно и случилось в Рамодипало, где очередное собрание муниципального совета было оцеплено вооруженной бандой фашистов. Всех членов муниципалитета вывели на улицу и заставили поочередно пройти мимо двойной цепи фашистов, нещадно избивавших их палками.



Сиена. Народный Дом, аттакованный полицией и подожженный фашистами 4 марта 1921 г.

Сиена. Театр при Народном Доме. — 4 марта 1921 г.

В одной общине близ Марины фашисты перевязали на собрании всех ассесоров, положили их на телеги и отвезли за 200 километров от их жилища, где их и выбросили! И, после всего происшедшего, я, на тайном собрании наших крестьянских и коммунальных работников, еще раз обратился к ним с речью, в которой просил не оказывать нему избивать, во имя высоких гражданских идеалов! Но и этот трусливый мой совет никому не мог пригодиться. Поводом для избиения служат похороны, каждое незначительное событие, ваш галстух, носовой платок, малейший жест, и, наконец, просто ненасытимая жажда фашистов к устройству погромов и карательных экспедиций. Все власти, начиная от префектов и кончая министрами, от карабинеров и до королевских прокуроров, безучастно наблюдают все происходящее. Префект жалуется обычно на свое бессилие. Все зверства остаются безнаказанными. И закон дает о себе знать только тогда, когда бедный крстьянин, изнемогающий под игом инквизиции, осмелится поднять голову!»

Покончив с деревенскими общинами, фашисты, по словам Маттеоти, принимаются за местечки, за мелкие центры, в которых экономическая борьба слабее, зато бьет пульс духовной жизни, существуют различные мелкие разветвления социалистической партии. И опять следует перечисление бесконечных актов насилия. В некоторых местах образуются боевые группки, руководимые помещиками и их сынками-студентами. За деньги они нанимают себе сообщников из числа местных преступников. И, с их помощью, ежедневно избивают население на улицах, по ночам врываясь в дома. В Гранджетте (в 2 километ. от Ровиго) была маленькая фракция социалистической партии. Фашисты, вместе с нанятыми ими уголовными преступниками, врываются в помещение фракции, уничтожают мебель, уносят оттуда все, что им вздумалось,—в заключение, устраивают облаву на председателя местной лиги. Несчастный спасается к матери, которая впускает его через окно. Насильники врываются в дом и, на глазах обезумевшей от горя матери, сначала избивают его палками, затем приканчивают из револьвера. Дочь председателя умирает от страха. Что ж, тем лучше: двойная победа! В Боттрйге, Порто Талле—атака на мирное население производится об'единенными силами фашистов и местных карабинеров. Та же охота на людей, те же насилия. В Бергантино шайка фашистов, помощью бомб и ружейных выстрелов, захватывает сначала главную площадь, затем, бросается врассыпную. Нападая на крестьянские дома, они уничтожают лошадей, быков и ослов. Дело доходит до уничтожения памятников на местном кладбище. Некоторые из жителей были предупреждены о нападении и попытались спастись бегством. Напрасно! За ними охотятся, ловят на дороге, избивают, а некоторых убивают.

«Хуже всех этих эпизодов,—говорит Маттеоти,—ежедневная жизнь, превратившаяся в сплошной кошмар для местного населе-

ния. Местные преступники превращаются в истинных господ положения, в деспотов. Социалисты, т.-е. крестьяне и ремесленники, составляющие $^{8}/_{10}$ населения, — превращены в рабов. Против них дозволено все, что только может придумать воображение; особено это верно в отношении прибрежной полосы р. По. Группка местных деспотов может приказать вам в определенном часу возвращаться

Турин. Народная пивная после налета фашистов (26 апр. 1921 г.).

домой или покидать свое предприятие, заставить вас хоть 10 раз в день являться в помещение местного «фашио», водить вас по улице напоказ, обмотав вашу шею веревкой и измазав краской ваше лицо, запретить вам встречаться или разговаривать с той или иной личностью. Красные значки и эмблемы преследуются с величайшей жестокостью. Иногда за вывешивание красного знамени люди подвергаются мучительным пыткам. Невозможно перечислить все виды репрессий, применяемых к рабам: лишение работы, муки

голода, избиение палками, а иногда и убийство в присутствии жен и детей. Людей истязают в обнаженном виде, а когда вздумается, выбрасывают в р. По. Жизнь превратилась в сплошную пытку. Сотнями убегают люди из родных мест, покидая свои семьи: кто спасается от смерти, кто, в поисках работы, отправляется в Милан, Венецию или на Пиаве. Многие уезжают в Америку,—с проклятиями на устах...»

«В Ариано оставался, никуда не уезжая, честный и добрый рабочий, истинный товарищ наш—Э. Фонсатти, больной, с поврежденными легкими. Разрушение местной организации сильно подействовало на него. Он находился все время в угнетенном состоянии. Однажды, ночью, дикие звери напали на деревню. Обычной угрозой поджога они заставили его выйти из дому. Наш друг знал, что он идет на верную смерть, ибо вблизи его не было даже сыновей, которые могли бы защитить его. Фашисты забили его насмерть палками,—и, когда он уже лежал мертвым, пустили в его труп несколько пуль. Случилось так, что местный врач Севези официально засвидетельствовал этот случай. За это он был также избит палками до крови. А друга Фонсатти—рабочего Челегини—схватила другая группа фашистов, избила его палками и бросила в По.

«Не перечислить всех убитых, — при чем, убивались лучшие из нас!

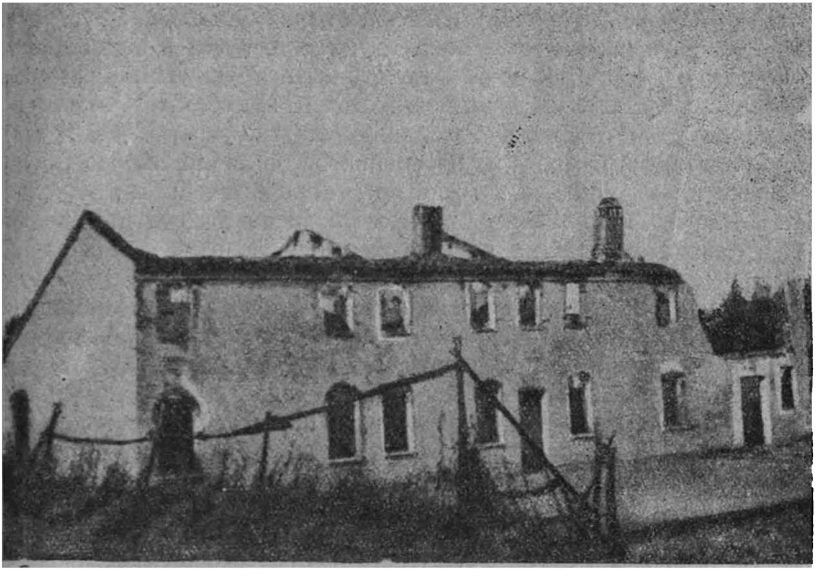
«Число избитых и раненых в нашей местности определяется в 4—5 тысяч.

«Разрушенных и сожженных домов—свыше 300.

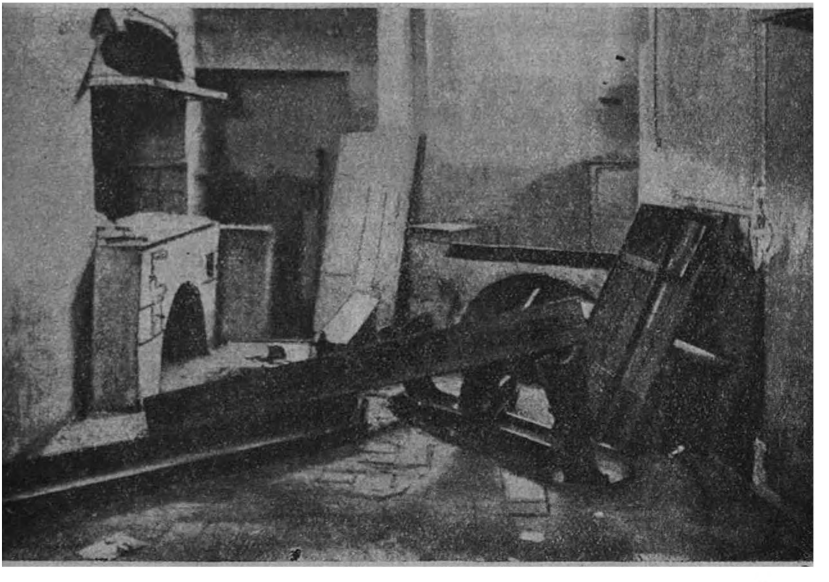
«Обыскам и нападениям подверглось свыше тысячи семейств.

«Много женщин было избито до крови палками в своих же домах. Так поступили, например, с синьорой Элетти только за то, что, в ответ на угрозы нападавших, она воскликнула: «Да здравствует социализм!»

Свобода выборов. — Далее, Маттеоти рассказывает об обстановке, в которой—в демократической Италии—происходят выборы: «Вся наша печать была подвергнута секвестру. Типографиям было запрещено печатать наш еженедельник. Почтовым отделениям было запрещено пересылать газету «Аванти», разносчикам—распространять ее. Нечего говорить о полном воспрещении собраний или выпуска воззваний. Каким бы путем мы ни пересылали пакеты с нашими избирательными бюллетенями—по железной дороге, почтой, с мотоциклистами или с обыкновенными рассыльными,—их всюду и везде перехватывали и уничтожали. Всюду задерживали и самих разносчиков. Двух юношей, Менато и Цановелло, которые пытались пронести в Полезине чемодан с воззваниями и бюллетенями, фашисты задержали, взвалили на телегу и отправили в свое управление, где продержали их в темном и маленьком карцере, на соломе, в течение нескольких дней подвергая их всевозможным истязаниям. Желая отыскать эти бюллетени, с обысками



Арселла (Палезини).—Дом братьев Ферлин, разрушенный в мае 1921 г., после сопротивления, оказанного фашистам.



Перуджия. — Камера Труда (комната для собраний, — прежняя кухня). 24 марта 1921 г.

обошли все квартиры социалистов. Были, во время этих обысков, подвергнуты жесточайшему избиению палками Беллини, Руццанте, Финтелло, увечный солдат Бонафин из Лендинары и бесчисленное множество других. Две ночи кряду фашисты терроризировали население, бросая бомбы и производя тысячи выстрелов. Специально изданным декретом местного «фашио» многие десятки наших лучших товарищей изгнаны из провинции на все время выборов. Были пущены в ход угрозы и насилия по отношению к нашим кандидатам. Выставленный нашим списком кандидат Беллуко был задержан фашистами. Другим кандидатам, как Ленотти или Франки, были нанесены побои и, кроме того, запрещено являться на выборы. Нечего говорить об избирателях. Увечный солдат Джермани, после троекратной попытки проникнуть из Падуи в Полезине, был задержан фашистами и до полусмерти избит палками.

В Ареллe пробрались ночью трое наших товарищей и явились к братьям Ферлин, чтобы получить от них избирательные бюллетени. Об этом проведали местные аграрии и, окружив дом Ферлин, хотели силой ворваться в него. Один из братьев воспротивился этому. Он был убит на пороге своего дома. Другой брат продолжал оказывать геройское сопротивление, имея в руках только нож, которым он ранил двух из нападавших. На следующий день прибыли телеги с подкреплениями «для репрессии». Дом был уничтожен, скот вырезан, все службы и пристройки снесены с лица земли (развалины дома бр. Ферлин изображены на нашем рисунке).

«Но есть ли надежда на то, что насилия прекратятся, по крайней мере, с окончанием выборов? Никакой. Фашисты заявили: если в нашей местности избранных социалистов окажется больше положенного ими числа, виновные в этом будут наказаны, и дома их преданы огню. И в Полезине, Борзее и др. местах уже насчитываются сотни избитых, замученных и выгнанных из своих домов, потому что в этих селениях было подано слишком много голосов за социалистов»...

Маттеоти закончил свой доклад следующими словами:

«Проходят дни, а рабство в Полезине остается в полной своей неприкосновенности. Ежедневно тот или иной злодей преподносит нам уроки преступности и извращения. И еще только вчера подростка Поццати привязали за руки и ноги к дереву и жестоко избили палками. Власть,—в лице правительства и суда,—присутствует при этом зрелище не в качестве наблюдателя, а сообщника. И даже правая печать никогда ничего не говорит о Полезине,—ибо, при всем своем желании, не может констатировать и тени провокации со стороны местных социалистов и коммунистов».

Трудно прибавить, разумеется, что-нибудь к этому докладу умеренного и патриотически-настроенного социалиста, рисующего яркими красками жизнь трудящихся масс в одном только уголке счастливой демократической Италии. Можно дополнить его лишь несколькими штрихами, несколькими итоговыми цифрами на тот

FASCI ITALIANI DI COMBATTIMENTO
SEZIONE DI PRATICELLO

Egregi Amministratori del
Comune di Gattatico

La Direzione del Fascio
di Com.to della Provincia ci fida l'in-
carico invitarsi a prendere le di-
missioni entro il termine di qua-
rantotto ore da oggi a mezzogiorno

li 12 5 21

Il Direttorio

Перевод.

ИТАЛЬЯНСКИЕ БОЕВЫЕ СОЮЗЫ.

Секция Пратичелло.

Почтенному управлению общины С. Готтелико.

Дирекция местного боевого союза поручила нам предложить Вам подать в отставку в течение 48 часов, считая их с 12 ч. сего дня.

12 мая 21.

Дирекция.

(М. П.)

случай, если скептикам покажется, что мы выбрали исключительную местность, в которой фашистам совершенно случайно удалось проявить столь энергичную деятельность.

Вот другая местность — Оккиобелло. Сухой отчет гласит о том, насколько здесь существование трудящихся масс отличается от жизни их земляков в Полезине:

«После 1 мая террор, царивший и раньше в нашей местности, продолжает свирепствовать все с большей силой. Не проходит и одного дня, чтобы кого-либо не избили жестоко палками. Политические выборы проходили в порядке, установленном фашистами. Особые патрули на улицах следили за тем, чтобы никто не посмел явиться к нам за избирательными бюллетенями. Наши подростки пытались обойти их бдительность, но были жестоко избиты. Таким путем фашисты принудили всех голосовать за блок. Нам было запрещено все: пропаганда, собрания, вывешивание воззваний, об'явление списка и всякая свобода слова».

В анкете, изданной «Аванти», приводится подробный дневник трагических событий, выпавших на долю несчастных жителей Феррарской провинции,—в период той борьбы с аграриями и фашистами, о которой говорилось в предыдущей главе. Приводим из этого дневника небольшой отрывок, относящийся лишь к одной из местностей, обращенных в рабство бандами Муссолини:

«Портомаджиоре, 28 — 29 марта. — То, что произошло здесь, после убийства фашистского лейтенанта Рино Моретти, превосходит все, что только может представить снбе человеческое воображение. В ночь с 28 на 29 марта, из разных концов провинции, с'ехалось от 3 до 4 тысяч фашистов, вооруженных бомбами, ружьями, револьверами и воспламеняющими жидкостями. Эти банды предали огню и мечу все, что показалось им имеющим хотя бы самое отдаленное отношение к социализму. В течение двух дней — воскресенья и понедельника — не прекращалась ружейная пальба, изредка прерываемая единичными выстрелами какого-нибудь члена лиги, вынужденного к отчаянному, но бесполезному сопротивлению. Небольшая группа рабочих сделала отчаянную попытку помешать фашистам или, по крайней мере, замедлить темп их «работы». Но фашисты, явно поддерживаемые представителями власти, — в особенности, полицией и карабинерами, решили ни перед чем не останавливаться,—тем более, что численное превосходство давало им все карты в руки. Они напали на Камеры Труда в Портомаджиоре, Рено ди Порторотто, Седжеро, на дом учителя Больди и многих других социалистов и коммунистов,— всюду поджигая и разрушая здания и движимое имущество, книги, списки, знамена и пр. Избили председателей нескольких лиг, некоторых ранили, одного убили. В течение этих 2½ суток, когда город представлял собой картину настоящего ада, многие жители спаслись бегством в близлежащие деревни. От всех социалистических организаций и учреждений не осталось здесь ни малейшего следа. Мы (речь идет о

соседней организации) не смели двинуться им на помощь. Фашисты пригрозили нам—если бы мы решились на это—не только смертью, но и тем, что они продлят действие карательной экспедиции в Портомаджиоре.

В Вольеру, в ночь на 30 марта, прибыл карательный отряд в 10 телег, наполненных вооруженными фашистами, и осадил местечко. Для устрашения населения было сначала брошено несколько бомб и произведены сотни выстрелов. Затем, фашисты сожгли великолепное здание театра, принадлежавшего рабочим организациям; уничтожили здание местного кооператива и принадлежавшие ему склады вина и масла. Только куча пепла осталась от имущества, принадлежавшего рабочим и оценивавшегося в 200 тысяч лир. На рассвете, фашисты, как всегда, безнаказанно раз'ехались по домам».

Вынужденные отставки. — Излюбленная форма фашистского террора по отношению к социалистам, прошедшим по выборам в коммунальные управления,—вынужденная отставка. Власти, кичащиеся законностью, молчаливо санкционируют такое положение вещей. Отставки добиваются фашисты всеми доступными мерами: не только избиением, но и арестами неугодных им членов комумнального управления,—советников, ассесоров и т. д. Всеми этими средствами их доводят до того, что они вынуждены бывают подать в отставку. Кто же решится оставаться на посту, получив предписание местного «фашио» с угрозой сжечь его дом, уничтожить его вместе с семье?

Таким образом—констатируют издатели анкеты—случилось то, что вся страна очутилась во власти наемных убийц.

После того, как Феррарская местная администрация была вынуждена подать в отставку, за ней поочередно последовали, вынужденные к тому угрозами фашистов, коммунальные управления в следующих местностях: Массафискалия, Мильярино, Кодигоро, Остеллато, Мезола, Ро-Феррарезе, Коппаро, Портомаджиоре, Форминьяна, Арджеита. Бондено. Во всей провинции осталось еще 3—4 управления, находящихся в руках социалистов, но, вследствие фашистского террора, и они лишены всякой возможности функционировать...

Для характеристики исключительно наглого тона и образа действий фашистов считаем нужным, помимо публикуемых нами факсимиле их предписаний, привести здесь еще текст документа, полученного 26 апреля 1921 г. социалистическим коммунальным управлением в Буссето:

Итальянские Боевые Союзы.
Секция Буссето.

«Уважаемый синьор синдик!

Вследствие вмешательства префектуры и по настойчивым просьбам властей, мы согласились продлить на 48 часов срок отставки нынешнего коммунального управления, надеясь, что больше никаких проволочек не будет. Теперь нам стало известно, что Вами,

уважаемый господин синдик, не принято еще никаких мер для проведения в жизнь решения, которое мы признали необходимым. Мы вынуждены поставить Вам на вид, что никакие обходные пути в сношениях с фашистами никуда не годятся,—и что никакие бюрократические уловки не смогут ни помешать, ни даже задержать на время осуществления намеченной нами программы оздоровления. Мы относимся с большим почтением к закону, но в то же время в своих стремлениях к справедливым целям, мы не останавливаемся перед нарушением его, если он не действует достаточно быстро и успешно.

Не позже полудня 28 с. мц. воля страны должна быть Вами выполнена.

Мы будем огорчены, если нам придется прибегнуть к фашистским мерам воздействия.

С почтением

Политический секретарь секции:

Айми Альчиде».

Приводим еще один, не менее характерный, документ: это — прощальное воззвание, оставленное социалистическим коммунальным управлением Барлетты местному населению,—после вынужденного выхода в отставку:

«Граждане!

Мы обращаемся к Вам с большей тоской в сердце.

В Барлетте, прославившемся своей верностью высоким заветам гражданственности, господствует террор.

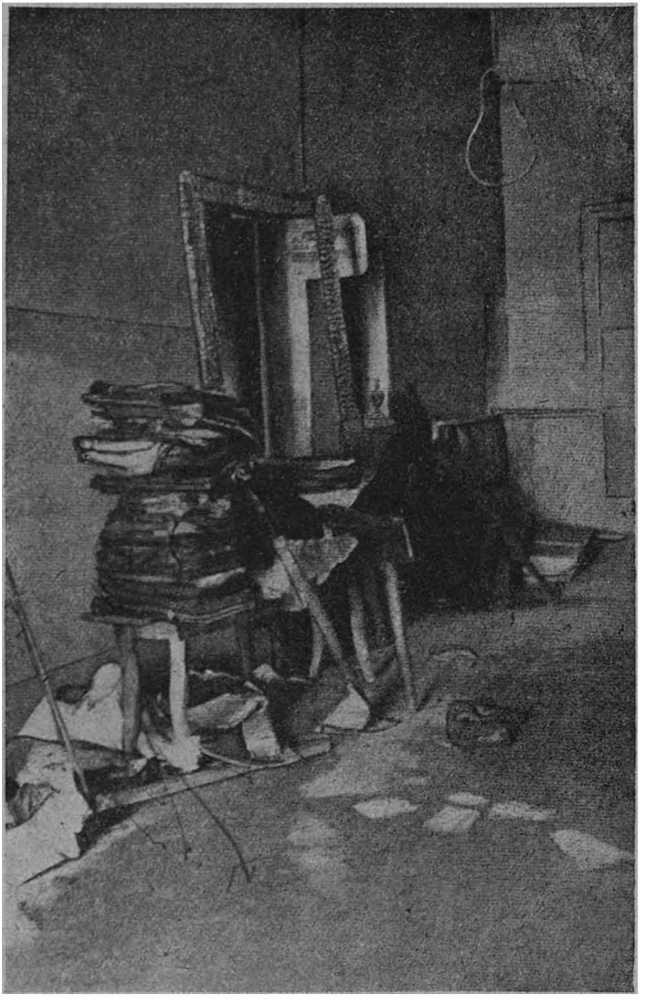
В надежде, что мир вскоре вновь вернется к Вашим семьям, мы постановили покинуть коммунальное управление и — в виде протеста против того, что произошло и, вероятно, еще произойдет—воздержаться от всякого участия в политических выборах 15 мая.

Оба эти решения продиктованы желанием избежать пролития крови граждан, а также положить конец отчаянию и слезам стариков, ваших жен и детей».

Барлетта, 20 апреля 1921 г.

Подписи: Синдик Виоланте; асессоры (следует 7 фамилий).

Борьба с кооперацией. — Кооперация, во всех ее видах, одинаково ненавистна фашистам. С ней они ведут ожесточенную борьбу, где только могут и как могут. Здания кооперативов также подвергаются разгрому, как и Народные дома, театры, помещения рабочих кружков. Фашисты попробовали вести борьбу с кооперацией при помощи организации собственного «кооперативного движения». Однако из этой попытки ничего не вышло. Тогда они с еще большим ожесточением ополчились против рабочих кооперативов, особенно ненавистных им, как проявление самодеятельности рабочего класса. Вот несколько фактов:



Реджио Эмилия. Контора газеты «Джустиция», 8 апреля 1921 г., после фашистского налета.

После того, как вся страна, об'ятая паническим страхом, почувствовала на себе всю тяжесть фашистского террора, их главари в один прекрасный день разослали по всей провинции свои автомобили, с тем, чтобы снимать с постов всех уполномоченных «Союза трудовых и производительных кооперативных товариществ», состоящих, вместе с тем, председателями отдельных трудовых артелей,—уговаривая их (разумеется, «добром», «для их собственного блага») вступить «добровольно» в местное отделение «фашио» для того, чтобы основать «Союз кооперативов экономи-

ческого синдиката фашистов». Многие подчинились, под влиянием страха, этим уговорам и должны были немедленно явиться на это заседание в... помещение «фашио». На этом заседании фашисты силой заставляют их подписать акт о присоединении их союза к... фашио» и об увольнении всех прежних кооператоров-социалистов, мотивируя все это тем, что «они не соответствуют больше новому духу, господствующему среди рабочих». Все остальное оформляется очень быстро,—тем более, что в ход пускаются всевозможные угрозы.

Лига кооперативов и кредитно-кооперативных учреждений обратилась к правительству с просьбой назначить кого-либо из чиновников комиссаром над кооперативными организациями с тем, чтобы оно взяло их в свои руки до наступления лучших времен, т.-е. до избавления от фашистов, мотивируя эту просьбу тем, что в их судьбе заинтересовано слишком много лиц, финансирующих их на сумму 5.000.000 лир.

«*Свобода печати*».—Нет возможности привести здесь и небольшую часть того, что в анкете сообщается о преследованиях фашистами левой печати. Ограничиваемся наиболее характерным. Под угрозами фашистов,—чаще же всего в результате жестоких побоев,—за двухмесячный период прошлогоднего разгула фашистов (с середины марта по середину мая 1921 г.), в 8 провинциях северной Италии вынуждены были отказаться от получения и распространения газеты «Аванти»—57 отделений (в анкете имеется подробный список). Число подписчиков в наиболее пострадавших 5 провинциях понизилось следующим образом:

Провинция Реджио-Эмилия	460
Феррара .	320
Модена .	280
Мантуя	270
Ровиго	125
Всего	1455

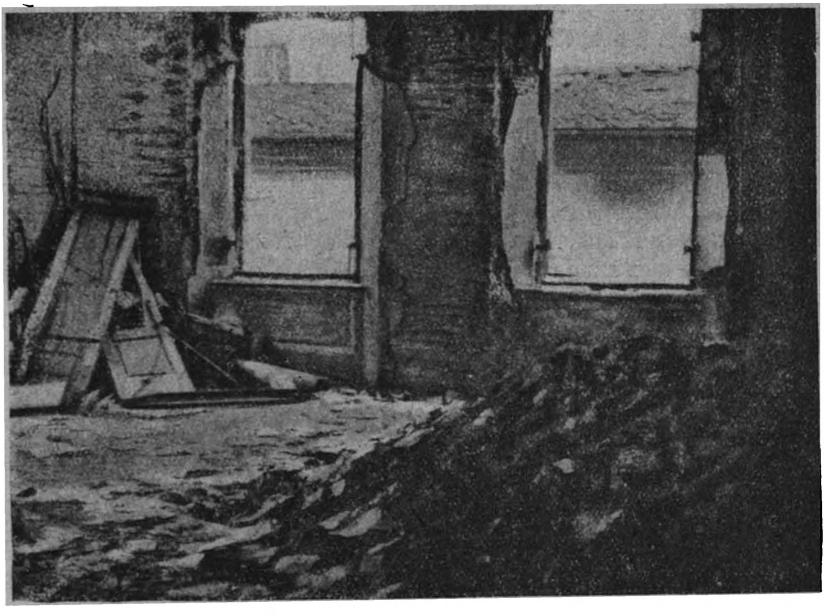
Из целой массы писем и телеграмм, присланных редакции «Аванти» пострадавшими, приводим несколько, наиболее красноречивых:

Из С.-Марино ди Карпи (Модена): «Умоляю немедленно прекратить высылку «Аванти». Если у меня останется что-либо, чтобы расплатиться с вами, я постараюсь сделать это. Газета ваша не доходит, и я не могу из-за нее рисковать жизнью».

Из Остеллато (Феррара): «Соблаговолите немедленно прекратить высылку газеты по причине, которая должна для вас быть понятна. Надеюсь, что вы не хотите обо мне узнать, что я изувечен,—и потому высылку прекратите».

Из Роверето (Модена): «Прошу вас прекратить высылку газеты. В данный момент меня преследуют фашисты»...

Оттуда же: «С болью в сердце я должен сообщить вам, что мы не можем больше получать вашу газету «Социалистическая Молодежь», потому что синьоры фашисты, живущие в Роверето,



Сиена. Остатки библиотеки при Народном Доме.—4 марта 1921 г.

Болония. Помещение Социалистического Союза.—24 января 1921 г.

нам это воспретили строжайшим образом. Я вынужден от имени группы «Соц. молодежи» отказаться от подписки.—Секретарь».

Из Деноре (Феррара): «Умоляю вас прекратить высылку газеты. Много приходится страдать из-за нее. Прекратите—до следующего уведомления. Прошу вас не забыть,—прекратите, прекратите»...

Из Рио-Саличето (Реджио-Эмилия): «С сожалением должен просить вас прекратить высылку «Аванти», находимся в критическом положении. Когда можно будет получать, сообщим».

Из Новеллары (Реджио-Эмилия): «Прекратите высылку журнала, нападение фашистов, получать нельзя».

Из Нови ди Модена: «Подписчик Альдо отказывается от получения газеты, так как изгоняется фашистами».

Из Молия ди Гонзага: «Пожалуйста, прекратите высылку «Аванти». Местный «фашио» запретил мне получать».

Из Корреджио (Реджио-Эмилия): «С огорчением сообщаю вам, что не могу возобновить абонемента. Синьоры фашисты—против этого. Меня избили палками и не перестают преследовать. Сначала рвут на клочки мои газеты, а, затем, меня бьют палками. Я никак не могу возобновить абонемента».

Эти неслыханные ни в одной стране, претендующей на звание цивилизованной, «documents humains» можно бы продлить без конца, но и приведенного достаточно, чтобы убедиться в том, что, если современный политический режим в Италии отличается от самого мрачного средневековья, то только к выгоде последнего. Если кому-либо покажется, что эти порядки носили временный характер или что особое озлобление фашистов было направлено, именно, против «Аванти», то мы можем заверить, что этот способ борьбы, во-первых, применяется в Италии до самого последнего времени, во-вторых, озлобление фашистов и их репресии распространяются с одинаковым рвением на всю левую или, вернее, даже на всю анти-фашистскую печать. В первую голову,—они, конечно, обрушиваются всей тяжестью на т. н. «stampa sovversiva» (революционную прессу), к которой фашисты относят все ветви рабочего движения: от умереннейших реформистов до анархистов. Особенно легко это было проверить во время августовских событий этого года. Разгрому со стороны фашистов подверглось огромное число левых редакций,—всех направлений. Так, в Генуе фашисты разгромили редакцию и сожгли контору ультра-умеренной реформистско-синдикалистской газеты «Lavoro», которую во время Генуэзской конференции мы не могли без отвращения брать в руки, ибо она специально занималась поносительством русской делегации. Приводим живое свидетельство о самых последних событиях, пережитых левой печатью в Италии. Мы получили ряд писем из Специи, при чем товарищи-анархисты сообщают следующее.

В письме от 9/VIII: «Волна самой свирепой, неслыханной реакции прокатилась по стране. В нашей провинции фашисты не допус-

FASCI ITALIANI DI COMBATTIMENTO

SEZIONE DI REGGIO-EMILIA

~~(SEDE VIA DEL PASCIO - Telef. 4-81)~~

Reggio-Emilia, 2 Maggio 1921 192

Alla Redazione del giornale LA GIUSTIZIA

Si avvertono i redattori di codesto giornale di voler mantenere la narrazione dei fatti avvenuti a Cavriago nei limiti della piu' stretta verita avvertendo pure che se come al solito saranno propalate notizie tendenziose o false saremo costretti a prendere nei loro riguardi i provvedimenti che riterremo i piu opportuni

Il Segretario Politico della Sezione

FASCIO ITALIANO DI COMBATTIMENTO SEZIONE DI REGGIO EMILIA

Перевод.

ИТАЛЬЯНСКИЕ БОЕВЫЕ СОЮЗЫ.

Секция Реджио-Эмилия.

Реджио-Эмилия, 2 мая 1921.

В редакцию газеты «Джустиция».

Ставится на вид редакторам названной газеты, что, при изложении фактов, имевших место в Кавриаго, им необходимо держаться в рамках безусловной истины. Вместе с тем, предупреждаем их, что, если, по своему обыкновению, они станут распространять лживые или тенденциозные сведения, мы вынуждены будем принять в отношении их меры, которые нами будут признаны наиболее удобными.

Политический секретарь секции

(М. П.) *(Подпись).*

кают выхода в свет анархистской, коммунистической и социалистической и даже вообще анти-фашистской прессы».

Эта волна едва не захлестнула совсем местной газеты «Libertario», которая издается анархистами ровно двадцать лет. После первого разгрома редакции, мы получили печатное об'явление, выпущенное взамен газеты, 14 августа с. г.

В этом об'явлении излагается история забастовки, вызванной «злодейскими и кровавыми действиями фашистов и др. слуг государства». Затем, говорится о том, что фашисты прилагают все усилия к тому, чтобы задушить честный голос «Libertario», вот уже 20 лет бессменно проповедующей войну против тиранов, эксплоататоров и предателей. Они, под страхом поджога жилища, запретили строжайше всем разносчикам в округе покупать и распространять анархистский еженедельник».

Разгром редакции, с одной стороны, вынужденный бойкот—с другой, привели к тому, что газета должна была прекратить выход в свет. И только месяц спустя, мы получили сообщение (от 19/IX) о том, что газета оправилась от разгрома и начала вновь выходить в свет. Но с этим радостным известием пришли и очень грустные. Все местные анархистские организации оказались разгромленными. Под всякими лживыми предлогами в маленькой Специи арестовано свыше 300 товарищей. Всем им вменяются в вину уголовные преступления, а именно: сопротивление дикой орде фашистов. Среди арестованных находится и Паскуале Бинацци, пожилой учитель, самоотверженный и неустанный пропагандист анархистской идеи. Его колоссальной энергией об'ясняется то, что в маленьком провинциальном городишке не только выходит в течение 20 лет анархистская газета, но и издается при ней солидная библиотека революционных произведений. В этой библиотеке вышли переводы многих русских революционных произведений, выпущены специальные приложения, посвященные русской революции, к которой местные анархисты относятся с исключительной симпатией. Паскуале Бинацци (тот самый, о котором упоминается в предисловии) болен; у него отнялись ноги,—и он был прикован к постели в течение двух месяцев. Как сообщает нам товарищ,—фашисты приказали полиции отнести его на кровати в тюрьму... Что станется с его любимой газетой,—неизвестно.

Некоторые итоги. — В заключение, приведем несколько красноречивых цифр, подводящих итоги деятельности фашистов.

За тот короткий срок, за который составлена анкета,—т.-е., главным образом, за 1-ую половину 1921 года, — пострадало от фашистов вообще 408 местностей. При этом оказалось:

Убитых (опознанных).	114 чел.
„ (неопознанных).	22
Раненых.	244
Уничтожено разл. помещений:	
Редакций газет.	10
Народных домов .	25

Камер труда .	60
Кооперативов. .	85
Крестьянских лиг.	43
Других организаций . .	19
Социалист. секций и групп.	33
Культ.-просвет. кружков	17
Рабочих кружков.	36

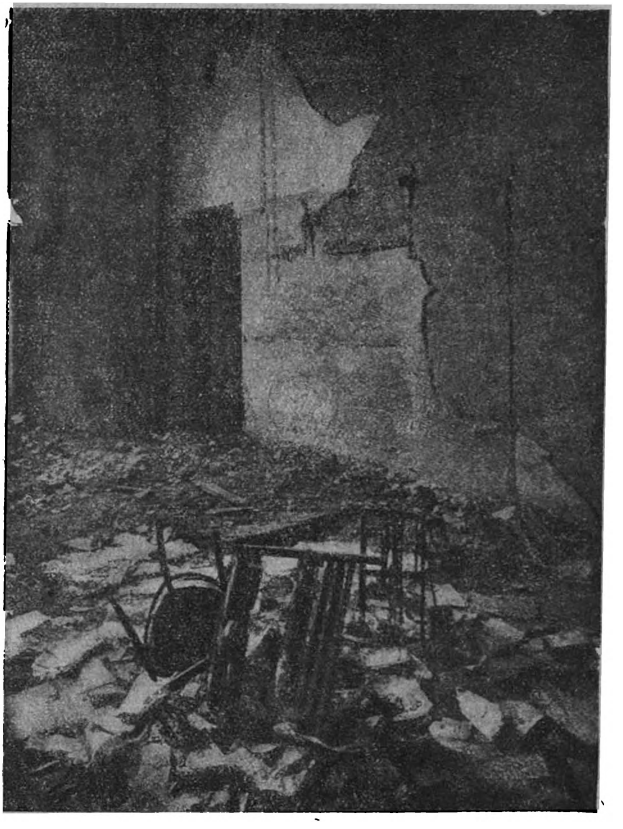
Разгул последнего времени.—Если бы кто-нибудь занялся подсчетом всех доблестных подвигов фашистов за текущий год,—полученные им итоги выразились бы, несомненно, в астрономических цифрах, по сравнению с которыми приведенные выше показались бы ничтожными до смешного. За эту задачу и не берется больше никто. Продолжение анкеты «Avanti» явилось бы Сизифовой работой,—ибо, покуда она производилась бы, каждый день приносил бы все новые и новые факты. Теперь уже нет никакой надобности описывать мытарства той или иной местности. За последнее время почти вся Италия отдана на разграбление одной огромной карательной экспедиции, которая именуется фашистским движением. Мы, с своей стороны, не собираемся подводить здесь итоги всему содеянному фашистами за последний год. Приводимые нами факты должны лишь бросить последний штрих, характеризующий нынешний период деятельности фашизма, уже не знающего никакого удержу. Они показывают, как сам Муссолини уже бессилен остановить дикий разгул своих шаек призывами к дисциплине. Мало того: фашизм, как будто, исчерпал уже целиком область прежней своей деятельности и ищет новых областей: террор, направленный против социалистов и анархистов, начинает распространяться не только на нейтральное население, но и на правительственных чиновников (вплоть до бывших или настоящих министров), даже на духовных прародителей фашизма (например, организации увечных воинов и т. д.). В числе мер воздействия появляется новая: публичное воспрещение пропаганды ряду видных общественных деятелей. Вот некоторые из этих фактов:

Последней мере пресечения подвергся, например, совсем недавно, накануне захвата власти фашистами, известный «социалист» Артур Лабриола, прославившийся в среде своих единомышленников рядом предательских актов и даже... сильным заигрыванием с фашистами. Тем не менее, бывший министр труда не сумел, очевидно, удовлетворить полностью требовательных охранителей порядка. В результате, неаполитанский депутат подвергнут следующей каре. Из Джулиано сообщают, что во всей области расклеено об'явление, гласящее: «Воспрещается мало-почтенному [1]) Артуро Лабриола всякая политическая пропаганда в общинах, прилегающих к Джулиано. Лабриола—за интриги, учиненные им против фашистов 16 октября с. г. — не будет больше

[1]) Обычный эпитет депутата onorevole, чтимый даже политическими противниками, на этот раз заменен „disonorevole“ для вящщего ущемления Лабриолы.

осквернять своим присутствием великодушной и гостеприимной почвы Джулиано! Фашисты Джулиано, на помощь!—Боевое командование местной центурии».

Сообщение о злоключениях Лабриолы сопровождается ироническим замечанием анархистской газеты «U m. N o v a», выражающей уверенность, что соглашатель Лабриола найдет пути к испра-



Т у р и н. Помещение Ц. К. телеграфных служащих (26 апреля 1921 г.).

влению своего поведения и установлению дальнейшего контакта с фашистами.

На более серьезные размышления наводят следующие факты:

В той же газете помещена корреспонденция из многострадальной П и а ч е н ц ы, от которой веет холодным ужасом:

«... Вернулись времена гуннов. Охота на людей продолжается. Страх перед «трехцветными» [1]) так велик, что они могут поль-

[1]) Трехцветный национальный флаг Италии.

зоваться решительно всеми средствами для удушения честных людей. Товарищи, стоявшие бодро на революционном посту и сумевшие создать сильную анархистскую ячейку, вчера вынуждены были покинуть страну. Они уехали с улыбкой надежды; они знают, что мы придем им на смену»,—и т. д. (Далее следует описание ряда диких насилий.)

Из Анконы пишут в «U. N.» от 15/X: «... Несмотря на гнусные преследования со стороны рабовладельцев [1]), на непрекращающиеся избиения палками, специальную охоту на анархистов, свирепую цензуру, неописуемые издевательства и предательство продажных душ, охотно выполняющих роль шпионов для своих хозяев,—голос анархистов крепнет с каждым днем. Побежденные не фашистами, хотя они и нападают обычно в количестве 20 человек на одного, а регулярными силами правительства, которое не хочет забыть прежних наших восстаний, пусть и раздавленных свинцом,—мы все же не складываем оружия... Пусть «оздоровители» страны знают, что преследования заставляют нас лишь теснее смыкать свои ряды. Товарищам мы говорим: «Да здравствует анархия!», хищным коршунам и убийцам: «До завтра—в бою!»

Характерно сообщение из Колонна-Венето о том, что, в виде протеста против фашистских насилий, все местные жители, без различия профессий, отказались от участия в общинных выборах и от уплаты налогов.

Из Терни от 28/X сообщают о продолжающихся избиениях палками, бесчисленных издевательствах, сожжении левой прессы, к которой фашисты причисляют и газету Нитти «Il Paese»...

Из Турина от 27/X—о возобновившихся убийствах местных рабочих, причем убиваются не только коммунисты и анархисты, но, «по ошибке», и беспартийные. Убийства остаются безнаказанными... На процессе фашиста Цанколло, обвинявшегося в убийстве коммуниста Валентини и, разумеется, оправданного, председетель окружного суда в Риме не постеснялся заявить во всеуслышание, что «правосудие бессильно в такого рода делах». Заявление председателя и оправдательный вердикт были встречены шумными аплодисментами присутствовавших в большом числе фашистов. («Um. Nova», 30/X 22.) К этому сообщению газета добавляет, что правосудие бессильно лишь в тех случаях, когда речь идет не о рабочих, защищающих свою жизнь и честь...

Любопытнейшие факты сообщаются в корреспонденции из Турина от 1/X. Случилось так, что местные фашисты своими действиями умудрились вызвать против себя гнев туринского «Союза бывших участников войны». В Поле туринские фашисты ознаменовали свое недавнее появление тем, что: во-1-х, убили совершенно ни в чем неповинного Питотто, беспартийного, никогда не занимавшегося политикой, во-2-х, ограбили кооператив местных «участников войны» на 900 лир, в-3-х, ограбили местное

---

[2]) „Schiavista"—стало второй кличкой фашистов.

кино на 200 лир, в-4-х, побили тяжко палками и отняли 80 лир у первого попавшегося на глаза Бачина, в-5-х, избили и «оштрафовали» на 20 лир рабочего, которого заставили кричать: «Да здравствует фашизм! Да здравствует Италия! Долой Ленина...». По требованию «Союза б. участников войны» арестовано и опознано до 10 фашистов, которые, разумеется, будут освобождены для новых подвигов.

Все приведенные факты—следует отметить—хронологически совпали с речью Муссолини в Удине и др. его выступлениями, в которых этот «государственно-мыслящий» погромщик нападал на «индивидуальные акты» фашистов и взывал к суровой дисциплине. Трудно верить, однако, в то, что призывы к воскрешению древнеримских доблестей окажут какое-либо воздействие на вызванные им же к жизни банды погромщиков, мелких карманников и «идеалистически-настроенных» патриотов. Сам Муссолини не верит в это. Он спешит во-время свернуть с дороги, чтобы не потонуть в море крови и грязи, помощью которых фашисты оздоровляют свое возлюбленное отечество, — но верные соратники его следуют за Муссолини по пятам.

Пути исторической Немезиды непреложны.

XIII.

Перспективы.

Дав исторический обзор развития фашистской «идеологии» и описание его ежедневной деятельности, попытаемся, в меру своих сил, набросать краткий очерк его нынешней эволюции. Известно, что начало XX столетия принесло нам крушение целого ряда социологических и социально-политических прогнозов. Рискуя прибавить к ним еще один неудачный прогноз, постараемся все же определить, хотя бы приблизительно, те пути, по которым может отныне фашизм пойти к своему окончательному триумфу или позорному провалу. События последнего времени, несмотря на растущую численность его рядов, убеждают нас в том, что в настоящий момент фашизм достиг уже склона своей славы и торжества, и в дальнейшем его вряд ли ждут новые лавры. На-лицо имеется ряд весьма явственных признаков того, что ближайшей перспективой фашизма является его внутреннее разложение, ведущее за собой ослабление его рядов,—а, следовательно, и полный упадок.

Кстати,—о численности фашистов.

На этот счет в русской и иностранной прессе существует большая разноголосица. Г. Зиновьев в одной из своих речей заявил, что фашисты насчитывают в свих рядах 700.000 человек. Л. Сосновский в своей статье, напечатанной в «Правде», определяет их число в 400.000 человек.

В обстоятельной статье «Фашистское движение в Италии», напечатанной в «Deutsch. Allgem. Zeitung», за подписью «Mundus», автор утверждает, что общая численность фашистов, принадлежащих к 4000 местным организациям, равняется приблизительно 2.000.000, — но что из этого числа в рядах военных организаций в настоящее время состоит 400.000 человек (11/VIII 1922 г.). Эту же цифру называет римский корреспондент «Daily Herald». (20/I 22 г.). В своем манифесте, который разослан в конце июля с. г. центральный комитет фашистов, он уверял, что говорит от имени 700.000 рабочих, организованных в фашистские синдикаты (цифра эта не выдерживает, разумеется, ни малейшей критики).

На III конгрессе фашистов (в ноябре 1921 г.) генеральным секретариатом фашистской партии были опубликованы следующие данные о постепенном возрастании числа членов:

К I конгрессу фашистов во Флоренции (окт. 1919 г.) имелось 56 местных организаций, в которых насчитывалось до 17.000 членов.

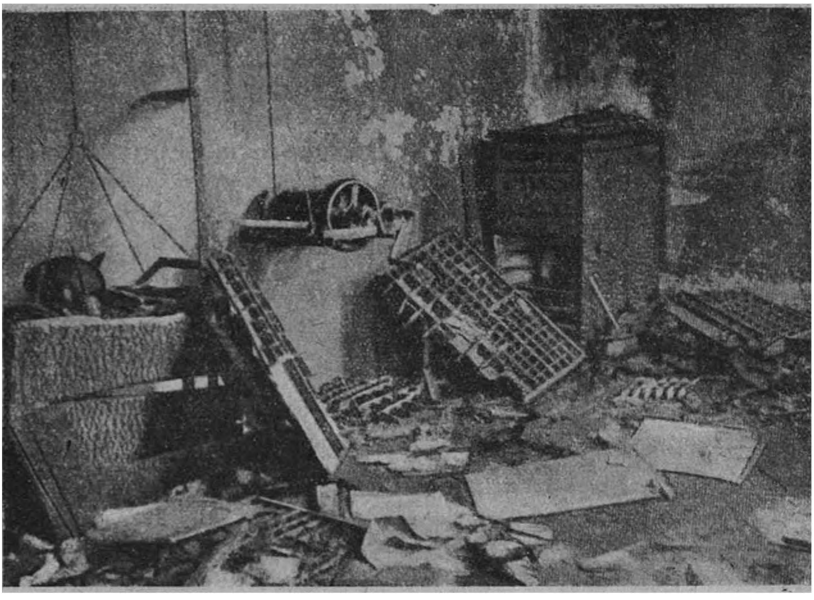
Ко II конгрессу в Милане (май 1920 г.) фашисты насчитывали до 30.000 чел.

На III конгресс, по сведениям секретариата, с'ехалось 2.200 представителей местных организаций, в общем насчитывавших 320,000 чел. 1922 год был, несомненно, годом больших успехов для фашистов,—и численность их значительно возросла. Но если, с другой стороны, принять во внимание, что цифры фашистского секретариата безусловно не заслуживают никакого доверия, что многие из насильственно-обращенных в фашизм рабочих и крестьян удирают из его рядов при первой возможности,—то придется признать максимальным числом боевых сил фашизма—100—150.000 чел.

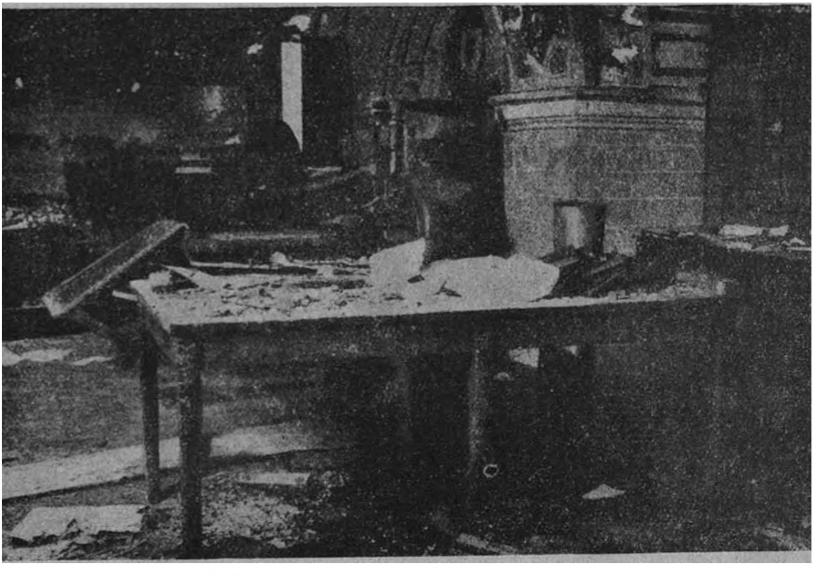
Мы предвидим, что найдется очень мало критиков нашей книги, которые согласятся с этой цифрой. Только недавно некоторые видные революционные деятели Италии заявили, что боевые силы фашистов своей численностью, во всяком случае, значительно превышают ряды регулярной армии. На эту же легенду часто любят ссылаться Факта и др. министры, когда они делают вид, что готовятся дать военный отпор фашистам. В таких случаях Факта вызывает к себе военного министра, и в результате их таинственного совещания в официозной прессе появляются тревожные заметки о численном превосходстве фашистов над действующей армией. Впечатление большей численности фашисты умеют создавать крайне-искусным и быстрым перебрасыванием своих «s q u a d r a e» из одного района в другой. Их ходы, в этом отношении, весьма напоминают инсцинировку бесконечного хора мальчиков в «Кармен». Между тем, в моменты крупнейших своих выступлений фашистские военачальники стягивают из провинций в центры отряды в 8—10 тыс. человек. Больше 10—15 таких стратегических центров у них нет.

Является ли эта цифра в 100—150 тыс. фашистских солдат, сама по себе, угрожающей?

Для ближайшего времени, принимая во внимание полный разгром левых организаций и психологическую депрессию, царящую среди рабочих и крестьян Италии, эту цифру следует признать значительной. Если даже стать на точку зрения самого Джиолитти, который в 1920 г., во время осенних событий, признал, что регулярная итальянская армия не может быть принята во внимание при подавлении внутренних волнений в виду того разложения, которое «большевизму» удалось внести в ее ряды,—то и тогда не надо забывать, что фашисты встречают прямых сообщников и выполнителей своих планов в лице т. н. «g u a r d i a c r e g-



Реджио Эмилия. Типография газеты «Джустиция». (Наборная.) (8 апр. 1921 г.)



Перуджия. Помещение типографии, где печатался еженедельник «Батталия», подожженное и разрушенное фашистами. (22 марта 1921 г.)

g i a e», насчитывающих несколько сот тысяч человек под ружьем, не говоря уже о карабинерах, о явной и тайной полиции. Боеспособность военных кадров фашистов значительно возрастает от того, что очень многие из чинов генерального штаба и других учреждений регулярной армии — явно или тайно — «совместительствуют», работая одновременно и в фашистских военных организациях, в качестве инструкторов, а иногда и руководителей, совместно с фашистскими лидерами разрабатывая планы наступления и блокады «провинившихся» местностей. Целым рядом официальных документов было установлено, что военное командование передавало в распоряжение фашистских лидеров аэропланы, броневые поезда, автомобили и пр. снаряжение. При таких условиях, фашистское войско, к тому же строго дисциплинированное (особенно в больших центрах) и пользующееся постоянными услугами военных частей,—если не по распоряжению, то при явном попустительстве правительства,—должно, безусловно, считать внушительной силой.

Однако опыт гражданских войн последнего времени с очевидностью показал, что при таком определении фашистских боевых сил их ч и с л е н н о с т ь не может иметь решающего значения. Да и сама эта численность с трудом поддается точному определению. Если, с одной стороны, в ряды фашистских организаций насильственным путем загоняются многие десятки тысяч терроризованных рабочих и крестьян, то, с другой,—итальянская буржуазия выделяет (особенно, из рядов своей молодежи) много добровольных приспешников фашизма, хотя и не числящихся формально в составе его организаций, но, тем не менее, оказывающих фашистам неоценимые услуги во время их погромной деятельности.

При определении ближайших судеб фашизма приходится учитывать целый ряд самых разнообразных факторов, из которых на первом плане стоят: сила сопротивления непосредственного врага фашизма,—т.-е. итальянского рабочего класса и крестьянства,—а также та общественная атмосфера, в которой фашистам приходится действовать. Что касается силы сопротивления рабочего класса, то и она, в свою очередь, определяется рядом факторов. Проигрыш сентябрьского движения, задавленного грубой полицейской провокацией Джиолитти и изменническим поведением соглашательской Конфедерации Труда, открыл полосу черной реакции в Италии. Для фашистов медовый месяц начался среди всеобщей растерянности и забитости рабочего класса и крестьянства. Надо отдать им справедливость, фашисты не теряли ни минуты времени. Они воспользовались этим периодом замешательства, чтобы устранить одних, ввести в заблуждение других и совратить в свою «веру» третьих. Первый период фашистского наступления характеризуется почти полным параличом деятельности социалистических организаций. Анархистские группы, несмотря на свою относительную малочисленность развивавшие энергичную деятельность во

время сентябрьских событий 1920 года, были разгромлены арестами главарей (Малатеста, Борги и др.), многочисленными процессами и т. д. Такая же участь постигла и коммунистические—тогда еще нарождавшиеся—организации. Разгром социалистов и синдикалистов был так велик, что после двухгодичной деятельности фашистов общий урон итальянского профессионального движения исчислялся в 50—80%.

Но на-ряду с белым террором, крайне благоприятным для успехов фашистов, оказался и другой фактор: крайняя разобщенность между революционными элементами рабочего класса, не сумевшими противопоставить белому террору фашистов единого фронта революционного отпора. Что касается реформистов и соглашателей типа д'Аррагоны,—отход этого изменнического крыла социалистов от революционных элементов следует признать вполне естественным и последовательным. Развращенные до мозга костей буржуазным парламентаризмом и худшим видом социалистического карьеризма,—реформисты (среди которых были и искренние люди) не могли, разумеется, сделать поучительных выводов из первого натиска фашистов. Казалось, что, под ударами тяжелых фашистских дубинок, они еще больше уверовали в спасительность избирательного бюллетеня и вели себя так, точно десяток лишних депутатов-социалистов в парламенте может избавить рабочие массы от ужасов белого террора. Из доклада Маттеоти мы уже ознакомились с той проповедью чисто-толстовского непротивления, которую повели в рабочей и крестьянской среде реформисты. Если кое-где возникали редкие и одиночные акты сопротивления фашистскому террору, то они исходили, под давлением стихийного чувства, из рабочих низов,—вопреки проповеди лидеров. Ливорнский конгресс социалистической партии, созванный в январе 1921 г., совпал с полосой бешеного террора фашистов. Реформисты и соглашатели сочли этот момент наиболее удобным, чтобы окончательно снять свои маски. «Максималист» Серрати, — человек больших диалектических способностей, уже давно превративший полемику с своими противниками слева и справа из средства в самоцель, к тому времени отчаливший от берега коммунизма, к которому он пристал в 1920 году,—оказал реформистам моральную поддержку в их борьбе с коммунистами (это обнаружилось не только на конгрессе, но и в ряде выступлений между конгрессами в Ливорно и Риме). На конгрессе в Ливорно социалистическая партия раскололась на три крыла: реформистов, максималистов (Серрати) и коммунистов. Этот раскол окончательно развязал руки реформистам в той области, которая сейчас нас больше всего интересует,—т.-е. в вопросе борьбы с фашистами. Внешне—борьба продолжалась попрежнему; попрежнему фашисты продолжали избивать «белых негров» итальянской деревни и городских рабочих, забитых, запуганных, да еще убаюкиваемых проповедью непротивления, шедшей из реформист-

ского лагеря. Это и было то время, когда из-под пера разных «снисходительных» критиков фашизма (вроде Ферри, Туратти и т. д.) выходили статьи, в которых они пытались найти какие-то следы идеализма и романтизма в фашизме,—время неудачных и непризнававшихся обеими периферями временных «перемирий» между лидерами фашистов и социал-реформистов.

Цемс Ломеллина. Театральный зал при Народном Доме, разрушен в мае 1921 г.

Чем безобразней становились выступления фашистов, чем бесчеловечней действовали их карательные отряды, — тем прочнее, казалось, созревало в головах реформистских лидеров убеждение, что с фашизмом бороться можно и нужно только легальными средствами и что для успешности этой борьбы необходимо вступить в блок с буржуазными партиями, относящимися несочувственно к фашистам. И, покуда Сератти продолжал сидеть между

двух стульев,—в теоретических статьях своих часто воспевая хвалу коммунистам, а в практических выступлениях поддерживая реформистов,—последние продолжали итти на приступ итальянского парламента, точно не замечая, что фашисты, издеваясь над легализмом, превратили итальянский парламентаризм в скверную шутку над... трудящимися классами. Что же делали в это время крайние элементы—коммунисты, анархисты и революционные синдикалисты? Приходится с большим сожалением констатировать, что и между ними не было никакого согласия. Оправившись от первых натисков фашистских банд, левые, давно изверившиеся в спасительность парламентских речей и всяких подозрительных политических комбинаций, попытались в разных местах оказать фашистам активное сопротивление. И очень часто это сопротивление, несмотря на большую убыль, понесенную левыми организациями в первый пероид фашистского террора, давало серьезные результаты. Излишне перечислять здесь все подобные факты; героический дух еще живет в передовых рядах итальянского пролетариата,—и не мало блестящих страниц вписано анархистами и коммунистами в историю борьбы с злым и жестоким врагом, всегда строящим свои расчеты на значительном численном превосходстве. Всем памятны геройское сопротивление горсти коммунистов во время осады фашистскими бандами города Тревизо и блестящий отпор, данный левыми, во главе которых были анархисты, фашистским бандам в Риме, в прошлом году, когда им удалось — дружной забастовкой — добиться от правительства высылки из Рима всех понаехавших туда с разных концов фашистов. Но, повторяем, общие выступления тех и других были чрезвычайно редки. Помимо общих разногласий, разделяющих анархистов и коммунистов на Западе,—к делу примешались еще и некоторые специфические обстоятельства. Так, коммунисты, отвергая выдвигаемый анархистами принцип добровольного вступления рабочих в синдикальные организации, обвиняют часто анархистов в том, что они способствуют провалу забастовок, смешивая воедино штрейкбрехеров и неорганизованных рабочих. Анархисты обвиняют коммунистов в желании монополизировать в руках своей партии дело социальной революции и захватить руководство в деле борьбы с фашистами, что проявляется, между прочим, в крайне сдержанном отношении коммунистов к организации отрядов «красных боевиков» («arditi rossi»), по большей части смешанного состава,—с преобладанием в них анархистских, синдикалистских и беспартийных элементов. Осложнению этих разногласий в значительной мере содействует хитрая тактика фашистов. В противоположность левым, до сих пор не сумевшим об'единить свои ряды в борьбе с общим врагом, фашисты одинаково ненавидят и преследуют все течения социалистической мысли, все формы рабочего движения,—вплоть до безобидного кооперативного движения. В своей борьбе фашисты не делают никакого различия между социалистами и анархистами. Но, действуя всегда

с расчетом на численное превосходство, они не везде с одинаковой силой обрушиваются на тех или иных из них. Так,—помня принципы маккиавелизма, фашисты не прочь иногда путем дипломатических трюков внести разделение в ряды левых. Когда фашисты нарушили смехотворное перемирие, заключенное с лидерами реформистов, они, в ответ на брошенное им обвинение в лицемерии и нечестности, поспешили ответить, что они нару-

Падуя. Камера Труда, сожженная 5 апреля 1921 г.

шили его не в отношении социалистов, а в отношении лишь коммунистов и красных «arditi», не упоминавшихся в договоре о перемирии. Кроме того, фашисты с особой яростью обрушиваются на тех, кто пользуется в данной местности наибольшим влиянием. В Риме и Милане, где сильны реформисты, они обрушиваются на них с особенным ожесточением. То же можно сказать о Генуе, о многих местностях в Реджио-Эмилии. В провин-

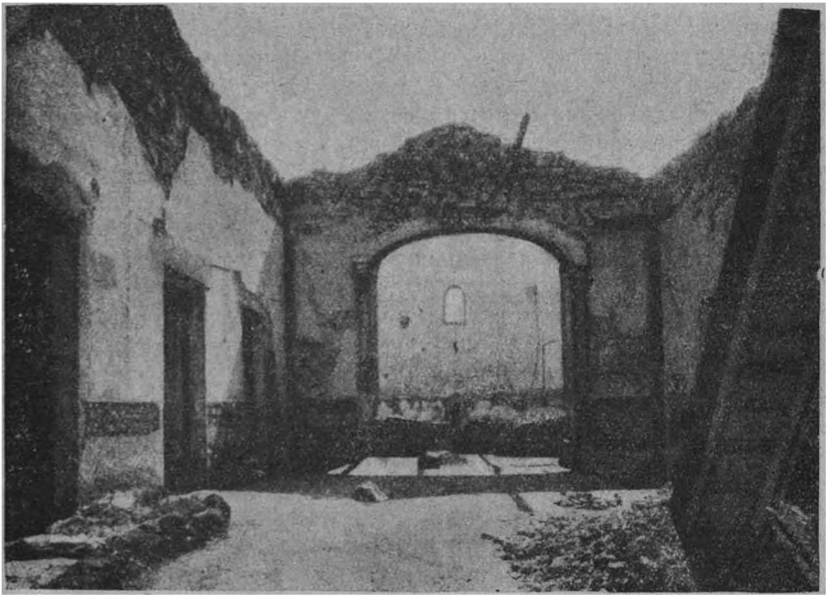
циях Феррары и Болоньи истреблению подвергались наиболее сильные здесь организации максималистов-серратианцев. В Каррараре, Вальдарно и ряде портовых городов сильны анархистские организации,—и наиболее жестокие удары фашистов, естественно, обрушиваются на них. В Турине и Флоренции влиянием пользуются коммунисты,—и, разумеется, здесь произносятся самые горячие филиппики против русского большевизма, «желающего развратить итальянских рабочих». В Пьяченце, Сестри, Парме и т. д. стараются стереть с лица земли влиятельные синдикалистские организации, вне зависимости от того или иного политического оттенка их. Но там, где одинаково слабо влияние анархистов, коммунистов и синдикалистов,—как, например, в Бергамаско,—где рабочими организациями овладели «pópolari» (народно-католическая партия),—там удары фашистов приходятся по ним. Мало того,—они готовы драться и с республиканцами, и даже с своими ближайшими соседями-националистами (так, со времени августовских событий, телеграф неоднократно сообщал уже о кровавых стычках между националистами и фашистами, носивших жестокий характер). Но, действуя таким путем,—уверяя в одних местах, что они, собственно, ничего не имели бы против реформистов, если бы последние не поддерживали коммунистов и анархистов; нашептывая анархистам, что им так же близка философия насилия и уважение к личности, но что они борются только против ужасающей тирании будущего коммунистического строя; в третьем месте,—клянясь коммунистам, что они уважают их за государственный образ мыслей, но что они не могут допустить разрушительной, антигосударственной пропаганды анархистов, — фашисты пытаются обмануть их всех,—и, во всяком случае, часто ухитряются вбить острый клин ненужных и необоснованных разногласий между ними и, таким образом, искусно ослабляют силу сопротивления своих противников. Оттого, что фашисты в различных местах уделяют больше внимания тем или иным из них,—появляются ненужные взаимные обвинения, основанные на неосведомленности или просто на партийной нетерпимости,—отсюда рождаются, например, легенды о том, что фашисты, в общем, относятся довольно благожелательно к анархистам и т. д. Эти легенды мне приходилось самому выслушивать весной этого года в Италии, но они тут же опровергались фактами ежедневной борьбы анархистов с фашистами. Таких фактов приведено немало и в этой книге. Подобные, ни на чем не обоснованные слухи, проникали и в иностранную печать (в частности, в русскую) и, доходя до Италии, способствовали здесь порождению новых трений между теми, кому по тактическим соображениям в деле борьбы с фашистами следует «бить вместе», оставив в стороне разногласия по другим вопросам. В этом отношении революционерам Италии есть чему поучиться у фашистов. Создавая ложную картину сближения с теми или иными элементами левых в разных местностях и подсмеиваясь над все растущими между

ними разногласиями, фашисты, на самом деле, бьют и тех, и других. Они громят,—как это было в августе с. г.,—одновременно и социалистическую газету «Avanti» в Милане, и ультра-реформистскую «Lavoro» в Генуе, и анархистскую «Libertario» в Специи.

Что касается реформистов и соглашателей, то Римский конгресс этого года ясно показал, что они завершили свою эволюцию направо и окончательно погрязли в своих выборно-парламентских махинациях с буржуазией и ни о чем ином, как о сотрудничестве с буржуазными партиями в правительстве, и не мечтают. Даже Серрати и его группе это невмоготу стало. На очередь встает вопрос о слиянии максималистов с коммунистами. Активного сопротивления со стороны реформистов фашистам ждать нечего. Правда, если послушать речи их лидеров и теоретиков, они уверены, что им удастся использовать те слои буржуазии, которые недовольны деятельностью фашистов в борьбе с последними. Разумеется, эти уверения относятся больше к области риторики. На самом деле, эти лидеры не перестают искать соглашения с фашистскими вождями, чтобы «мирно» поладить в вопросе о власти. И реальное политическое чутье Муссолини, несомненно, подскажет ему, что в борьбе с настоящими бунтовщиками («sovversivi») можно и должно использовать благонамеренную часть «государственно-мыслящих» социалистов. История последних десятилетий преподносила нам и не такие сюрпризы. Возможно, что бывшие товарищи по «Avanti», описав по 180° влево и вправо, встретятся в одном и том же пункте, откуда они смогут грозить «черным» и «красным» бунтовщикам.

Несомненно,—происходящее на наших глазах расслоение должно сыграть благоприятную роль в деле прояснения классового самосознания истинно-революционных элементов итальянского пролетариата, которые только и могут выдвинуть боевые силы в борьбе с фашистами, не ожидая себе помощи от правительства, ни от либеральной буржуазии, ни от благонамеренных реформистов. Если Серрати пойдет вместе с коммунистами,—шансы революционного левого блока в Италии на успешный отпор фашистам значительно возрастают. Августовские события в Италии, хотя и закончившиеся поражением левых, открыли, однако, новую эру в борьбе левых с фашистами. Впервые, за 3½ года своего официального существования, фашизму пришлось столкнуться лицом к лицу с таким серьезным отпором. Наши миланские товарищи с восторгом писали нам, что, наконец, фашизму пришлось почувствовать, что он не является единственным хозяином в Италии. Правда, после этих восторженных писем пришли другие, полные грустных сообщений,—но все же последнее выступление против фашистов влило не отчаяние, а бодрость в сердца бойцов. Много организаций было разгромлено фашистами, но на этот раз явилась уверенность в том, что следующий бой может окончиться

иначе. Нужно только, чтобы истинно-революционные элементы Италии покончили с ненужной грызней и тесней · сплотили свои ряды хотя бы в этом деле; за коммунистами и анархистами пойдут многочисленные беспартийные массы деревни и города, жизнь которых фашисты превратили в ад только потому, что они принадлежат к трудящимся классам. Характерно, что в момент такого под'ема Террачини зачем-то посылал в Москву свои корреспонденции, в которых пытался изобразить деятельность анархистов в отрицательном смысле, абсолютно не подтвержденные, а, напротив, опровергнутые фактами.



Бандино (Флоренция). Театр при Народном Доме, 1 марта 1921 после поджога.

При наличии крепко сплоченного революционного блока в Италии, который смог бы увлечь за собой и часть массы, плетущейся за реформистами, численность фашистов вряд ли будет производить такое же подавляющее впечатление. Правда, итальянские синдикаты, насчитывавшие в своих рядах к моменту созыва Ливорнского конгресса свыше 2 миллионов членов, вряд ли в настоящее время имеют их больше нескольких сот тысяч. Зато крепнет коммунистическая партия, которая, в настоящее время, насчитывает до 50.000 членов. Если эволюция Сератти на этот раз будет окончательной, это значительно усилит ряды И. К. П. Что касается анархистов. анархо-синдикалистов («Unione Sindacale Anarchica») и красных—«arditi»,—то они превосходят их в числен-

ности и, в случае прочного соглашения с коммунистами, все вместе могли бы образовать солидный «ударный отряд»,—с которым фашистам пришлось бы считаться.

Но это — одна сторона вопроса.

Как мы уже сказали, другая — заключается в неизбежной внутренней эволюции самого фашизма. Эта эволюция уже началась давно, но теперь она начинает выявляться все больше и больше. Нам уже приходилось отмечать, что, с самого начала возникновения муссолинианских банд, в их рядах столкнулись разношерстные элементы. На зов Муссолини сбежались и «люди порядка», откровенные глашатаи самой черной реакции, не без основания понадеявшиеся на то, что этот ренегат лучше других сумеет выполнить задачу укрощения ненавистного им рабочего класса и «спасти Италию от большевистской чумы», и романтически-настроенные юноши (правда, идеалисты того сорта, которых Достоевский остроумно окрестил «практическими романтиками»), и вся подлая уголовно-полицейская накипь продажных душ, мошенников и насильников всякого рода, столь характерная для современной разлагающейся Западной Европы. Глухая борьба между тенденцией к легализму и безусловной апологией погромной деятельности давно велась, под сурдинку, в рядах фашистов. Она выплыла наружу накануне Флорентинского конгресса. «Представителем» государственно-мыслящего фашизма, неустанно стремившегося к превращению его в обыкновенную политическую партию, явился Муссолини. Отсюда—его положительное отношение к перемирию с социалистами, отступления и зигзаги, поиски всяких тайных ходов и выходов, блоков и комбинаций,—вызвавшие большое недовольство со стороны оппозиции.

Что касается последней, то ясно, что она питается теми деклассированными элементами фашизма, которые, представляя собою типичных кондоттьери, могут жить и процветать только в атмосфере разбоя, грабежа и разнузданного белого террора. Они справедливо опасаются, что фашизм, превратившись в легальную партию, потеряет свою специфическую яркость, свяжет себя по рукам и ногам узами легальности и благонамеренности и окончательно сольется с буржуазно-консервативным блоком, в котором будет, вероятно, изображать из себя самую бесцветную из всех партий. Люди, которым нечего терять, редко заглядывают в будущее. Упиваясь теперешними военными успехами фашизма, они не хотят задумываться о завтрашнем дне. Ловкий политический деятель Муссолини, прошедший через «огонь, воду и медные трубы» буржуазного парламентаризма, может еще не отчаиваться в своем будущем,—и превращение фашизма в сильную парламентскую партию может послужить лишь новым этапом в его громкой, но бесславной карьере. Но зато ничего хорошего для себя не могут ждать профессиональные убийцы и кондаттьери от новой легальной полосы в жизни фашизма. Их помощь нужна, пожалуй, у входа в избирательные собрания, где они могут своими b a s t o n i проламы-

вать черепа рабочих и крестьян, отбирая у них социалистические бюллетени, но им решительно нечего делать внутри парламента,— если не считать тех междупартийных потасовок, которые давно уже вошли в добрый обычай у итальянских парламентариев. Из этих потасовок представители различных фракций, однако, сами стараются выйти с честью, не прибегая даже к помощи полиции. «Романтики» типа Гранди прекрасно понимают, что официальный фашизм, войдя окончательно в благочести-

Кората. — Зал Народного Дома (1 мая 1921 г.).

вую семью буржуазных партий, на завтра-же вышвернет их на улицу.

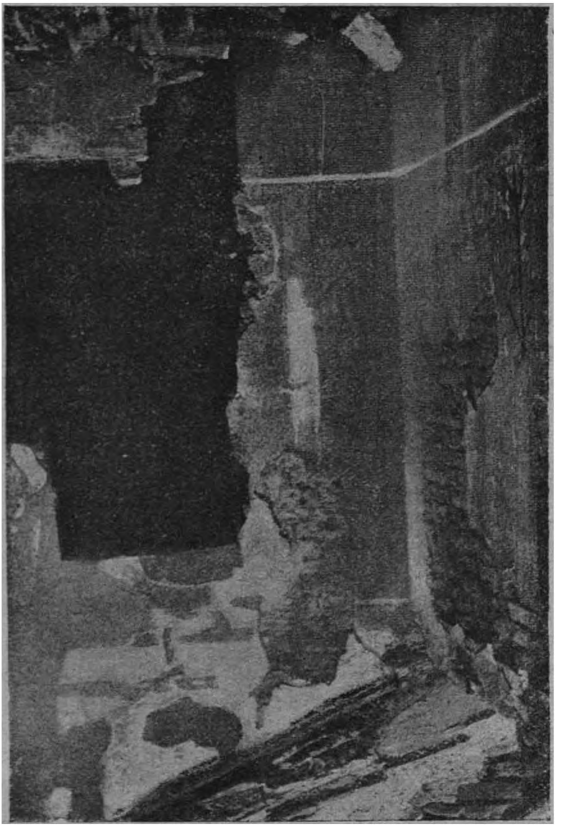
Муссолини показал, что в борьбе с домашней оппозицией он умеет расправляться не менее круто, чем в войне с безоружными социалистами. Из того спора, в котором Гранди доказывал, что фашизму нехватает еще строго-обоснованной идеологии для того, чтобы превратиться в политическую партию, и взывал к охране романтических основ первичного фашизма, победителем вышел Муссолини. «Fasci di combattimento» превратились в «Национальную

фашистскую партию», которая усердно—всеми правдами и неправдами—стала завоевывать себе место в Монтечиторио. С этого именно момента верный адепт Муссолини—П. Горголини и начинает мечтать вслух о молодом премьере, который будет прилетать в Монтечиторио, управляя собственным аэропланом и предоставив поверженному в прах Джиолитти ползать на носилках. Пока эта партия отличается от всех остальных буржуазных партий тем, что в ее распоряжении имеется— если и не великолепная, как привыкли утверждать враги и друзья фашизма, то хорошо экипированная армия, пользующаяся к тому же моральной и материальной поддержкой высшего командования регулярной армии. Муссолини не только хороший политик, но и стратег. Он понимает, что для успешной войны нужно иметь хорошо укрепленный тыл. Этим тылом, — как это ни странно, — служит та армия наемников, авантюристов и ослепленных людей, с помощью которой ему удается терроризировать и правительство, и конкурирующие с фашизмом другие буржуазные партии, и трудящиеся массы. Муссолини, идя упорно к намеченной цели,—каковой для него является, несомненно, премьерский портфель (а, м.-б., и корона Савойской династии, если судить по последней речи?!), решил добиться своего «не мытьем, так катаньем». Не порывая с романтиками-кондоттьери, он пока старается вести свою игру на два фронта; потерпев поражение в «культурной» парламентской борьбе,—он всегда сможет отступить в ряды бандитов и продолжать свое дело устрашения и политического шантажа.

Крупнейшим ударом по романтическому фашизму, нанесенным ему Муссолини, явилось предательство по отношению к беспокойному поэту д'Аннунцио, вырывшее пропасть между муссолинианским фашизмом и д'аннунцианским. Этот разрыв между обоими ветвями фашизма окончательно определился во время мартовских событий в Фиуме,—накануне созыва Генуэзской конференции.

Использовав тысячекратно знамя д'Аннунцио, на котором всегда красовались решительные слова: «Итальянское Фиуме», дав клятвенные обещания на тысячах собраний, во что бы то ни стало присоединить Фиуме к Италии, распевая одни и те же ирредентистские гимны с д'Аннунцио,—Муссолини покинул его в ту минуту, когда понадобилось оказать ему действительную помощь. «Гибкий ум» Муссолини подсказал ему, что, в случае открытого нарушения Рапалльского договора, дело придется иметь не с трусливым итальянским правительством, а с тем самым международным банковским консорциумом (во главе с американцами), в попустительстве которому он так горячо обличал Нитти. И Муссолини забил отбой. Именно в это время человек, умеющий, когда нужно, разыгрывать из себя Наполеона IV (весьма распространенное в Италии ироническое прозвище Муссолини), удостоился похвалы наиболее умеренных политических деятелей и самых прилизанных европейских дипломатов.

Напротив, беспокойный поэт со своими злосчастными легионерами стал мишенью их желчных насмешек. Так,—Ганс Барт, солидный и обстоятельный корреспондент «Berliner Tageblatt», писал об этом разрыве следующее. Отмечая тот факт, что экспансивные итальянцы на этот раз отнеслись к фиуманским событиям с чисто-северным хладнокровием, Барт говорит: «Вместе с солидным «Corriere della Sera», и фашистский вождь Муссо-



Гарласко Ломеллина. — Народный Дом, сожженный 10 апреля 1921 г.

лини, склоняющийся к реальному политическому мышлению, признал в своем «Popolo d'Italia», что ни нарушение Рапалльского договора, ни присоединение Фиуме к Италии невозможны». И он цитирует ряд мест из статьи Муссолини в «Popolo d'Italia», из которых наиболее характерное гласит:«Даже наиболее горячие националистические элементы Италии и Фиуме не помышляют о том, что политическое присоединение Фиуме к Италии воз-

можно. Оно мыслимо только при помощи итальяно-югославского договора. Вот почему Фиуме есть и остается независимым государством».

Прочтя эту статью, д'Аннунцио мог легко понять, что «догорели огни» их общих мечтаний,—и отшатнулся далеко влево от Муссолини. Насколько расхождение между сторонниками первого и второго зашло далеко в настоящее время, можно судить, например, по следующему сообщению в «Humanité» (от 10/X с. г.): «В Мотта Сан-Джиованни (находится в Калабрии) произошло крупное столкновение между фашистами и «ардити»—д'Аннунцио,—при чем трое последних убито, ранено же с обоих сторон—10 человек».

Освободившись от беспокойного попутчика и... конкурента, Муссолини, опираясь на последние успехи своих банд, быстро зашагал вперед, решив больше не скрывать своих истинных намерений. Кульминационным пунктом в этом отношении является его много нашумевшая последняя речь, произнесенная им 20 сентября с. г., в Удине, в день национального празднества. В этой речи фашизм устами реального политика Муссолини резко заявил о своей «воле к власти». Сразу, после блестящего смотра своих squadre, вождь фашизма повел в своей речи стремительную атаку на нынешнее правительство, раскритиковав заодно и слабого итальянского монарха, откровенно предлагая, в качестве заместителя, если не монарха, то премьера, свою собственную персону. Но речь эта интересна не только тем, что она представляет собой,—как сказали бы французы, — «dernier assaut», т.-е. решительный приступ в смысле попытки единым ударом покончить с прежним правительством. Она, кроме того, подводит итоги той завершенной эволюции фашистов, которую они проделали за 3½ года своего существования. Как мы увидим, предательство по отношению к д'Аннунцио не помешало ему еще раз тряхнуть древком фиуманского знамени; блестками романтического красноречия, по-прежнему, еще полна его речь, но трезвые политические устремления вождя просвечивают сквозь всю эту мишуру достаточно ясно. Речь, во всяком случае, стоит того, чтобы с ней ознакомиться подробнее, чем это можно было сделать по нашим агентским телеграммам. Приводим ее здесь в изложении правительственного официоза «Messagero» (22/IX с. г.).

Мы опускаем здесь подробное описание торжеств, военного смотра, развевающихся знамен фашистских организаций, звуков труб и фанфар,—всех тех эстетических приманок, которыми фашисты так любят привлекать к себе малосознательное мещанство, вырождающуюся буржуазную молодежь и любителей приключений. В этом году восторг бульварно-фашистских писак, по поводу смотра в Удине, превзошел всякие пределы. Правительственный «Messagero» постарался не отстать—в описании этих торжеств—от бульварной клаки Муссолини. Но, вот, наконец, после приветствий и оваций, вождь берет слово в помещении «Teatro

Sociale». Муссолини начинает с сетований на то, что об'единение отечества еще не достигнуто,—поскольку Фиуме и Далмация не присоединены к Италии. Рим — колыбель, в которой зародился дух новой истории Италии, но оратор не знает,—окажутся-ли фашисты достойными восприять и передать дальнейшим поколениям славные традиции императорского Рима. На первом плане у фашистов должна стоять дисциплина. Только тот, кто сам умеет повиноваться, имеет право, в свою очередь, властвовать. Что касается насилия, то оно вовсе не всегда является злом. Иногда оно представляет собою самое благодетельное средство. Тут Муссолини приводит ряд фактов из июльских и августовских событий, которые за 48 часов давали результаты, ранее требовавшие 48 лет мирной деятельности. Тем не менее, и в этих случаях необходимо соблюдать дисциплину,—не ту, которую внушают своим сторонникам демократы, требуя от них клятв и речей. Спорадических нидивидуальных актов насилия не должно быть. Не следует десятерым нападать на одного. Но насилие, примененное в необходимых случаях, безусловно является освобождающим (?) насилием. И, вообще, насилия, совершенные фашистами, окажутся невинной вещью, если их сравнить с тем, что проделали социалисты в Италии в 1918 г. или в России, обрекшей на гибель своих лучших сынов. Здесь Муссолини коснулся грустных столкновений, которые произошли в Таранто и др. местах между «голубыми» и «черными» рубашками. Он хотел бы верить, что эти единичные случаи не будут иметь дальнейших последствий. Националистов от фашистов отделяют лишь второстепенные разногласия. В Болонье, в Генуе и др. местах националисты всегда оказывали фашистам братскую помощь. Он верит, что обе партии, после взаимных об'яснений, придут к единению. Националисты должны понять, что у фашистов нет абсолютных тенденций. Своеобразный фашистский синдикализм не опирается на принцип классовой борьбы. Он не признает забастовок, а, напротив, стремится к сотрудничеству между рабочими и предпринимателями.

Оратор, переходя к оценке взаимоотношений фашистов с массами, резко заявляет, что он не разделяет демократического и социалистического обожествления масс. По его мнению, дело не в количестве, а в качестве. История знает случаи, когда незначительным меньшинствам удавалось вызвать к жизни глубокие социальные потрясения.

Здесь Муссолини, с неслыханным даже для него цинизмом, добавляет, что, «разумеется, не следует совершенно игнорировать народ, ибо последний доставляет сырой материал, из которого художник и лепит свой шедевр. Во всяком случае, масса должна представлять собой единое целое с нацией, сливаясь с ее историей». По мнению Муссолини, правящие классы Италии не находятся на должной высоте. С своей стороны, они не сделали ничего для того, чтобы Европа получила справедливый мир. Оттого, что интересы турецкой нации пришли в столкновение с интересами англичан,

было решено уничтожить турецкую империю. Именно потому, что Адриатический залив жизненно-необходим Италии, Англия и Франция решили отказать итальянцам в Фиуме и др. портах. Франция и Россия открыто поддерживали войска Кемаля-паши в борьбе против греков. В результате, — договоры, заключенные на периферияx, начинают лопаться. Можно опасаться, что, с пересмотром Севрского договора, подвергнутся изменению и другие договоры. Проникнутая торгашеским духом Англия, никогда не желающая проливать собственной крови для защиты своих интересов, постарается использовать для своих целей доминионы и Югославию.

«Между тем»,—восклицает оратор,—«в Италии есть славная армия, репутация которой, правда, пошатнулась, благодаря правящим буржуазным (?) министерствам. Есть у нее и фашистское войско, достойным образом оцененное в других странах, но только не нашими правящими политическими группами. Пора положить конец политике отказов. Италия должна, опираясь на фашистское войско, защищать свои права в области внешней политики. Итальянская буржуазия, которую правильнее было бы назвать джиолитианской буржуазией, имела свои заслуги. Теперь она должна сойти со сцены. Мы, фашисты, должны выступить с своей программой. В чем же она будет заключаться? Ее можно изложить в двух словах: «Мы хотим управлять Италией». В этом — наше credo, наши стремления. В Италии не было и нет недостатка в программах спасения. Но ей не хватает настоящих людей и необходимой воли. Мы, — новые люди,—и мы сумеем управлять новой Италией. Великую ответственность возложит этим фашизм на свои плечи. Ему придется напречь все силы своих мускулов. Если фашизм не сможет удовлетворить всех и будут недовольные, это неважно. Совершенство можно найти лишь в отвлеченных теориях философов».

По вопросу о монархии и республике вождь новых людей и новой Италии на этот раз заявил следующее:

«Мы подходим к щекотливому и сложному вопросу о политическом режиме».

И здесь Муссолини, пуская в ход все свои оппортунистические способности, всю свою ловкость и природную хитрость, пытается об'яснить самым невинным образом свою эволюцию в сторону монархизма. Он жалуется, что многое из написанного им было не так понято, многое — забыто:

«Часто бывает так, что некоторые утверждения оказываются неожиданным и для широкой публики. Да она и не обязана следить за медленными, подпочвенными превращениями беспокойного ума, пытающегося углубить, — каждый раз, в новых формах — все одни и те же проблемы. На самом деле, — происходит глубокая, интимная, порой трагическая работа. Вы не должны думать, что вождям фашизма чужда эта индивидуальная трагедия, и в особенности, тяжелая трагедия итальянского народа. Наши пресловутые,

«республиканские тенденции» явились ничем иным, как попыткой отделиться от многих элементов, примкнувших к нам тогда, когда мы победили. Эти элементы оказались не по душе нам. Фашизм должен с большой подозрительностью и зоркостью относиться к тем людям, которые всегда готовы впречься в колесницу победителя и охотно меняют свои знамена, если от этого может измениться к лучшему их благосостояние. Вопрос сводится к следующему: возможно ли глубокое превращение нашего политического режима, с тем, чтобы монархия оказалась нетронутой? Можно-ли обновить Италию, не ставя на карту судьбы монархии? Именно,— так можем поставить вопрос мы, фашисты, о нашем отношении к тому или иному политическому режиму. И этот вопрос мы разрешаем так: по существу, идеальный политический строй можно найти только в книгах философов. Я думаю, что греческое государство погибло бы, если бы вздумало применить в буквальном виде теорию Платона. Народ, благоденствующий в республике, никогда не помышляет о короне. Народ же, не привыкший к республиканским формам, всегда будет жаждать возвращения монархии. Сколько ни пробовали надевать на квадратный череп германцев фригийскую шапочку, немцы продолжают ненавидеть республику,—и потому, что она навязана Антантой, и потому, что они видят в ней чуждый им суррогат политического строя. Фашизм должен обновить конституционный режим. Мыслимо ли сделать это, не затрагивая монархического строя? Фашизм не может принять на себя каких бы то ни было априорных обязательств. Республиканская традиция в фашизме об'яснялась тем, что монархия в Италии не была достаточно монархичной. Я полагаю, что изменение режима может произойти, не затронув монархии, — поскольку она не будет противопоставлять себя фашизму. Сделав так, мы избегнем большого потрясения монархических традиций нашего народа».

Далее, Муссолини выступил с своими излюбленными поучениями на тему о том, что те или иные политические формы не могут рассматриваться «sub specie aeternetatis» (с точки зрения вечности), что в каждом отдельном случае нужно считаться с психологией и привычками народа, с его экономическим положением, культурным уровнем и т. д. В ответ на возглас одного из присутствовавших: «Да здравствует Маццини!», Муссолини поспешил напомнить, что великий республиканец,— когда это понадобилось для об'единения итальянского народа, — нашел возможным примирить свои взгляды с монархическими учреждениями. Конечно,— это не было его идеалом, но разве идеал, вообще, осуществляется в жизни?

«Мы, фашисты», — еще раз заявил Муссолини, — «оставим монархический режим за чертой нашей деятельности. Нам прий-

дется иметь дело с другими, более сильными врагами. Мы это сделаем еще и потому, что боимся вызвать во многих областях Италии недовольство революцией, которая привела бы к свержению монархии. Такое недовольство грозит нам зарождением сепаратистских, областнических тенденций. Очень многие из тех, которые сейчас недовольны монархией, на другой день после ее свержения, начнут жалеть о ней и, по различным сантиментальным поводам, ополчатся против фашизма. С моей точки зрения, у монархии, напротив, нет никаких оснований ополчаться против того, что зовется «фашистской революцией». Это не в ее интересах. Если бы она это сделала и очутилась бы в рядах наших врагов, — мы не могли бы пощадить или спасти ее, — ибо для нас этого было бы вопросом жизни или смерти. Мы требуем, чтобы сочувствующие нам не прятались в тени. Пусть приходят к нам при свете солнца. В наше время нужно иметь мужество, чтобы быть монархистом. Почему мы — республиканцы? В известном смысле, это происходит потому, что мы видим монарха, который является недостаточным монархом. Монархия могла бы олицетворить собой историческую преемственность Нации и тем выполнить прекраснейшую, неоценимую историческую задачу. С другой стороны, нам следует избегать того, чтобы фашистская революция поставила все на карту. Твердые основы должны быть оставлены нерушимыми. Нельзя создавать в народе такое впечатление, что все рушится, что придется все начинать сызнова,—ибо, в таком случае, за волной энтузиазма может последовать другая волна паники, которая захлестнет первую.

«Отныне все становится ясным. Мы уничтожим все социалистические и демократические надстройки. Мы будем иметь государство, которое станет выполнять свою природную задачу: оно будет представлять не партию, а весь коллектив нации, брать под свое покровительство всех, ополчаясь против тех, кто посмеет покуситься на его безусловный суверенитет. Но для этого необходимо усилить его. Государство, которое втечение 50 лет не сумело организоваться и укрепиться, не сумело дать отпор социалистическому засилью,—государство, которое не рискует и не умеет выпустить своей газеты только потому, что типографские рабочие об'явили забастовку, которое живет и действует среди вечных колебаний и проявлений слабости, о б р е ч е н о н а г и б е л ь. Такое государство рушится и падает, подобно опереточной декорации. Никакая политика немыслима, если государство не проникнуто духом жизни, сознания и силы».

Свою историческую речь Муссолини закончил прославлением,—как это бывает всегда в таких случаях,—теней героев, погибших в Удине, — и просьбой к своим слушателям проникнуться мужеством погибших соотечественников для новых фашистских побед.

Мы уделили этой речи столько места, ибо она является первой, в которой Муссолини, при всей своей склонности к софиз-

мам, с необычной ясностью обрисовал и истинную сущность фашизма. Она должна явиться откровением для всех, питавших еще какие-либо сомнения или иллюзии на его счет. Снисходительные критики должны окончательно убедиться в том, что своим «романтическим» подходом к анализу этого движения они лили воду на мельницу своих политических противников.

Речь Муссолини — откровенная декларация партии, которая хочет стать боевым авангардом социально-политической реакции в Италии. Вместе с тем, эта речь является наиболее красноречивым подведением итогов деятельности фашистов за время их существования в Италии. В переживаемую нами эпоху 3½ года — достаточный срок для того, чтобы притянуть к отчету любую политическую партию. Лучше самому снять маску с лица, чем дождаться, — пока ее сорвут с вас. Дальновидный вождь фашистов понял это и поспешил закрепить завоеванные позиции. Прежде всего, Муссолини понял, что последние победы фашизма сделали его достаточно сильным, чтобы он мог позволить себе роскошь отделаться, в первую голову, от ненужных и беспокойных попутчиков. И одним ударом он в своей речи — покончил с республиканцами. Правда, роман фашистов и республиканцев длился очень недолго, — при чем временную склонность к заигрыванию с фашистами проявило лишь крайне-правое крыло партии, которое целой пропастью отделено от левых республиканцев типа Ансальди и др. вождей, заигрывающих с социалистами и анархистами. Было, однако, время, когда эту пеструю, ублюдочную по своему социальному составу, партию связывали с фашистами: общее чувство недовольства «испорченной» победой, ряд патриотических обид и общая родословная, ибо фашисты до самого последнего времени ссылаются, как на своих учителей, на Мацини и др., республиканцев. Это было время, когда Муссолини заявил, что его идеалом является демократическая республика и даже с социалистическим оттенком,— добытая, однако, не теми путями, которые проповедуют социалисты и коммунисты, когда Д. Гранди заявил, что только сильная республика, пришедшая на смену подгнившей со всех сторон монархии, спасет Италию. Но уже в последнее время становилось очевидным, что «республика» в устах фашистов является лишь угрозой — тем или иным путем — добиться усиления государства, идущего на встречу интересам правых партий. Теперь Муссолини нашел излишней и эту словесную буффонаду,—и открыто об'явил себя монархистом. Отшвырнув в сторону попутчиков из лагеря правых республиканцев, Муссолини, вообще, порывает в этой речи со всеми попутчиками из промежуточных мелко-буржуазных партий. Отныне, — он открыто и публично признает своих подлинных хозяев: крупных аграриев и капиталистов. В его речи нет ни одного слова обещаний рабочим или крестьянам. О первых он упоминает лишь мельком, когда, в качестве заправского штрейкбрехера, ополчается против последней забастовки. Пришло

время,—когда нужно распроститься не только с звучными фразами о республике, но и с пересаженной на итальянскую почву «зубатовщиной».

В самом деле, — дальше обманывать трудящиеся массы Италии не приходится, — да и вряд-ли это удастся. За 3½ года существования фашизма не только трудящиеся массы Италии, но даже и те мелко-буржуазные элементы, которые по тем или иным мотивам были вовлечены в ряды фашистов, уже могли убедиться в том, что истинные вдохновители фашизма — крупные помещики, фабриканты и банкиры — умело использовали эти мелко-буржуазные элементы в своих целях. Руками этих элементов они сумели задушить на время социальную революцию в Италии, обессилить левые организации, обратить в рабство городских и сельских рабочих. Но что выиграли, в результате деятельности фашистов, сами эти мелко-буржуазные элементы, — особенно, те из них, которые искренно уходили в бой за интересы «нации», за благо обиженной и униженной Италии в целом?

Правда, те «сорви — головы» и авантюристы, которые принимают непосредственное участие в боевых дойствиях фашистов, оплачиваются за счет субсидий, щедро отпускаемых Муссолини владельцами латифундий, заводов и банков, — но что выиграла «Италия в целом», чего добился мелкий буржуа, всегда привыкший в Италии к скромной, трудовой жизни, чего добилась интеллигенция, на первых порах составившая из своих рядов авангард муссолиниянских банд?

Если взять «Италию в целом», ее международное политическое положение остается столь же плачевным, как и во времена Нитти. Фашисты не только не сумели оказать какого-либо давления в смысле изменения внешней политики Италии, но открыто предали ирредентистов и крайнего выразителя их стремлений — д'Аннунцио. Ее финансовое и экономическое положение не лучше. *По подсчету, произведенному проф. Ант. Грациаден, общая сумма внешних и внутренних займов, равнявшаяся в 1914 г.—13½ миллиардов лир, достигла в текущем году 186½ м-дов, т.-е. возросла на 1381%. Сумма выплачиваемых ежегодно интересов по займам, с 530 миллионов поднялась до 5 с лишним миллиардов,—т-е. возросла на 942%.* Итальянская лира продолжает с такой же стремительностью падать при Факта, как и при Нитти, и нет ровно никаких оснований ожидать, что стоимость ее подымется, как только Муссолини начнет, в качестве премьера, прилетать на своем аэроплане в Монте-Читторио. Подвиги Муссолини не увеличили, а уменьшили кредит Италии. Ее благодетели предпочитают «мирное экономическое проникновение» в страну заключению самых выгодных займов. И чем громче Муссолини кричал на площадях о преступных интригах Нитти с американцами и др., тем смелее и настойчивее англо-американский капитал проникал в Италию. Расшатанность государственных финансов отражается, прежде всего, на ее транс-

порте; местами, этот транспорт напоминает состояние нашего транспорта в 1919—1920 г. г., с той только разницей, что Италия ни с кем войны не ведет, если не считать набегов Муссолини внутри страны. Когда в Генуе Ллойд-Джордж, в одной из своих речей, произнесенных в Палаццо С.-Джоржио, красноречивым жестом указал на мертвое затишье в Генуэзском порту и сказал: «Эти пустые корабли нас и привели сюда, на конференцию!», он, действительно, уязвил итальянцев в самое больное место. Трудно придумать более выразительный символ расстройства итальянской торговли и промышленности. И если этот кризис обусловливается более глубокими экономическими причинами, имеющими общеевропейский характер,—усиление темпа его все же может быть отнесено и к заслугам бушующей фашистской орды перед своим возлюбленным «отечеством».

Итак, для «Итали в целом» фашизм не принес никаких благоприятных перемен, ни вне, ни внутри страны. Что же сказать об его благодеяниях для трудящихся масс? Разумеется, тот же фашизм, который откровенно заявляет, что он состоит на службе у аграриев и капиталистов, и что его задачей является усмирение взбунтовавшихся, под влиянием мировых последствий войны и, в частности, русской революции, рабочих и крестьян, может гордиться результатами своей деятельности. Взбунтовавшиеся рабы усмирены. Революция задушена. Рабочий класс вынужден уступить все завоеванные в период под'ема, позиции. Тяжкой угрозой над ним нависла безработица. Штрейкбрехерские отряды фашистов отнимают у него (особенно, в деревне) последнее оружие сопротивления — забастовку. Под страхом той же безработицы он вынужден работать за ту плату, которую ему дадут, и которая не достигает и половины его до-военного прожиточного минимума. Сокращение промышленности, с одной стороны, фашистский террор, уничтоживший почти всякую возможность сопротивления,— с другой, значительно понизили тот престиж, которым пользовался раньше в Италии городской пролетариат. Рабочий превратился в забитого, бесправного раба. Немногим лучше и существование тех слоев мелкой буржуазии, особенно мелкобуржуазной интеллигенции, из которых фашизм черпал своих попутчиков. Мне пришлось беседовать с группой молодых инженеров, и я подробно распросил их обо всем, что касается условий оплаты их труда и вообще материального существования. Некоторые ответы поразили меня. Можно было подумать, что они даются не в Италии, весной 1922 г., а в России, переживавшей революцию, в 18 или 19 г. Молодой инженер, очень способный и энергичный, служит в Турине на газовом заводе и получает 1200 лир в месяц. Он—не один, у него семья, которая не может себе найти заработка. На мой вопрос, каким же образом, они ухитряются существовать, он мне ответил: «Если у вас была свою квартира до войны, вы еще кое-как проживете; но если вам нужно теперь снимать квартиру,—вашего бюджета не хватит». Как же живут рабочие в городах, из которых самые квалифицированные—печатники, «выгоняют», при помощи сверхурочной и срочной работы, до 500 лир

в месяц? Как перебивается нищенское студенчество—выходцы из трудящихся классов и даже мелкой буржуазии, учительство, мелкое чиновничество, торгово-промышленные служащие, среди которых также свирепствует безработица?

К фашистам на даровые хлеба, за разбойное ремесло, из них могут пойти только отщепенцы. Студенческие банды, которыми так гордятся фашисты, состоят, по преимуществу, из богатых помещичьих сынков. Их очень много, например, в миланском политехникуме, где число их доходит чуть ли не до ¾ всего состава. Зиму они посвящают науке, а весной и летом, с палками и револьверами в руках, организуют карательные экспедиции для усмирения с.-хозяйственных рабочих в имениях своих отцов.

Мелкая буржуазия, как класс, ничего не выиграла от фашизма. Рано или поздно, выходцы мелкой буржуазии, находящиеся в рядах фашистов, поймут это и уйдут от них. Отшатнутся и все «путанные головы», идеалистически настроенные мещане, возомнившие одно время, что фашизм, действительно, призван сыграть высоко-патриотическую роль и спасти Италию. И этот процесс отрезвления уже начинается. Несмотря на свои внешние успехи, фашизм начинает внушать все больше и больше отвращения не только пролетариату и крестьянству, но и многим выходцам из промежуточных классов.

Испугавшись революции, мещанство и благонамеренное чиновничество в первый момент охотно протянули руку помощи восстановителям порядка—фашистам. Но теперь, когда порядок торжествует в Италии и когда дикое, разнузданное насилие превращается в узаконенную профессию фашистов, его грубость и варварские приемы начинают вызывать все больше и больше возмущения вокруг. Дискредитированию фашизма в широких кругах итальянского населения значительно содействовали события в Равенне и др. местах, в сентябре 1921 г., когда фашисты решили сделать своим единомышленником... великого Данте и годовщину поэта об'явили национальным фашистским празднеством, сопровождавшимся рядом гнусных насилий над мирным населением, приказами снимать шапки перед фашистскими кортежами, жестоким избиением непокорных и, как всегда, разгромом социалистических групп, рабочих кооперативов и крестьянских лиг. В этот день, по свидетельству левых газет, имя Данте для многих забитых и неграмотных рабочих и крестьян, в пострадавших местностях, стало страшным и ненавистным, ибо им были освящены фашистские безобразия! Их грубые, кровожадные песни, в которых на все лады воспеваются палки и розги, их подлые приемы расправы именно этими орудиями. особенно унижающие человеческое достоинство (сколько раз избиваемые рабочие или попавшие в их лапы учащиеся-подростки умоляют фашистов лучше убить их, чем подвергать этому унизительному наказанию!), не могут не вызвать, наконец, отвращение в сердцах и умах тех, у которых нет ни фабрик, ни имений, ни банков,—всего того, что с таким остер-

венением и варварством старается защищать крупная аграрная и промышленная буржуазия.

Реальный политик Муссолини, а с ним и наиболее трезво мыслящие его соратники, не могли, в конце концов, не понять, что, с неизбежным падением искусственного ореола фашизма в глазах мелкой буржуазии и части ослепленных и запуганных трудящихся масс, ему уготована лишь одна участь: открыто стать сторожевым псом итальянских помещиков и капиталистов, — «милицией класса», — как правильно называет фашистов де-Фалько. Он понимает, что нельзя повернуть к средневековью такую, действительно, культурную страну, как Италию, нельзя узаконить и увековечить в ней господство дубинки. «Варфоломеевская ночь» против фашистов — становится все более и более излюбленной мечтой итальянского пролетариата, открыто высказываемой левой печатью, задушить которую бандам Муссолини не удалось и не удастся, несмотря на разгромы редакций и избиение сотрудников. Он понимает, что фашизм сыграл колоссальную роль в деле воспитания итальянского пролетариата. Итальянский рабочий или батрак видит теперь ясно, — не по брошюрам анархистов, — какой помощи он может ждать себе от государства, от буржуазного парламентаризма или предательского социализма Туратти или д'Арагоны. Если в Италии временно победила контр-революция,— это не значит, что рабочий не извлечет из этой мрачной полосы существования нужных уроков для своего дела, своей победы— победы социальной революции. Необходимо, как мы уже указывали это не раз, в деле борьбы с фашизмом тесное единение всех истинно-революционных элементов, и в первую голову, анархистов и коммунистов, и победа это, может-быть, окажется не такой уже отдаленной.

Опасность угрожает и с другой стороны: Муссолини не верит в благодарность правящих классов. Теперь, когда революция задушена в Италии, а о фашизме с тревогой начинают поговаривать не только в Италии, но и заграницей,—в один роковой для него день правящие классы, — за чей счет живут и действуют он и его банды, — могут обратиться к нему с указанием на то, что пришла пора сложить оружие и перейти к мирным формам эксплоатации и порабощения трудящихся.

Государство может позволить себе выйти из рамок законности только тогда, когда этого требует необходимость, когда оно встревожено за участь и благополучие имущих, но оно не может узаконить режим о т к р ы т о г о насилия и произвола, не рискуя подорвать своего авторитета и всей лицемерной идеологии, оправдывающей его существование в глазах одураченных масс.

Своей последней речью Муссолини показал, что он не хочет сыграть роль мавра, которому указывают на дверь после того, как он совершил свое грязное дело.И он торопится закрепить свое положение, покуда за его спиной стоят еще фашистские «squadre» с развевающимися знаменами и барабанами. Он требует честной

расплаты с ним. «Наша программа,—заявляет он,—отныне сводится к двум словам: фашизм хочет управлять страной».

Запрошено, разумеется, много, но свои люди сумеют сговориться.

По последним телеграфным сообщениям, на очередном Неаполитанском конгрессе—при звуке фанфар и оваций—Муссолини пред'явил свои требования правительству Факта: роспуск парламента, перевыборы и предоставление 4 портфелей фашистам: морского и военного министров, труда и общественных работ. Надо полагать, что это известие несовсем точно, ибо в числе портфелей, требуемых фашистами, нет портфеля иностранного ведомства. Вопрос другой,—что смогут сделать в этой области фашисты, но вся их напыщенно-патриотическая трескотня обязывает их к такому требованию.

Банкротство фашизма во всех областях и его внутренее разложение могут быть только ускорены надвигающимися событиями. Слившись с остальными буржуазными парламентскими партиями, а, может-быть, кое в чем договорившись и с реформистами, он бесславно закончит свое существование, вписавшее самые мрачные страницы в историю трудящихся масс Италии. Но надо надеяться, что заслуги его и его вождей не будут дабыты в тот день, когда восставший итальянский рабочий, разорвав опутавшие его со всех сторон сети насилия, лжи и предательства, выпрямит свою согбенную, исполосованную спину...

XIV.

Международный фашизм.

То, что за последнее время публицисты разных стран окрестили названием международного фашизма, заслуживает, конечно, особого рассмотрения. Но и в своем обзоре итальянского фашизма мы не можем совершенно его обойти, ибо сопоставление его с итальянским поможет нам выявить некоторые специфические черты последнего.

Что же представляет собой фашизм в международном масштабе? Пользуясь наиболее удачным определением Л. Фаббри (хотя и неуклюжим в русском переводе), международный фашизм представляет собой попытку имущих классов разных стран организовать «превентивную контр-революцию» или что одно и то же: предупредить социальную революцию. Разумеется, капиталистам всех видов и стран известно, что эту же задачу преследует государственный аппарат каждой буржуазной страны, представляющий все свои силы в распоряжение имущих классов для защиты их привиллегий от посягательств со стороны трудящихся масс. Творцы международного фашизма находят, однако, что этот аппарат действует недостаточно энергично и редко отличается дальновидностью. В этом убедил их опыт последних революций в Европе и рост революционного движения в различных странах. Кроме того, «легальная» идеология государства, на котором покоится весь его авторитет, не удовлетворяет их. Они задыхаются в рамках даже той призрачной законности, соблюдение которой им навязывает государство. Опыт последних революций научил их тому, что одних легальных средств для предупреждения социальной революции недостаточно. Опыт Муссолини в Италии показал, с другой стороны, что в рамках современного государства, при явном попустительстве и даже поддержке со стороны его органов, может великолепно существовать и действовать любая разбойничья орда, прикрывшаяся именем политической партии, если только деятельность этой орды направлена к охране привилегий имущих классов.

Таким образом, задачей международных фашистских организаций является предупреждение всеми законными, и особенно незаконными средствами, нарастания революционного движения и возникновения социальной революции в соответствующей стране.

Франции и Америке—при беглом обзоре всех стран, где «фашизм» за последнее время сильно поднял голову,—принадлежит честь в этом отношении следовать сейчас же за Италией. Фашистская идеология, насквозь проникнутая гнилым и лживым национализмом, обычно выливающаяся в форму истерических выкриков о патриотическом долге и гражданских добродетелях, а на самом деле, сводящаяся к жестокому удушению всякого революционного брожения в рабочем классе, особенно родственна современной Франции, упоенной своим реваншем и ставшей официальным оплотом международной реакции. Есть много общего в экономических последствиях «победы» для Италии и Франции. Националистическая пресса обоих «латинских сестер», живущих между собой далеко не в ладу, переполнена одинаковыми истерическими воплями о предательстве союзников и об «испорченной» победе.

Еще в 1906 — 7 г.г., в период усиления революционно-синдикалистского движения ,мне бросилось в глаза быстрое нарождение особого течения в изящной французской литературе. Это течение можно было бы окрестить социально-консервативным.

В целом ряде художественных романов потомки версальских «героев», затопивших в крови Коммуну, напуганные ростом революционного сознания во Франции, начали ставить социальную проблему, во всей ее современной остроте, разрешая ее в духе самой свирепой классовой борьбы. И если более старое поколение, в лице Жоржа Онэ и др., еще покоясь на лаврах версальских побед, выводило в своих романах изящных и благовоспитанных фабрикантов, умевших выходить победителями из борьбы с рабочими при помощи легальных средств,—моральным развращением «рабочей верхушки» и поощрением штрейкбрехерства,—то новые требовали иных более кровожадных мер. Я помню один из этих «социальных» романов (кажется, М. Тинэйр), поразивший меня своим необычайным цинизмом. Это было время, когда, рядом с усилением революционного синдикализма, шла лихорадочная перестройка рядов и в лагере капиталистов, когда стачечное движение вызвало к жизни десятки крупных предпринимательских синдикатов и трестов. За изящной завесой банальной фабулы, автор открыто проповедывал провокацию гражданской войны во Франции. Капиталистам нечего опасаться пролетарских организаций. Силы последних гораздо слабее, чем принято думать. Если капиталисты возьмутся, как следует, за дело и сумеют вызвать попытку повторения Коммуны, они задавят рабочие батальоны, не прибегая даже к помощи государства. Капиталистам нечего надеяться на правительство, способное вступать в разные подозрительные махинации с социалистами, им нужно расчитывать на свои собственные силы. С этой целью нужно соответствующим образом воспитывать буржуазную молодежь. Автор с цинизмом отмечал неизбежное физическое вырождение пролетарской молодежи в условиях капиталистического общества. Труд и голод сделали ее хилой, невежественной, трусливой. Буржуазной молодежи, сытой и образованной, отдающей много времени спорту всех видов и, несомненно, в физическом отношении

превосходящей рабочую молодежь, — принадлежит несомненная победа в первой же схватке с пролетарской «сволочью». Нужно только поспешить с организацией молодежи на военных началах, спровоцировать столкновение с рабочими, — и победа обеспечена. Рабочее движение будет затоплено в крови, и благородная Франция сможет отдать свои лучшие умы и силы более возвышенным задачам.

Уже в то время эти романы были знамением времени. Они предвосхищали идеи Муссолини, и были первой, ранней ласточкой фашистской весны. Военно-патриотический угар и жажда реванша отвлекли на время благородные умы от внутреннего врага, но сейчас же после войны, семена эти дали обильные всходы. Организованные штрейкбрехерские синдикаты во Франции носят название «unions civiques». В настоящий момент они об'единены в «Национальную Конфедерацию гражданских союзов», вербующую своих членов приблизительно из тех же слоев населения, что и банды Муссолини. Из их устава [1]) мы узнаем, что они ставят своей скромной гражданской задачей «обеспечение, в случае революционной забастовки, правильного функционирования государственных и общественно-необходимых предприятий». Разумеется, они не отказываются и от «охраны свободы труда» во время забастовок на частных предприятиях, и от всяких других форм прямой и откровенной защиты капитала. Эта скромная организация успела уже проявить себя в ряде забастовок. Основные кадры штрейкбрехеров этой «Конфедерации» сосредоточены в крупных центрах, откуда, в случае надобности, командируются в более мелкие местности. Так, во время газовой забастовки в г. Вьенне (Изер) «гражданские союзы» прислали немедленно отряд своих штрейкбрехеров из Лиона, который и сорвал ее. Истинный характер этой организации разоблачается подробной анкетой, которую должен заполнить всякий вновь поступающий. В ней перечисляется самым тщательным образом около сотни всяких профессий и ремесел, вплоть до санитарной службы на случай столкновения с забастовщиками, и анкета должна определить, в какой области член союза сможет приложить свои способности и знания, когда этого потребует «гражданский долг». За спиной этих легальных штрейкбрехерских профсоюзов, по данным, которые имеются в распоряжении революционных синдикатов, в настоящее время организуется регулярная армия, на подобие фашистской. Замечательно, что председателем гражданских союзов Франции в настоящее время состоит генерал действующей армии Бальфурье, сменивший другого генерала Байу, умершего в 1920 г.

Военная сила этих фашистских союзов Франции уже такова, что она становится фактором, которым открыто хвастают роялисты, вроде Леона Додэ [2]).

---

[1]) Опубликован в «La Vie Ouvrière», 2 июня с. г.

[2]) В своей статье, намеченной в «Action Française» и озаглавленной «Уроки фашизма», Додэ недавно писал:

Замечательно, что в Бельгии, в которой «Гражданские союзы» организованы по образцу французских, во главе их стоит тоже генерал, числящийся на действительной военной службе (см. интересную статью Девиня в «Peuple» от 23/VIII с. г.).

В С. Америке фашизм, по типу, больше всего приближается к французскому. В нем так же резко, без всяких фиговых листков, выражена классовая идеология его вдохновителей. По большей части, это — шайки, состоящие на постоянной службе у тех или иных могущественных трестов. Но в Америке, космополитически-плутократической республике, где классовая борьба обнаженнее, чем где бы то ни было, и методы действий этих организаций превосходят далеко по своему цинизму деятельность гражданских союзов Франции. Существует огромная, грязная литература, отравляющая своим зловонным дыханием миллионы отупевших американских мещан крупного и малого калибра, а также наиболее отсталые слои рабочих, в которых превозносятся до небес подвиги негодяев и провокаторов из знаменитой «Ku Klux Klan» и др. фашистских шаек. Кинематограф — это мощное орудие американской «культуры»—конечно, не отстает от продажных газет и бульварных романистов, отравляющих сознание порабощенных масс восхвалением подвигов их душителей. В противовес всей этой безбрежной, грязной макулатуре следует противопоставить прекрасный роман Синклэра «Сто процентов», с точностью хроники описывающий подлую работу и нравы крупно-капиталистического фашизма Америки.

Фашизм имеет успех и в трех скандинавских странах. Подвиги белогвардейских банд Маннергейма в Финляндии еще в памяти у всех. Фашисты (под именем «шюдскоров») начинают показывать зубы в Швеции и Норвегии.

Немало места посвятила европейская пресса за последнее время разоблачениям связи, существующей между Муссолини, с одной стороны, и венгерскими и германскими реакционерами, с другой. В свое время «Волей России» были опубликованы снимки с документов, устанавливающих непосредственную связь Муссолини с русскими. Между прочим, от этой последней связи настойчивее всего отказывался Муссолини. Он дошел до того, что в «Popolo d'Italia» категорически заявил, что, если кем-либо будет доказана его связь с монархистами, он готов отказаться от всякой политической деятельности. Можно

«Нам, может быть, и не следует давать сигнала к заключительной битве внутри страны, в момент, когда патриот — хотя и республиканец—Пуанкарэ делает все возможное, чтобы исправить положение, созданное продажностью Бриана и слепотой Мильерана. Мы отвечаем презрительным молчанием на вой своры, вожаки которой шарахнулись бы в сторону при первом ударе бича. Из этого не следует, однако, что мы не знаем сил, уже организованных и организуемых в данный момент, которыми мы располагаем, или что мы будем всегда склонны проявлять такое же терпение. Подобно древнему консулу,— мы несем в складках нашей тоги—мир или войну. Этого предупреждения достаточно».

надеяться, что, после своего выступления в Удине, Муссолини в этом вопросе потеряет известную долю стыдливости. Что касается венгерских черносотенцев, то всем известно было о прибытии к Муссолини делегации знаменитого «Союза Возрождения Венгрии», принесшей ему благодарность от венгерских учеников, и просившей инструктировать ее о способах организации армии, на манер муссолинианской.

По последним сведениям, в Варшаве образовался первый отряд фашистов из местной университетсткой молодежи, гордо присвоившей себе наименование фашистских банд. В отряд вступило 60 человек, желающих обучаться военному искусству для борьбы с рабочими, которых, по их мнению, недостаточно усмиряет «социалист» Пилсудский, сам по своей психологии имеющий немало общего с Муссолини. Польские «фашисты» вышли, как передают газеты, целиком из рядов «народовой демократии». О нарастании фашистского движения,—копируемого с итальянского образца,—сообщают также из Испании, Румынии, Швейцарии.

Труднее всего причислить к фашизму деятелей германской реакции. Разумеется, конечные цели не отличаются ни у «Оргеша», ни у других реакционных банд от целей Муссолини и Гранди. Но мы надеемся, что все сказанное нами об итальянском фашизме поможет читателям разобраться в разнице между теми и другими. Дело в том, что и международное, и внутренее положение Германии значительно отличаются от политических условий, в которых живет Италия. Германский национализм в значительной мере питается агрессивным шовинизмом Франции, стремящейся к порабощению немцев, в то время как национализм итальянских фашистов сам преследует (правда, менее удачно) агресоивные цели. Это обстоятельство создает известную путаницу понятий и несоответствие идеологических надстроек над одним и тем же по существу экономическим базисом. Вот почему германские фашисты убивают Ратенау в то время, как в Италии сам Ратенау, конечно, не побрезгал бы обратиться к шайкам Муссолини для защиты привилегий крупного капитала. Кроме того, трудно сравнивать и положение социалистов, которые в Германии, сами находясь у власти, ведут ожесточенную борьбу с коммунистами в то время, как в Италии и те, и другие стонут под пятой фашистского террора.

Разумеется, приведение в соответствие идеологических надстроек и единого экономического базиса, при современной запутанности международного положения, требует различного времени и различной обстановки в отдельных европейских странах. Можно, однако, не сомневаться, что при каждой попытке к восстанию в любой стране революционный пролетариат встретится с бешеной попыткой имущих классов оказать ему сопротивление всеми доступными средствами.

Но зато фашизм окончательно похоронил идею законности и разоблачил в глазах пролетариата фетиш государственности, вскрыв до конца его ветхозаветную, лицемерную идеологию.

В этом — положительная сторона его уроков.

В особенности, ему могут быть благодарны анархисты за то, что он обновил и воскресил в глазах трудящихся масс могучий принцип прямого действия, всегда составлявший краеугольный камень анархистского учения. Под давлением дальнейших предметных уроков фашизма, надо верить, произойдет об'единение крайних левых для активного отпора позорному насилию нынешних рабовладельцев. Освобождение Италии от гнусного ига фашизма становится вопросом чести для трудящихся всего мира. Борьба с ним приобретает глубокое символическое значение для анархистов и коммунистов, одинаково ставящих своей задачей — ускорение победоносной социальной революции в мировом масштабе.

XV.

Захват власти фашистами.

Книга эта была уже набрана, когда телеграф принес известие о том, что правительство в Италии перешло в руки фашистов. Невозможно обойти молчанием этого события, даже в таких условиях, когда приходится о нем писать при чтении корректуры.

Итак, прогноз наш имел под собой основание. Речью в Удине Муссолини недвусмысленно наметил и даже приложил дорогу к своей цели. В фашистском движении произошла своеобразная «смена вех»: от коллективных погромов и единичных грабежей, которые Муссолини в своей речи скромно именует «индивидуальными актами», фашизм переходит к управлению страной. Предательство, ставшее классической чертой итальянских политических партий, сыграло свою роль и на этот раз. Народно-католическая партия, ведшая до последнего времени непримиримую борьбу с фашистами и этим заслужившая известные симпатии в рядах трудящихся масс, переменила фронт и помогла, вкупе с националистами и демократами, Муссолини сформировать министерство. Разумеется, эта измена вряд ли имела решающее значение. Если бы «пополари» отказали Муссолини в помощи, ему пришлось бы вручить портфели еще паре бесцветных личностей из разряда второстепенных звезд фашизма. Все дело, разумеется, в депрессии, охватившей всю страну, и в изолированности и разобщенности крайне-левых партий, не сумевших оказать отпора искусному авантюристу. Психологическая реакция в широких слоях населения помогла Муссолини еще раз «подавить» их испуганное воображение призрачной численностью своих войск.

С этой точки зрения, большой интерес представляет собой обстановка, в которой Муссолини удалось совершить свое по-истине мексиканское пронунциаменто. В итальянской анархистской прессе за последние 2 недели уделено немало места подробностям событий, готовившихся в Неаполе, где, как известно, фашистский конгресс и принял решение пред'явить правительству Факта ультимативное требование о передаче власти Муссолини. Уже в номере от 21/X «U m a n. N o v a имеется любопытная корреспонденция из Неаполя, иронически-озаглавленная: «Концентрация фа-

шистских войск в Неаполе и... старания правительства о том, чтобы она блестяще удалась». Уже одно это заглавие проливает достаточно света на разыгравшиеся в Неаполе события. Пронунциаменто произведено при несомненном попустительстве двуличного Факта, верного ученика Джиолитти, беспрекословно выполняющего волю пославшего его... в министерство. Опытная рука старого провокатора, несомненно, решившего—в тиши своего кабинета отставного премьера,—что пришло время прибрать к рукам фашизм после того, как фашистские банды усмирили социалистов, ясно видна во всех событиях, сопровождавших переход власти к Муссолини.

Но вернемся к событиям в Неаполе.

С благосклонного разрешения правительства,—сообщает корреспондент,—на 24 октября в Неаполе назначен «колоссальный» фашистский парад, на который прибудет около 30.000 членов фашистской партии. Ожидается такое же количество фашистских войск. По сведениям корреспондента,—в самом Неаполе насчитывается всего... 200 членов фашистской организации. Разумеется, главарям прийдется созвать своих последователей из самых отдаленных пунктов юга и севера. Правительством представлен в распоряжение фашистов ряд специальных поездов. В остальных поездах они пользуются правом льготного проезда со скидкой в 60—100%. Неаполитанский муниципалитет реквизировал для нужд фашистского с'езда ряд школ и др. общественных зданий. Корреспондент сомневается в том,—прибудет ли, на самом деле, 30-тыс. фашистское войско, но, во всяком случае, и правительству, и Муссолини выгодно распространять такие слухи,—на тот случай, если неаполитанское население пожелало бы стряхнуть с себя иго местных и привозных фашистов. Само собой разумеется, прибытию именитых гостей предшествуют бесконечные обыски, аресты и высылки «sovversivi». Действия властей корреспондент об'ясняет тем, что «фашист должен иметь возможность убивать не только безнаказанно, но и быть уверенным в том, что ему прийдется иметь дело только с слабыми, обезоруженными элементами».

Итак,—среди всеобщей паники населения, сопровождавшейся полным из'ятием элементов, способных оказать сопротивление, состоялся в'езд Муссолини «на белом коне» в Неаполь. Остальное—известное из газет.

Даже отрывочные телеграфные сообщения дают возможность судить о том, что дела нового диктатора Италии—уже на первых порах—идут не особенно блестяще. Во-первых, в свой кабинет Муссолини не удалось не только получить ни одного серьезного министра из рядов других деловых партий,—в его кабинете нет ни одного крупного фашистского имени. Нет ни одного представителя оппозиции, не слышно имен Гранди и д'Аннунцио. Об'явлена ли решительная война погромному «романтизму» или романтики оставлены в тылу,—на случай необходимой подмоги,—об

этом пока еще трудно судить. Газеты, вообще, переполнены противоречивыми сообщениями. Особенно не приходится верить якобы замышляемым Муссолини авантюрам в области внешней политики. У нового диктатора Италии много забот, в связи с внутренним положением в стране. Оздоровить финансы, дать работу безработным и, особенно, найти кредиты заграницей — много сложнее, чем разгромить даже 60 беззащитных общин в какой-нибудь Полезине. Во-вторых, именно, в области внешней политики Муссолини приходится на первых-же порах столкнуться с исключительно-тяжелыми препятствиями. Три посла: Сфорца—в Париже, Фраccати—в Берлине и Риччи—в С.-А. Штатах уже заявили о своей отставке. В уходе последних двух ясно видна рука старого Джиолитти. Оба посла находятся под сильнейшим его влиянием. Можно не сомневаться, что, с уходом Риччи, завязавшим весьма прочные связи в Америке, Муссолини теряет последнюю надежду на улучшение итальянских финансов. Все выкрики и разоблачения Муссолини, направленные против Нитти, не исключают того факта, что спасение расстроенных итальянских финансов может прийти только из далекой Америки...

Переворот, произведенный с феерической быстротой, позорная (если не притворная!) капитуляция правительства Факта, шум и гром фашистских литавров,—все это на первых порах, разумеется, затрудняет анализ положения. И все-же,—за всей этой декорацией, даже слепым видна проворная рука бессменного правителя Италии — престарелого Джиолитти, над носилками которого, быть может, несколько преждевременно иронизировал в своей статье фашист Сетимелли. Мечта бравого публициста и соратника Муссолини временно осуществилась. Молодой премьер из прославленных погромщиков, быть может, уже летает на своем аэроплане в Монтечитторио, но не посмеется ли над ним в ближайшем будущем Джиованни Джиолитти, оказавший ныне фашистскому вождю поддержку, несомненно, для того, чтобы, изолировав и обезоружив его политически, сказать ему затем: «Tu l'as voulu, Georges Dandin!».

Фашизм, расцветший в тине погромов и убийств и пожелавший взвалить на свои плечи тяжесть государственного управления, либо погибнет под этой ношей, либо поделится ею с прославленным политическим фокусником, сумевшим сначала руками фашистов уничтожить сильных врагов из левого стана с тем, чтобы, затем, покончить с мавром.

Мы глубоко верим в то, что решающее слово в ближайших судьбах Италии скажет ее рабочий класс. Разумеется, если даже хозяйничанье Муссолини в стране продолжится несколько месяцев, оно вызовет новый разгром революционных партий. Сердце сжимается болью и тревогой за тех товарищей, которые не успеют уйти в подполье. Но, одновременно с печальным известием о воцарении Муссолини, до нас дошли и другие вести, указывающие на пробуждение сознания в рядах революционных партий Италии

даже в это тяжкое время. Последняя почта принесла сообщения об усилившемся в рядах пролетариата движении в пользу активного отпора насильникам и об'единения усилий всех крайних левых партий. Газеты, пришедшие с этой почтой, пестрят воззваниями вождей arditi rossi, призывающих к сплочению рядов, а также сообщениями об образовании в различных центрах особых «Comitato di Difesa» («Комитетов самообороны»). Главная инициатива в этом деле принадлежит пармским товарищам.

О настроении пармского пролетариата можно судить по следующему воззванию, опубликованному Ц. К. «arditi rossi» в момент, когда ожидалось наступление фашистов на Парму:

«Рабочие, товарищи и сочувствующие!

«Фашисты готовят вторичное нападение на Парму. Присутствие в городе многих посторонних и их провокационное поведение ясно свидетельствует об этом.

«Как показало уже прошлое, власти окажутся неспособными гарантировать населению неприкосновенность. Поэтому, — все обязаны сами приготовиться к священной защите своей жизни.

«Нападающему врагу мы противопоставим единый пролетарский фронт,—живую стену человеческих тел, через которую ему будет трудно проникнуть.

«Все обязаны внушить себе строгое соблюдение дисциплины.

«Перед лицом врага наше войско должно быть об'единенным, тесно спаянным и проникнуто одной волей.

«Пролетариат Пармы не хочет подчиняться власти палок.

«Пролетарский солдат, умеющий сражаться за дело свободы, не сдается и не отдаст оружия. Пусть враг пройдет по нашим трупам.

«Не отдавайте ваших домов,—разрушайте их лучше сначала!

«Оставайтесь каждый на своем посту, в ожидании приказов!

Ц. К. «Arditi del Popolo».

Такие же призывы опубликованы римской секцией «Arditi», секцией в Лацио и др. районах. Анархистские ячейки Рима об'являют о предстоящем переформировании и смотре военных отрядов. Воззвание «Римского Комитета защищы» подписано всеми левыми политическими партиями, Камерами Труда, синдикатами и т. д. Разумеется, дело не обходится без полемики. «Avanti» рекомендует стараться вовлечь в общую борьбу против фашистов и фашистские синдикаты,—с тем, чтобы их склонить на свою сторону. «Umanità Nova», резко отвечая на это предложение, прилагает все усилия к тому, чтобы разоблачить легенду об оппозиционном настроении фашистских синдикатов по отношению к их вождям: на самом деле,—фашистские синдикаты—верные слуги капиталистов. В органе коммунистов-синдикалистов «Il Sindacato Rosso» (21/X.—22) напечатаны две статьи, посвященные необхо-

димости создания левого революционного блока для борьбы с фашистами; анархисты приглашаются принять в нем участие. На конгрессе «U. I. A.» (Итальянский Союз анархистов), в ответ на призыв Пармского Комитета Защиты, принята резолюция, приглашающая весь пролетариат Италии последовать призыву и об'единить свои ряды для борьбы с проклятым врагом. Коммунистическая «Ordine Nuovo» сообщает о прошедшем с громадным под'емом в Милане собрании всех левых элементов синдикатов. Основной доклад был сделан коммунистом Релосси, предложение которого о создании левого революционного блока было встречено шумным одобрением и со стороны анархистов и революционных синдикалистов.

Вся эта лихорадочная деятельность (увы, значительно запоздавшая) по созданию единого левого блока в Италии—где еще недавно проповедь сближения анархистов и коммунистов встречалась с насмешкой обоими враждующими сторонами—началась,— как только в воздухе запахло предстоящим фашистским переворотом. Гроза разразилась раньше, чем левые приготовились к отпору. И все-же идея левого революционного блока не будет похоронена. В предстоящий тяжкий период полулегального, в лучшем случае, существования она поможет революционерам дружнее отстаивать свое человеческое достоинство. В дальнейшем, она поможет итальянскому пролетариату, обманутому демократией и преданному — перед лицом всего мира — лживой, продажной интеллигенцией и лицемерными Тартюфами реформизма и парламентаризма,—сбросить иго капитала и государства, вскормивших гнусное фашистское движение для удушения трудящихся. Есть что-то глубоко-трагическое в этих двух крупных неудачах рабочего движения в Италии за последние два года: провал сентябрьского движения в 1920 г., которое могло бы вылиться в победоносную революцию, и запоздавшие теперь призывы к об'единению усилий левых в борьбе с фашизмом. Но надо верить, что обе неудачи эти лишь усилят зоркость итальянского пролетариата, укрепят его волю к борьбе, еще заманчивее сделают для него перспективу полного освобождения от всех многочисленных пут современного паразитического строя, ярко олицетворяемого диким фашизмом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступление . .	3
I. У фашизма нет собственной идеологии	9
II. О добрых критиках фашизма	13
III. Происхождение фашизма.	20
IV. Первые организации. Их состав	25
V. Бенито Муссолини	31
VI. Образование фашистской партии программные выступления Муссолини .	37
VII. «Великая Италия»	44
VIII. Фашисты и Советская Россия .	58
IV. Нарастание и крах революции в Италии (1918—1920 г. г.)	61
X. Война материализму и классовой борьбе!	71
XI. Фашизм и аграрный вопрос .	77
XII. Черные будни в Италии	87
XIII. Перспективы . .	117
XIV. Международный фашизм	143
XV. Захват власти фашистами . .	149

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Главное Управление. Москва.

Общественные науки.

Александрова, Н. Артем. Биографический очерк. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 174.

Блос, В. Германская революция. История движения 1848—49 г. г. Германии. Изд. 1922 г. Стр. 528.

Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Т. I. Выпуск I. От первобытного коммунизма до торгового капитала. Изд. 1918 г. Стр. 373.

" " " Т. II. Вып. II.

" Торговый капитал. Изд. 1919 г. Стр. 318.

" " " Т. III. Вып. III.

" Промышленный капитал. Изд. 1919 Стр. 212.

" " " Т. II. Вып. IV.

" Общая теория капитализма. Коллективистический строй. Изд. 1919 г. Стр. 208.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Изд. 1922 г. Стр. 385.

Браун, Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. Изд. 1922 г. Стр. 356.

Бонч-Бруевич, В. Из мира сектантов. Сборник статей. Изд. 1922 г. Стр. 312.

Бебель, А. Женщина и социализм. Изд. 1922 г. Стр. 400.

Бернштейн-Коган, С. В. Очерки по экономической географии. Вып. I. Изд. 1922 г. Стр. 126.

Варга, Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. Изд. 1922 г. Стр. 145.

Волков, Е. З. Аграрно-экономическая статистика России (1865-1922 г. г.) Стр. 147.

Вольфсон, М. Б. Очерки обществоведения. Изд. 1922 г. Стр. 196.

Гурвич, Н. С. Основы советской конституции. Изд. 1922 г. Стр. 174.

Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Нов. пересмотр. изд. 1922 г. Стр. 446.

Горев, А. Электрификация Франции. С карт. таблиц. Изд. 1922 г. Стр. 37.

Гельфер, А. Охрана здоровья рабочих-подростков. Изд. 1922 г. Стр. 20.

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма. С предисл. Г. В. Плеханова. Изд. 1922 г. Стр. 276.

Ерманский, С. А. Научная организация труда и система Тэйлора. Изд. 1922 г. Стр. 367.

Жорес, Ж. История великой французской революции. Т. I. Учредительн. собр. 1789—91 г г. Изд. 1922 г. Стр. 60.

Зиновьев, Г. Об антисоветских партиях и течениях. Изд. 1922 г. Стр. 55.

Зеликсон-Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика. (1894—1914 г. г.) С иллюстрац. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 81.

Кейнс, Д. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. Изд. 1922 г. Стр. 197.

Пересмотр мирного договора. (Продолжение „Экономич. последствия Версальск. мирного договора".) Изд. 1922 г. Стр. 144.

Крицман, Л. Новая экономическая политика и плановое распределение. Изд. 1922 г. Стр. 80.

Каменев, Л. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократич. литературы на русск. языке. 1883—1905 г. г. Изд. 1922 г. Стр. 60.

Керженцев, В. Революционная Ирландия. Изд. 1923 г. Стр. 232.

Каплун, С. Охрана труда и ее органы. Изд. 1922 г. Стр. 504.

Коллонтай, А. Общество и материнство. Т. I. Государственное страхование материнства. Изд. 1921 г. Стр. 265.

Кунов, Г. Возникновение религии и веры в Бога. С предисл. Н. Степанова. Изд. 2-е, исправл. 1922 г. Стр. 183.

Каутский, К. Предшественники новейшего социализма. Т. I. От Платона до анабаптистов. Изд. 1919 г. Стр. 439.

Предшественники новейшего социализма. Т. II. Коммунизм в германской реформации. Изд. вновь проверен. и исправл. 1919 г. Стр. 290.

Экономическое учение Маркса. Изд. 1922 г. Стр. 158.

Путь к власти. Изд. 1922 г. Стр. 129.

Т. V. Процесс обращения капитала. Изд. 2-е. 1919 г. Стр. 515.

Т. VI. Капитал. Критика политической экономии. Изд. 2-е 1922 г. Стр. 447.

Нищета философии. Ответ на „Философию нищеты" Г. Прудона. С предисл. и примеч. Ф. Энгельса. Изд. 1922 г. Стр. 165.

Меринг, Ф. История германской социал-демократии до 1848 г. Т. I. Изд. 1921 г. Стр. 356.

История германской социал-демократии до прусского конституц. конфликта. Т. II. Изд. 1921 г. Стр. 341.

История германской социал-демократии до франко-прусской войны. Т. III. Изд. 1921 г. Стр. 374.

История германской социал-демократии до выборов 1903 г. Т. IV. Изд. 1921 г. Стр. 422.

Мануйлова, Д. Печали и радости моей жизни. Записки. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 160.

Невский, В. А. Южно-русский рабочий союз в Николаеве. Изд. Истпарта 1922 г. Стр. 96.

Носке, Г. Записки о германской революции. (От восстания в Киле до заговора Каппа.) Изд. 1922 г. Стр. 176.

Полонский, В. Бакунин. Т. I. Бакунин-романтик. Жизнь, деятельность, мышление. С портрет. автора. Изд. 1922 г. Стр. 418.

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г. г. Вып. I. Изд. Истпарта. С иллюстрац. Стр. 290.

Покровский, М. Н. Русская история. Т. I. С древнейших времен до Грозного. Изд. 1922 г. Стр. 243.

Русская история. Т. II. Смута. Борьба за Украйну. Петровская реформа. Изд. 1922 г. Стр. 302.

Русская история. Т. III. Монархия XVIII века. Александр I. Декабристы. Изд. 1922 г. Стр. 310.

Русская история. Т. IV. Крестьянская реформа. 60-е годы. Конец 19 века. Изд. 1922 г. Стр. 310.

Левин, К. А. И. Герцен. Личность-идеология. Изд. 2-е. 1922 г. Стр. 139.

Люксембург, Р. Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма. Под редакц. Н. Бухарина. Изд. 1924 г. Стр. 336.

Накопление капитала или что сделали эпигоны из теории Маркса (Антикритика.) Изд. 1922 г. Стр. 108.

Лавров, С. Парижская коммуна 1871 г. 18 марта. Изд. 3-е 1922 г. Стр. 208.

Лафарг, П. Труд и капитал. Изд. 1922 г. Стр. 79.

Луначарский, А. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. Изд. 1922 г. Стр. 81.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) Т. IV. „Искра" 1900—1903 г. г. Изд. 1920 г. Стр. 335.

Т. VI. 1905 г. 1922 г. Стр. 628.

Т. VII. Ч. I. 1905—6 г. г. От октября 1905 г. до роспуска первой Государственной Думы. Изд. 1921 г. Стр. 352.

Т. VII. Ч. II. 1905—6 г. г. От роспуска 1-й Госуд. Думы до начала избирательн. кампании во вторую Думу. Изд. 1922 г. Стр. 303.

Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до наших дней. Изд. 1921 г. Стр. 314.

Т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до октябрьской революции. Изд. 1921 г. Стр. 536.

Т. XV. Пролетариат у власти. 1918 г. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г. Изд. 1922 г. Стр. 692.

Т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1910—1921 г.) Изд. 1921 г. Стр. 300.

Лозовский, А. Рабочая Франция. (Заметки и впечатления.) Изд. 1923 г. Стр. 139.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические работы. Изд. 1922 г. Стр. 519.

Т. IV. Процесс производства капитала. Изд. 1920 г. Стр. 799.

Рейснер. М. А. Буржуазное государство и советский строй Р.С.Ф.С.Р. Т. I. Введение.—Классовое общество и государственная власть. Изд. 1922 г. Стр. 124.

Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. Сборник воспоминаний. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 64.

Стучка, П. Революционная роль права и государства. I. Общее учение о праве. Изд. 1922 г. Стр. 125.

Сверчков, Д. На заре революции. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 312.

Степанов, И. Электрификация Р.С.Ф.С.Р. в связи с переходной фазой мирового хозяйства. С предисл. Н. Ленина и Г. Кржижановского. С рисунк. и картой. Изд. 1922 г. Стр. 391.

Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко. Сборник статей (1870—1916 г. г.). Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 132.

Сергеев, В. С. Всемирно-исторические кризисы. Ч. 5. Европейский кризис на заре IX столетия. Изд. 1922 г. Стр. 46.

Сеньобос, Ш. Политическая история современной Европы. Т. I. Эволюция партий и политических форм. С прилож. и под ред. В. А. Поссе. Изд. 5-е. 1922 г. Стр. 280.

Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском движении 1903—1905 гг. Изд. Истпарта. 1923 г. Стр. 88.

Султан Заде, А. Экономика и проблемы национальных революций стран Ближнего и Дальнего Востока. Изд. 1922 г. Стр. 184.

Троцкий, Л. Д. 1905 г. Изд. 2-е. Стр. 413.

Между империализмом и революцией. Изд. 1922 г. Стр. 121.

Троцкий, Л. и Раковский, Х. Очерки политической Румынии. С рисунк. Изд. 1922 г. Стр. 151.

Фишер, А. В России и Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 г. г.). Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 104.

Фальцинер, С. А. Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. Изд. 1922 г. Стр. 88.

Шляпников, А. Канун 1917 г.—Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—17 г. г. Ч. I. Изд. Истпарта. 1920 г. Стр. 280.

Шляпников, А.—Канун 1917 г.—Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—17 г. г. Ч. II. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 135.

Штейн, Б. Е. Генуэзская конференция. Изд. 1922 г. Стр. 126.

Штейн, Б. Е. Гаагская конференция. Изд. 1922 г. Стр. 57.

Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего революционера. Ч. I. До лета 1896 г. Изд. Истпарта. 1922 г. Стр. 92.

Эйдус, Х. Очерки рабочего движения в странах Востока. Изд. 1922 г. Стр. 93.

Энгельс, Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. С предисл. Плеханова. Изд. 1923 г. Стр. 79.

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. С приложен. I. Карл Маркс о французск. материализме. II. Карл Маркс о Фейербахе. Перев., предисл. и примеч. Г. В. Плеханова Изд. 1922 г. Стр. 107.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Ильинка, Биржевая пл., уг. Богоявленского пер., № 4. **Тел. 1-57-57, 47-35**

Розничная продажа:

1) Советская площадь, под гостиницей „Дрезден"; 2) Моховая, 17; 3) Б. Никитская, 13 (рядом с консерваторией); 4) Никольская, 3.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1923